

New York Times Bestseller

Орудия Смерти

Книга четвертая

ГОРОД ПАДШИХ АНГЕЛОВ

КАССАНДРА КЛЭР

Война за Орудия Смерти окончена, и Клэри Фрэй возвращается домой в Нью-Йорк. Ее ждет много нового, волнующего: она учится быть Сумеречным охотником, ее мать выходит замуж за любимого, нефилимы и нежить наконец живут в мире, а самое главное – Клэри теперь может быть с Джейсом.

Но ничто не дается даром. Кто-то убивает Сумеречных охотников, некогда состоявших в Круге Валентина, и подкидывает трупы на территории нежити. Провокация грозит новой кровопролитной войной.

Тем временем Джейс ни с того ни с сего начинает отстраняться от Клэри. Она вынуждена разгадывать тайну, даже не подозревая, что в итоге столкнется с жутчайшим кошмаром. Сама того не ведая, Клэри запустила цепочку событий и в результате она рискует лишиться всего, что ей дорого. И Джейса тоже.

Любовь. Смерть. Предательство. Месть. Ставки в новом романе Кассандры Клэр высоки как никогда.

-
- [Кассандра Клэр](#)
    - [Часть первая](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
      - [6](#)
      - [7](#)
      - [8](#)
      - [9](#)
    - [Часть вторая](#)
      - [10](#)
      - [11](#)
      - [12](#)
      - [13](#)
      - [14](#)
      - [15](#)
      - [16](#)
      - [17](#)
      - [18](#)
      - [19](#)
    - [Выражаю признательность](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)

- [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
-

Кассандра Клэр

Город падших ангелов

Посвящается Джошу

Sommes-nous les deux livres [\[1\]](#)

d'un même ouvrage?

Часть первая

Ангелы смерти

*Тьма несет в себе порок,
но витают над нею ангелы смерти,
природы скрытой, неосязаемой.
Узреть их не дано, однако сила их для нас безмерна,
а мечи губительны.*

Джерemi Тейлор, «Надгробная проповедь»

– Кофе, пожалуйста.

Официантка разочарованно выгнула подведенную бровь.

– И все? Поесть не закажете? – спросила она с сильным акцентом.

Саймон Льюис прекрасно понимал ее: с чашки кофе много чаевых не накапает. Впрочем, винить себя он не спешил: вампиры не едят. Иногда он заказывал что-нибудь поесть в ресторанах и кафе – лишь бы выглядеть нормальным. Однако сегодня, во вторник вечером, в «Веселке» народу было немного, и смысл в маскировке отпадал.

– Нет, мне только кофе.

Пожав плечами и забрав ламинированное меню, официантка удалилась.

Саймон, откинувшись на спинку пластикового стула, осмотрелся. Раньше он частенько заглядывал в «Веселку», закусочную на углу Девятой улицы и Второй авеню, недалеко от дома. В этом стареньком заведении, стены которого были обклеены черно-белыми обоями, позволяли сидеть сколько угодно, если каждые полчаса заказываешь по чашке кофе. Здесь по-прежнему подавали вегетарианские пироги и борщ – когда-то Саймон их очень любил, но лакомства остались в прошлой жизни...

Близился Хеллоуин (середина октября как-никак), персонал кафешки вывесил дряхлую табличку «ПРОДЕЛКА ИЛИ БОРЩ!» и поставил картонную фигуру графа Клэцкулы, вампира. Прежде Саймон и Клэри хохотали над убогими украшениями, однако сейчас фальшивые клыки и черный капюшон графа уже не казались Саймону такими забавными.

Саймон выглянул в окно. Ветер гнал по ночным улицам сухие листья, словно пригоршни конфетти. Вниз по Второй авеню шагала девушка: тренкот, длинные, развевающиеся на ветру черные волосы; прохожие оборачивались ей вслед. Раньше и Саймон на таких девушек засматривался, машинально пытаясь вообразить, куда они спешат, с кем встречаются. Уж точно не с такими, как Саймон.

Эта девушка – исключение.

Звякнул дверной колокольчик, и в кафе вошла Изабель Лайтвуд. Она улыбнулась Саймону и проследовала к его столику. Стряхнув тренкот с плеч, повесила его на спинку стула. Сегодня Изабель надела то, что Клэри называет «типичным для нее нарядом»: короткое, облегающее бархатное платье, чулки в сетку и высокие ботинки (за голенище левого девушка заткнула видимый одному лишь Саймону нож). Присаживаясь, Изабель откинула назад волосы, чем привлекла внимание остальных посетителей. Всегда, что бы Изабель ни делала, она привлекает внимание – как взрыв фейерверка.

Прекрасная Изабель Лайтвуд. При первом знакомстве Саймон решил: с ним-то она встречаться не будет, – и отчасти оказался прав. Изабель выбирала в пассии тех, кого не одобрили бы ее родители. В их мире это нежить: фейри, оборотни, вампиры. Саймон не верил своему счастью; Впрочем, свидания с Изабель продолжались всего месяц, и то с перерывами. Да и то всякий раз Саймон задавался вопросом: согласилась бы Изабель на отношения, не стань он кровососом? Не распрощайся он с прежней жизнью?

Убрав за ухо прядку, Изабель обворожительно улыбнулась:

– Классно выглядишь.

Саймон оглядел свое отражение в витрине. Под влиянием Изабель он кардинально пересмотрел имидж: на смену толстовкам и кроссам пришли кожаные куртки и дизайнерские туфли (по три сотни за пару!). Футболки с надписями Саймон оставил, и его сегодняшний девиз

гласил: «ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТЫ – ПОФИГИСТЫ». Впрочем, джинсы Саймон теперь надевал опрятные: без дырок и оторванных карманов. Он отрастил волосы, так что челка закрывала лоб, но уже не ради Изабель.

Клэри над новым имиджем Саймона посмеялась. Она вообще смеялась над его личной жизнью. Не верила, будто у Саймона с Изабель все серьезно. Как и с Майей Робертс, их знакомой-оборотнем. И почему, кстати, Саймон до сих пор не открыл девчонкам, что встречается одновременно с обеими?!

Саймон не заметил, как начались отношения с Майей. Волчица любила прийти к нему в гости, поиграть на иксбоксе. В заброшенном полицейском участке – обители местных оборотней – такой роскоши не имелось. На третий или четвертый раз Майя, прощаясь, поцеловала Саймона, и паренек обратился за советом к Клэри: мол, надо ли обо всем рассказать Изабель?

– Сначала разберись, что у вас с ней, – ответила Клэри. – Потом и говори.

Плохой совет. Прошел месяц, а Саймон так и не разобрался, что же у них с Изабель... И чем дольше тянул, тем нелепее казалась идея открыться. В принципе, Изабель с Майей не больно-то дружат, и секрет остался бы секретом, но... Через две недели Изабель и Майя встретятся на свадьбе матери Клэри и ее давнего друга Люка. Н-да, перспективка. Когда утекаешь от разъяренной толпы охотников на вампиров, то, наверное, и вполтину не так страшно.

– Ну, – голос Изабель выдернул Саймона из задумчивости, – почему здесь, а не в «У Таки»? Та м тебе подадут кровь.

Саймон поморщился. Тактичностью Изабель никогда не страдала. К счастью, никто их не слушал, даже официантка: подойдя, она бухнула перед Саймоном чашку кофе, глянула на Иззи и удалилась, не приняв заказа.

– Нравится мне здесь, – ответил вампир. – Мы с Клэри, пока она училась у Тиш, частенько сюда заглядывали. Здесь подают офигенские борщ и клёцки, это такое варёное творожное тесто. К тому же «Веселка» открыта ночь напролет.

Не слушая Саймона, Изабель посмотрела ему за спину:

– Это еще что?

Саймон проследил за ее взглядом:

– Граф Клёцкула.

– Граф Клёцкула?

Саймон пожал плечами:

– Оформление к Хеллоуину. Граф Клёцкула – для детей, он вроде графа Чокулы^[2] или графа Знака из «Улицы Сезам»... – Видя непонимание во взгляде Изабель, Саймон улыбнулся: – Граф Знак учит детей считать.

Изабель покачала головой:

– Вампир по «ящику» учит детей считать?

– Эту передачу надо смотреть, – пробормотал Саймон. – Иначе не поймешь.

– Вижу мифологические корни, – менторским тоном заявила Изабель. – Существует поверье, будто вампиры помешаны на счете. Если бросить им под ноги пригоршню зерна или риса, они якобы остановятся и примутся пересчитывать крупу. Разумеется, вампирская арифмомания – бред, как и то, что вампиров отпугивает чеснок. Кстати, учителя из вампиров фиговые. Они ведь страшные.

– Спасибо, – ответил Саймон. – Изабель, граф фон Знак – шутка. Он – Знак и обожает считать. Типа: «Детки, знаете, что граф сегодня съел? Одну шоколадную печенку, две шоколадные печенки, три шоколадные печенки...»

Вошел новый посетитель, и в открытую дверь ворвался холодный ветер. Вздогнув, Изабель

потянулась за черным шелковым шарфом:

– Неправдоподобно.

– А как правдоподобно? «Детки, знаете, что граф сегодня съел? Одного бедного селянина, двух бедных селян, трех бедных селян...»?

– Тс-с... – прошипела Изабель, повязав на шею шарфик и хватая Саймона за руку. В ее больших темных глазах загорелся огонь, какой загорается, если Изабель охотится на демонов или думает на них поохотиться. – Оглянись.

У витрины со сладостями стояли двое в темных, подпоясанных плащах до пят: оба низкорослые, болезненно-худые (скулы выпирали подобно ножам), с жидкими седыми волосами и бледно-серыми глазами. Мужчины, впрочем, и не смотрели на пирожные под толстым слоем глазури, рогалики и слойки с кремом.

– Угадай, – спросила Изабель, – кто они?

Саймон обернулся – двое посмотрели на него в ответ. Лишенные ресниц, их глаза выглядели пустыми отверстиями.

– Похожи на злых садовых гномов.

– Рабы, – прошипела Изабель. – Принадлежат вампирам.

– Принадлежат? Как в...

Изабель шикнула на Саймона:

– Ангела ради, ты ведь ничего о своем брате не знаешь! И как вампиры появляются на свет, тебе тоже неизвестно?

– Ну, если мама-вампир и папа-вампир сильно любят друг друга...

Изабель скорчила гримасу:

– Ладно, тебе понятно, что вампирам секс для размножения не нужен? Но спорю, как именно получают новые вампиры, ты не в курсе.

– А вот и в курсе. Я стал вампиром, потому что перед смертью выпил крови Рафаэля. Кровь плюс смерть равно вампир.

– Не совсем. Ты выпил крови Рафаэля, и тебя покусали другие вампиры. В какой-то момент тебя должны были покусать.

– Зачем?

– Слюна вампира... своеобразна. Действует как мутаген.

– Ну да...

– Не нудай мне. У тебя самого слюна волшебная. Вампиры пьют кровь людей, если не хватает других источников крови. Держат их при себе как ходячие автоматы по продаже закусок. – Изабель говорила отрешенно. – Как ни странно, люди от потери крови не страдают. Напротив, слюна вампира целебна, увеличивает число красных кровяных телец. Доноры сильнее, здоровее и живут дольше обычного человека. Потому пить человеческую кровь и не идет вразрез с Законом. Донор не гибнет. Правда, в один момент вампир может захотеть не просто закуску – целого раба. И он начинает понемногу прикармливать донора своей кровью. Человек становится послушным, верным. Раб любит хозяина, поклоняется, ему бы только служить. Помнишь, как тебя тянуло в отель «Дюмор»? Во всем виновата кровь вампира.

– Рафаэля, – бесцветным голосом произнес Саймон. – Позволю себе напомнить, что меня к нему больше не тянет.

– Правильно, ты же полноценный вампир. Хозяину поклоняются рабы. В «Дюморе» гнездо Рафаэля выпило тебя, ты умер и обратился. Вот если бы тебя не выпили, а дали еще вампирской крови, ты стал бы рабом.

– Лекция, конечно, жутко интересная. Однако почему эти двое на нас таращатся?

Изабель снова глянула на рабов:

– Они смотрят на тебя. Может, их хозяин умер и они ищут нового? Будут у тебя питомцы, хочешь? – Изабель ухмыльнулась.

– Или они пришли полакомиться драниками.

– Рабы не едят обычной пищи. Их держат в полуживом состоянии на смеси вампирской и животной крови. Рабы не бессмертны, просто очень медленно старятся.

Оглядев двоих незнакомцев, Саймон заметил:

– Жаль, что за собой они не следят.

Изабель резко выпрямилась:

– Идут к нам. Вот сейчас и узнаем, чего им охота.

Рабы словно катились на колесиках. Бесшумно всего за пару секунд они пересекли зал. Изабель тем временем выхватила и положила под руку стилетообразный клинок: темный, тяжелый, из серебра, с крестами на рукояти. Почти все оружие против вампиров имело насечки в виде крестов. Нефилимы, видно, полагают, что вампиры в большинстве своем христиане. Полезно быть выходцем из религиозного меньшинства!

– Не приближайтесь больше, – предупредила рабов Изабель, держа руку в паре дюймов от кинжала. – Вы двое, чего хотите?

– Сумеречный охотник, – свистящим шепотом обратилось к ней существо слева. – Мы по другому делу и не знали о тебе.

Изабель выгнула тонкую бровь:

– По какому же вы делу?

Второй раб ткнул в сторону Саймона длинным серым пальцем. Ноготь у него был желтый и заостренный.

– Мы к светолюбу.

– Как бы не так, – возразил Саймон. – Понятия не имею, кто вы. Первый раз вижу.

– Я мистер Уокер, – представился первый раб. – Подле меня – мистер Арчер. Мы служим сильнейшему вампиру Нью-Йорка. Главе крупнейшего из кланов Манхэттена.

– Рафаэлю Сантьяго, – подсказала Изабель. – Вам следует знать, что Саймон не входит ни в один из кланов. Он сам по себе.

Мистер Уокер слабо улыбнулся:

– Мой хозяин считает, что положение дел можно изменить.

Саймон посмотрел на Изабель, та пожала плечами:

– Рафаэль вроде говорил тебе держаться подальше от его клана?

– Передумал. Сама знаешь, он ветреный, непостоянный.

– Знаю, да не особенно хорошо. Мы с Рафаэлем не виделись с тех пор, как я пригрозила убить его канделябром. Он, правда, смелый, даже глазом тогда не моргнул.

– Обалдеть, – произнес Саймон. Двое рабов взирали на него бело-серыми, цвета грязного снега, глазами. – Рафаэлю от меня что-то нужно, иначе в клан не звал бы. Может, скажете, что он задумал?

– Хозяин не посвящает нас в свои планы, – высокомерно ответил мистер Арчер.

– Тогда я не пойду с вами.

– Если не пойдешь своей волей, мы уведем тебя силой. Нам дозволено.

Кинжал будто прыгнул в руку Изабель. Она лишь едва заметно шевельнула кистью, и вот клинок уже покачивается у нее в пальцах.

– На вашем месте, – предупредила девушка рабов, – я бы не рыпалась.

Мистер Арчер оскалился:

– С каких пор дети Ангела стерегут диких вампиров? Я думал, ты выше нас, Изабель Лайтвуд.

– Я не телохранитель, а девушка Саймона. Тронь его – и получишь от меня пенделя. Вот так вот.

Девушка? Саймон уставился на Изабель – та, сверкая глазами, смотрела на рабов. Поразительно! С одной стороны, Изабель вроде не считала себя девушкой Саймона, с другой – парень отметил тревожный звоночек: он удивляется не приглашению сильнейшего вампира Нью-Йорка, а переменам в личной жизни. Дожили.

– Мой хозяин, – произнес мистер Уокер примирительным (как ему, наверное, казалось) тоном, – хочет кое-что предложить светолюбу.

– Его зовут Саймон. Саймон Льюис.

– Хорошо, мистеру Льюису. Сменю заверить мистера Льюиса, он только выиграет, и немало, если последует за нами и выслушает нашего хозяина. Клянусь честью господина, светолуб, тебе не причинят вреда. И если предложение придется тебе не по вкусу, ты волен отказаться.

Наш хозяин, наш хозяин... Мистер Уокер поминал Рафаэля с такой смесью обожания и благоговейного трепета, что Саймон внутренне вздрогнул. Ужасно принадлежать кому-то и не иметь собственной воли.

Покачав головой, Изабель одними губами прошептала Саймону:

– Не ходи.

Скорее всего, она права, потому что Сумеречный охотник из нее превосходный. Изабель с блеском уничтожает демонов и нежить, преступившую Закон: вампиров-отщепенцев, черных магов и одичавших оборотней-людоедов, – с двенадцатилетнего возраста, и успехов она добилась больших, чем любой сверстник-нефилим. За исключением разве что Джейса. (И Себастьяна, который, не будь он мертв, заткнул бы за пояс обоих.)

– Ладно, ведите, – согласился Саймон.

Изабель выпучила на него глаза:

– Саймон!

Рабы смотрели на него, потирая руки. Ни дать ни взять злодеи из комиксов. Пугал, правда, не сам жест, а то, как слаженно и одинаково рабы его выполняли. Словно марионетки, которых в унисон дергают за ниточки.

– Отлично, – сказал мистер Арчер.

Грохнув кинжалом о стол, Изабель встала и нагнулась к Саймону. Кончики ее блестящих черных волос коснулись столешницы.

– Не глупи, Саймон, – яростно прошептала она. – Тебе незачем с ними идти. Рафаэль – урод.

– Рафаэль – главный вампир, – ответил Саймон. – Крестил меня своей кровью. Он мне... как его там...

– Господин, создатель, породитель... имен до фига, – растерянно произнесла Изабель. – Может, его кровь и сделала тебя вампиром, но не она сделала из тебя светолуба.

Изабель посмотрела в глаза Саймону, как будто напоминая: «Светолубом ты стал благодаря крови Джейса». Вслух говорить о том, кто такой Джейс и почему Саймон стал светолубом, вкусив его крови, она не решилась. Тайну знают лишь немногие.

– Саймон, тебе не обязательно ему подчиняться.

– Не обязательно, – понизив голос, согласился Саймон. – Отказываться тоже нельзя. Меня в покое не оставят. Рафаэль вездесущ. – Краем глаза он посмотрел на мужчин в серых плащах. Те как будто молча подтверждали его слова. – Я ни погулять не смогу, ни в школу пойти, ни в гости к Клэри...

– Ну? По-твоему, Клэри с ними не справится? – Изабель, сдаваясь, подняла руки. – Ладно, иди. Только я тебя одного не отпускаю.

– Возражаю, – встрял мистер Арчер. – Наши дела не касаются Сумеречных охотников. На

встречу придут Дети ночи.

– Я не...

– Закон дает нам право самим улаживать дела, – чопорно напомнил мистер Уокер. – Если они целиком касаются нашего вида.

– Дайте минутку, – попросил Саймон. – Мне надо поговорить с Изабель.

На мгновение над столиком повисла тишина. Жизнь вокруг шла своим чередом: в близлежащем кинотеатре закончился сеанс, и в кафе повалили новые посетители, официантки разносили дымящиеся тарелки с едой, за соседними столиками смеялись и болтали парочки, позади стойки перекрикивались повара. На Саймона и Изабель никто внимания не обращал, никто не видел ничего подозрительного. К маскирующим чарам Саймон привык, но с Изабель его порой не оставляло чувство, будто суетный мир остается за стеклянной стеной.

– Будь по-вашему, – отступил мистер Уокер. – Однако наш хозяин не терпит задержек.

Рабы, словно памятники, встали у двери, совершенно не обращая внимания на порывы ледяного ветра, когда кто-то входил в кафе.

– Не бойся, – успокоил подругу Саймон. – Мне не причинят вреда. Не посмеют. Рафаэль помнит про... – Саймон неловко указал себе на лоб. – Про это.

Потянувшись через стол к Саймону, Изабель смахнула челку у него со лба – жестом скорее формальным, нежели трепетным. Саймон на Каинову печать насмотрелся в зеркало. Метку словно нарисовали тонкой кистью и чернилами. Она слегка меняла форму, как образ в облаках, и при том же всегда оставалась грозной – будто предупреждение на неведомом языке.

– Оно... действует? – прошептала Изабель.

– Рафаэль считает, что да. И я склонен соглашаться. – Саймон отвел ее руку. – Все будет хорошо.

Девушка тяжело вздохнула:

– Как опытный охотник, предупреждаю: не глупи.

Саймон сжал в руке ее пальцы:

– Брось. Тебе самой интересно, что на уме у Рафаэля.

Похлопав его по руке, Изабель попросила:

– Как вернешься – расскажешь. Сразу позвони мне.

– Позвоню. – Встав, Саймон застегнул куртку. – У меня просьба. Точнее, несколько просьб.

Изабель посмотрела на него со сдержанным любопытством:

– Выкладывай.

– Клэри сегодня собиралась на тренировку в Институт. Не говори, куда я пошел. Нечего ей попусту волноваться.

Изабель закатила глаза:

– Ладно, не скажу. Что дальше?

Наклонившись, Саймон поцеловал Изабель в щеку:

– Попробуй здешний борщ. На вкус – фантастика.

* * *

Мистер Уокер и мистер Арчер оказались не самыми разговорчивыми проводниками. Словно скользя над асфальтом, они молча вели Саймона по улицам – людным, несмотря на поздний час. Кто-то, опустив голову и подняв воротник, возвращался домой с ночной смены, кто-то с ужина. У церкви Святого Марка уличные торговцы выложили на карточных столиках товар: от дешевых носков до карандашных рисунков с видами Нью-Йорка и сандаловых

благовоний. Листья шелестели об асфальт как сухие кости. В воздухе пахло выхлопными газами, сандалом и – тоньше всего – человечинной, кровью и кожей.

Желудок начало сводить. Дома Саймон держал достаточно бутылочек с кровью и даже устроил потайной холодильник в дальнем углу кладовки, чтобы мама не увидела. На вкус он находил кровь отвратительной. Думал, привыкнет, полюбит. Однако животная кровь лишь глушила приступы голода, но так и не стала вровень с шоколадом, вегетарианскими бурито и кофейным мороженым. Кровь оставалась кровью.

Впрочем, голод чувствовать – еще хуже. Саймон невольно улавливал запахи: соль на коже, приторный, сладковатый аромат крови, проступающий через поры. Голод разгорелся сильнее. Саймон спрятал руки в карманы куртки и постарался дышать ртом.

Свернув на Третью авеню, процессия остановилась у ресторана с вывеской:

«МОНАСТЫРСКОЕ КАФЕ».
САД ОТКРЫТ КРУГЛЫЙ ГОД.

Уставившись на надпись, Саймон спросил:

– Нам разве сюда?

– Хозяин велел привести тебя в это место, – отрешенно ответил мистер Уокер.

Саймон озадаченно хмыкнул:

– Я-то считал, что Рафаэль любит встречи... ну, на крыше неосвященного собора там... или в склепе, где полно костей. Не думал, что он поклонник фирменных заведений.

Рабы пристально посмотрели на Саймона.

– Тебя что-то не устраивает, светолуб? – спросил наконец мистер Арчер.

Лишних проблем Саймону не хотелось, и он ответил:

– Да нет. Все тип-топ.

Внутри оказалось темно. Вдоль одной из стен шла мраморная стойка. Рабы сразу повели Саймона к двери в задней части зала, в сад; по пути никто из персонала к ним не подошел.

Террасы имелись во многих ресторанах Нью-Йорка, но не все работали в холодное время года. Здешний сад представлял собой внутренний дворик меж нескольких зданий. Стены украшал троплей: полные цветов итальянские сады. На деревьях с желто-красными кронами висели гирлянды, а между столиками горели инфракрасные лампы. В середине садика мелодично журчал фонтан.

Саймон увидел лишь одного посетителя – не Рафаэля. За столиком у стены сидела стройная дама в шляпе с широкими полями. Она помахала рукой удивленному Саймону. Вампир обернулся: позади него, естественно, больше никто не стоял. Ошеломленный, Саймон последовал за Уокером и Арчером – рабы, скользя, направились к даме и остановились в нескольких футах.

Уокер низко поклонился:

– Повелительница.

Дама улыбнулась:

– Уокер, Арчер, вы молодцы. Спасибо, что привели Саймона.

– Секундочку. – Саймон недоверчиво переводил взгляд с дамы на рабов и обратно. – Вы не Рафаэль.

– Черт возьми, ты прав. – Дама сняла шляпу, и на плечи ей упали невероятно густые серебристые локоны. У нее было гладкое овальное лицо с большими бледно-зелеными глазами. Длинные перчатки из черного шелка, блузка из того же материала, узкая прямая юбка и черный шарф... Саймон затруднялся определить возраст дамы, даже приблизительно, хотя бы во сколько

лет ее укусили. – Я Камилла Белькур. Очень, очень рада встрече. – И она протянула руку.

– Меня вроде Рафаэль пригласил, – сказал Саймон, не отвечая на приветственный жест. – Вы работаете на него?

Камилла Белькур серебристо рассмеялась:

– Вот уж нет! Это он когда-то на меня работал.

И тут Саймон вспомнил: сам же, будто века назад, говорил Рафаэлю, что глава вампиров – некто другой. И Рафаэль отвечал: «Камилла до сих пор не вернулась. Я за нее».

– Так это вы хозяйка. Глава манхэттенского клана. – Он обратился к рабам: – Вы меня обманули! Сказали, что встречу устроил Рафаэль.

– Я сказал: тебя ждет наш хозяин, – ответил мистер Уокер, глядя на Саймона огромными пустыми глазами. Вряд ли раб способен на обман. Скорее всего, он запрограммирован, как робот, передавать слова повелителя и просто не замечает отклонений от надиктованной речи. – Вот она, повелительница.

– Право слово. – Наградив рабов ослепительной улыбкой, Камилла сказала: – Уокер, Арчер, прошу, оставьте нас. Мне с Саймоном надо поговорить наедине.

Имя Саймона и «наедине» глава клана произнесла, будто тайный пароль для любовника.

Рабы с поклоном удалились. На шее у мистера Арчера Саймон успел заметить след от укуса: темный синяк, похожий на мазок краски, и – еще более темные – две дырочки посередине, окольцованные сухой, потрескавшейся кожей. Саймон тихонько вздрогнул.

– Прощу, садись. – Камилла похлопала по соседнему стулу. – Хочешь вина?

Саймон неловко присел на краешек жесткого металлического стула:

– Я не большой любитель выпить.

– Понимаю, – сочувственно произнесла Камилла. – Ты ведь совсем еще новичок. Не бойся, со временем приучишь себя употреблять вино и прочие людские напитки. Старейшие из нас способны есть, почти не ощущая болезненных побочных эффектов.

Болезненных побочных эффектов? Саймону слова Камиллы не понравились.

– Мы надолго здесь? – спросил он, демонстративно доставая сотовый и глядя на часы. Половина одиннадцатого. – Мне домой надо.

Пригубив вино, Камилла спросила:

– Правда? Зачем же?

Мама ждет. Правда, дамочке этого знать не обязательно.

– Вы прервали мое свидание. Я думал, дело срочное.

– Ты ведь живешь с матерью, так? – напомнила Камилла, отставляя бокал. – Странно, ты могущественный вампир – и отказываешься покидать дом. Не хочешь вступить в клан.

– Так вы прервали мое свидание, чтобы посмеяться? Могли бы выбрать другой вечер. Я на свидания не часто хожу.

– Я не смеюсь, не издеваюсь, Саймон. – Она облизнула нижнюю губу, словно добирая капельки вина. – Просто интересно, почему ты не присоединился к Рафаэлю?

То есть к ней самой.

– Чутье подсказывало, что Рафаэлю это не нужно. Он ясно дал понять, что оставит меня в покое, если я уйду. Я и ушел.

– Ушел? – Бледно-зеленые глаза Камиллы светились.

– Я не просил делать из меня вампира, – ответил Саймон, поражаясь, зачем он вообще откровенничает с этой странной женщиной. – Просто хотел нормальной жизни. Узнав о даре, я подумал: вот шанс. По крайней мере, у меня есть подобие человеческой жизни: я хожу в школу, ночую дома, общаюсь с мамой и сестрой...

– Ты не ешь в их присутствии. Тебе приходится скрывать тягу к крови. Ты ни разу не пил

кровь человека, да? Пьешь исключительно слитую кровь. Остывшую. Животную.

Камилла наморщила носик.

Саймон пил кровь Джейса, но Джейс – не совсем человек.

– Нет, кровь человека я не пил.

– Когда-нибудь ты попробуешь людскую кровь... и вкуса ее забыть не сумеешь. – Женщина наклонилась к Саймону, и кончики ее волос коснулись его руки. – Вечно прятать свою суть нельзя.

– Какой подросток не врет родителям? И что вам за дело? Зачем меня звали?

Камилла вновь наклонилась к Саймону, позволяя заглянуть себе в вырез платья. Будь Саймон человеком, он вспыхнул бы от смущения.

– Может, покажешь ее?

– Кого ее? – выпучил глаза Саймон.

Камилла улыбнулась:

– Печать, глупыш. Печать одиночества.

Саймон вернул на место отвисшую челюсть. Откуда Камилла знает о Печати?! Лишь немногие в курсе, что Клэри изобразила у него на лбу. Рафаэль предупреждал: Каинов знак – предмет страшной тайны, и Саймон ему поверил.

Камилла пристально смотрела на Саймона. Нечто в мелодичном звучании ее голоса заставило убрать со лба челку.

Округлив глаза и приоткрыв рот, Камилла схватилась за горло. Она словно проверяла давно умолкший пульс.

– О... – произнесла наконец вампиресса. – Ты такой везунчик, Саймон. Такой счастливчик.

– Я проклят, – напомнил он, – не благословлен. Сами знаете.

Сверкнув глазами, Камилла процитировала:

– «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно»^[3]. Ты не в силах вытерпеть свое проклятие, Саймон?

Опустив челку, он выпрямился:

– Я – в силах.

– Просто не хочешь. – Не сводя с него глаз, Камилла провела пальцем по кромке бокала. – Что, если я предложу обратить проклятие в преимущество?

Ну наконец-то она подошла к сути дела! Начинается настоящий разговор.

– Я весь внимание.

– Когда я представилась, ты узнал мое имя. Рафаэль упоминал меня прежде, так?

Разговаривала Камилла с легким акцентом.

– Он замещает вас в качестве главы. Как... вице-президент, что ли.

– Ага. – Камилла легонечко прикусила нижнюю губу. – Рафаэль был не до конца правдив. Позволь же, Саймон, открыть истину. Я сделаю тебе предложение, только сначала пообещай мне кое-что.

– Что же?

– Все сказанное и свершенное здесь и сегодня останется между нами. В тайне. Ты никому ничего не расскажешь: ни своей рыженькой приятельнице Клэри, ни одной из твоих дам сердца и никому из Лайтвудов. Вообще никому.

Саймон откинулся на спинку стула:

– А если я не стану ничего обещать?

– Ты волен уйти. И в этом случае не узнаешь, что же я хотела предложить. Об упущенном шансе ты пожалеешь.

– Я, конечно, любопытный, но не настолько.

В глазах Камиллы вспыхнула искорка удивления, любопытства и – как показалось Саймону – некоторого уважения.

– Сделка не касается твоих друзей и знакомых. Я никак не затрону их жизни и благосостояние. Секретность – для моей же безопасности.

Саймон посмотрел на Камиллу с недоверием. Она что, серьезно? Вампиры – не феи, которые врать неспособны. Хотя, надо признать, любопытство Камилла в Саймоне возбудила.

– Хорошо, я сохраню тайну. Только если ваши дела действительно не угрожают моим друзьям. Иначе я отказываюсь от соглашения.

Камилла одарила Саймона ледяной улыбкой. Сразу видно: не любит, когда ей не верят на слово.

– Что ж, будь по-твоему. Помощь твоя нужна очень срочно, и выбора не остается. – Камилла подалась вперед, поигрывая ножкой бокала. – Еще недавно я руководила манхэттенским кланом, не зная бед. Мои подданные жили в отличном довоенном доме в Верхнем Вест-Сайде. Отель – крысиная дыра, в которой держит гнездо Сантьяго, – не чета нашему прежнему обиталищу. Сантьяго – или Рафаэль, как ты его называешь, – был моей правой рукой. Самым преданным товарищем... как я думала. В одну прекрасную ночь выяснилось, что он убивает людей ради забавы: заманивает их в отель в Испанском Гарлеме, высушивает, а кости прячет в мусорный контейнер. Бессмысленно рискует жизнью всех в гнезде, нарушает Закон. – Камилла пригубила вино. – Я решила разобраться с Сантьяго, однако он опередил меня. Солгал всем, будто убийца и преступник – я. Подставил госпожу. Рассчитывал убить меня и прибрать к рукам власть. Я бежала, забрав только Уокера и Арчера – для защиты.

– То есть Рафаэль лгал. Он не замещает вас, не ждет возвращения хозяина?

Камилла поморщилась:

– Сантьяго – закоренелый лжец. Моего возвращения он ждет, только чтобы избавиться от меня и окончательно подчинить себе клан.

Саймон растерялся. Он не привык, что зрелые женщины смотрят на него полными слез глазами и изливают душу.

– Мне жаль, – произнес он наконец.

Камилла очень выразительно пожала плечами. Не француженка ли она?

– Что было, то быльем поросло. Все это время я скрывалась в Лондоне, ища союзников, выжидая. Затем дошли слухи о тебе... – Камилла подняла руку в предупреждающем жесте, – не скажу от кого, с меня взяли клятву хранить источник сведений в тайне. Я сразу поняла: ты-то мне и нужен.

– Нужен? Или был нужен?

Камилла коснулась его руки:

– Рафаэль тебя боится, как и положено. Ты один из нас, вампир, но Рафаэль и пальцем тебя не тронет. Иначе гнев Божий падет на его голову.

В наступившей тишине отчетливо слышались тихое гудение тока в гирляндах, плеск воды в каменной чаше фонтана и шум ночных улиц.

– Вы помянули Его, – тихим голосом заметил Саймон.

– Кого его?

– Его... Чей гнев... – Заповедное слово готово было сорваться с губ.

– Понимаю – Бога. – Не сводя с Саймона теплого взгляда, Камилла убрала руку. – Наш вид хранит много тайн. Я столько могу поведать тебе, показать. Ты узнаешь, что вовсе не проклят.

– Мэм...

– Камилла. Зови меня Камилла.

– Чего вы от меня хотите?

– Еще не понял? – Она мотнула головой, и блестящие волосы разметались по лицу. – Присоединяйся ко мне, Саймон. Встань против Сантьяго. Вместе мы войдем в его крысиную нору, в отель, и, как только его приближенные увидят, что ты со мной, они сразу вернутся ко мне. Я верю: мои подданные верны мне, просто боятся Сантьяго. Мы рассеем страх, вернем клан. Божественному нельзя противиться.

– Сомневаюсь, – ответил Саймон. – В Библии Иаков боролся с ангелом и победил... – Камилла приподняла брови. Пожав плечами, Саймон сказал: – Я в иудейскую школу ходил.

– «И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя»^[4]. Ты не единственный знаешь Писание. – Теперь Камилла улыбалась. – Ты, может, не понимаешь, светолуб, но Каинова печать делает тебя карающей десницей Господа. Перед тобой никто не устоит, вампиры – тем более.

– Вы меня боитесь? – спросил Саймон и тут же пожалел: взгляд Камиллы сделался темнее тучи.

– Я? Боюсь тебя? – Она постаралась взять себя в руки, вернув лицу прежнее, непринужденное выражение. – Разумеется, нет. Ты воспитанный и образованный. Я просто уверена, что выгода от союза со мной очевидна.

– И что дальше? Вот убьем мы Рафаэля – а потом? Я не питаю к нему ненависти и не хочу убивать ради убийства. Рафаэль меня не трогает, большего и не надо.

Камилла сложила перед собой руки. На левом среднем пальце – поверх перчатки – у нее поблескивало серебряное кольцо с голубым камнем.

– Это сейчас ты доволен, Саймон. Рафаэль не делает тебе одолжения, он изгнал тебя. Пока тебе не нужны приятели, кроме тех, что уже есть: люди, нефилимы. Ты счастлив, пряча бутылки с кровью и вводя мать в заблуждение.

– Откуда вы...

Не обращая на него внимания, Камилла продолжила:

– Все хорошо, пока тебе шестнадцать. Представь, что будет в двадцать шесть. В тридцать. Думаешь, никто не заметит, как ты не меняешься, когда все вокруг стареют?

Саймон молчал. Не хотел признавать, что так далеко еще не заглядывал. Сознательно не заглядывал.

– Ты поверил Рафаэлю, будто вампиры для тебя – яд. Разве обязательно слушать его? Вечность длится очень долго, особенно если не с кем ее разделить. Если не разделить ее со своими. С теми, кто тебя понимает. Ты дружишь с нефилимами, но ты не один из них. Для них ты посторонний, чужак. Среди нас же ты свой. – Камилла подалась вперед, и свет, отразившись от кольца, кольнул Саймону глаз. – У нас тысячелетний опыт, Саймон, и мы можем поделиться с тобой. Ты научишься скрывать свою сущность, есть и пить среди людей, поминать имя Господа. Жестокий Рафаэль скрыл эту возможность, будто ее не существует вовсе. Она есть, и ты ее получишь. Я помогу.

– Если я помогу вам.

Камилла улыбнулась, показав острые белые зубы:

– Мы поможем друг другу.

Саймон откинулся на спинку жесткого металлического стула и внезапно ощутил усталость. На тыльной стороне ладоней проступили потемневшие вены. Нужна кровь. Нужно поговорить с Клэри. Нужно время обдумать предложение.

– Слишком много информации, – заметила Камилла. – Понимаю и с радостью дам срок поразмыслить над предложением и обо мне. Только учти: времени остается очень мало. В городе мне угрожают Рафаэль и его когорта.

– Когорта? – Саймон невольно усмехнулся.

– В чем дело? – удивилась Камилла.

– Да просто... когорта... Проще сказать «шестерки», «прихвостни». – Видя пустой взгляд Камиллы, Саймон вздохнул: – Простите, это я плохих фильмов насмотрелся.

Камилла слегка нахмурилась, и между бровей у нее залегла тонкая складка.

– Меня предупреждали, что ты не совсем обычный. Или я просто не знаю вампиров твоего поколения? Любопытно и познавательно будет оказаться в кругу... молодежи.

– Свежая кровь, – подсказал Саймон, и Камилла улыбнулась:

– Значит, ты готов? Принять предложение? Работать со мной?

Саймон посмотрел вверх. Полосы белого света в небе оттеняли блеск звезд.

– Послушайте, я ценю ваше предложение, правда... – Черт, не так. Саймон будто приглашение на школьный бал отвергает. Надо по-другому. Может: «Своим предложением вы мне очень, очень польстили, но...»? Камилла и Рафаэль разговаривают сдержанно и сухо. Скопировать их манеру? – Мне потребуется некоторое время на размышления. Уверен, вы поймете.

Камилла улыбнулась – очень осторожно, показав лишь кончики клыков:

– Пять дней, не больше. – Она протянула Саймону пузырек, похожий на флакон с духами. Только в этом сосуде лежал буроватый порошок. – Кладбищенская земля. Разбей, когда будешь готов призвать меня. Если через пять дней ты не разобьешь флакон, я пришлю за ответом Уокера.

Приняв пузырек, Саймон спрятал его в карман куртки:

– А если я отвечу отказом?

– Ты меня разочаруешь, но расстанемся мы друзьями. – Камилла отставила бокал. – До встречи, Саймон.

Встав, он отодвинул стул, ножки которого слишком громко скрипнули по полу. Пожалуй, стоило что-нибудь сказать на прощание, однако уж лучше показаться невоспитанным современным вампиром, чем снова втягиваться в неприятный разговор. Молча он покинул террасу.

По пути через зал Саймон заметил Уокера и Арчера у большой деревянной решетки: рабы, ссутулившись, следили за ним. Парень чувствовал на себе их взгляды. Проходя мимо, он изобразил жест рукой: нечто между дружеским «пока-пока» и воздушным поцелуем. Арчер, оскалив зубы – простые, человеческие, – проследовал на террасу; Уокер – за ним. Камилла даже не соизволила взглянуть на рабов, когда те садились за столик напротив. В этот момент выключилась иллюминация – вся, разом, – и сад превратился в черную дыру, словно кто-то погасил над ним звезды. Когда персонал ринулся на террасу и когда ее вновь залило бледным светом, Камиллы и рабов уже след простыл.

* * *

Приоткрыв дверь дома – одного из многих бруклинских кирпичных домов, так похожих друг на друга, – Саймон прислушался.

Матери он соврал, будто идет репетировать перед субботним концертом. Было время, когда мать верила на слово и лишних разговоров не возникало; Элейн Льюис – не из строгих родителей, в ее доме не действует комендантский час. И Саймон, и его сестра спокойно гуляли допоздна, даже в будни. Бывало, засидевшись у Клэри, Саймон возвращался и, отперев дверь своим ключом, падал в постель часа в два ночи. И ни слова против со стороны мамы.

Все изменилось с тех пор, как Саймон побывал в Идрисе, на родине Сумеречных охотников.

На две недели он исчез из дому без предупреждения. В гости к Льюисам наведалься Магнус Бейн и наложил на мать Саймона заклятие забвения. Теперь она не помнит – по крайней мере, сознательно – о пропаже сына. Зато ведет себя иначе: контролирует чуть ли не каждый шаг, требует, чтобы Саймон возвращался домой в строго оговоренное время. Когда он последний раз вернулся после свидания с Майей, Элейн встретила его в прихожей: сидя в кресле, скрестив руки на груди и едва сдерживая гнев.

В ту злополучную ночь Саймон, еще не войдя домой, услышал дыхание матери. Сегодня до него доносился только приглушенный звук телевизора из гостиной. Должно быть, мама ждет его и смотрит очередной сериал про врачей (которые так обожает). Закрыв за собой дверь, Саймон привалился к ней спиной и собрал силы – предстояло врать.

Питаться с домашними тяжело. Ладно, мама уходит на работу ранним утром и возвращается поздно ночью; Ребекка учится в колледже в Нью-Джерси и домой приходит только ради стирки – замечать странности у нее попросту нет времени. Уходя на работу, мама оставляет на кухонной стойке приготовленный с любовью завтрак, и Саймон по пути в школу отправляет его в мусорный бак. С ужином справиться сложнее. Если мама дома, Саймон гоняет еду по тарелке, притворяясь сытым, или берет ее с собой в комнату – якобы хочет съесть за уроками. Пару раз, желая сделать маме приятное, он впихивал в себя еду, а после потел и блевал в ванной.

До чего противно врать! Саймон жалел Клэри – из-за бремени любви Джослин, самой гиперзаботливой матери, какую Саймон когда-либо встречал. Правда, со смертью Валентина Джослин успокоилась и уже не так докучала дочери опекой. У себя дома Саймон постоянно чувствовал бдительный взгляд Элейн Льюис как немой укор.

Втянув голову в плечи и бросив сумку у двери, Саймон вошел в гостиную. Готовый к самому худшему, он взглянул на экран: предавали животрепещущие новости о ребенке, брошенном в переулке за больницей. Странно, мама терпеть не может новости, они вгоняют ее в депрессию. Впрочем, ничего удивительного: мама уже давно спит; очки лежат на столике, на полу – полупустой бокал. Судя по запаху, в нем виски. Мама же почти не пьет!

Саймон ощутил укол совести.

Он сбегал в спальню матери за вязаным пледом. Элейн Льюис – миниатюрная, похожая на птичку женщина – еще спала. Дышала медленно и ровно. Ее лицо обрамлял нимб курчавых черных волос с проседью, которую она отказывалась окрашивать. Мама работала на некоммерческую организацию по охране окружающей среды и почти всегда носила одежду с животным орнаментом. Сегодня на ней было платье цвета морской волны с дельфинчиками и значком из засмоленной живой рыбки – ее мертвый глаз как будто смотрел на Саймона с укоризной. Сын нагнулся подоткнуть матери плед, и в этот момент Элейн Льюис судорожно отвернулась от него.

– Саймон, – прошептала она. – Саймон, где ты?

Пораженный, Саймон выпрямился. Может, стоит разбудить маму и сказать: мол, вот он я, пришел домой? Нет, начнутся вопросы, и мама опять будет смотреть на него с болью в глазах. Саймон не выдержит.

Развернувшись, он отправился к себе в комнату.

Не снимая с кровати покрывала, Саймон упал на матрас и схватил с тумбочки трубку телефона. Хотел уже рефлекторно набрать номер Клэри и остановился, вслушиваясь в гудок. Про Камиллу рассказывать нельзя. Саймон ей, конечно, ничем не обязан, однако за последние несколько месяцев он твердо усвоил урок: нарушать данную магическим существам клятву опасно. И все же ему не терпелось поговорить с Клэри, услышать ее голос. В конце концов, всегда можно пожаловаться на любовные перипетии. Клэри готова смеяться над ними до потери пульса.

Перекатившись на бок и накрыв голову подушкой, Саймон набрал номер Клэри.

– Ну как, хорошо провел время с Изабель?

Прижав трубку плечом к уху, Клэри перепрыгнула с одной потолочной балки на другую. На высоте двадцати футов над тренировочным залом на чердаке Института. Хождение под потолком развивало равновесие, и Клэри – с ее боязнью высоты – просто терпеть не могла эту часть занятий. Пусть даже к поясу крепился гибкий страховочный трос.

– Насчет Майи признался?

Саймон пробурчал что-то невразумительное. Значит, нет. На заднем фоне играла музыка, и Клэри представила картинку: Саймон, включив стереосистему, лежит в обнимку с трубкой. Голос его звучал устало, даже очень, то есть, говоря непринужденным тоном, Саймон пытается обмануть Клэри. Она несколько раз, еще в начале беседы, спросила, все ли хорошо, но Саймон лишь отмахнулся, решив не отвечать.

Клэри фыркнула:

– Саймон, ты играешь с огнем. Не забывай.

– Было бы что помнить. Экое дело важное, – печально произнес Саймон. – Ни Майя, ни Изабель не брали с меня обещания встречаться только с ними и ни с кем больше.

– Открою тебе секрет. – Клэри присела на балку. В распахнутые полукруглые окна влетал ночной воздух, холодя покрытую испариной кожу. Клэри думала, что нефилимы занимаются в тяжелой боевой броне; оказалось, кожаные штаны и куртки – для поздних стадий тренировки с оружием. Сейчас на Клэри были штаны на шнурке и майка, примерно как у больничного персонала. – Пускай девушка и не взяла с тебя обещания встречаться только с ней, это еще ничего не значит. Она придет в ярость, узнав о твоих похождениях на стороне. Особенно если она знакома с соперницей. Таковы правила свиданий.

– Откуда ж мне было знать?

– Это правило всем известно.

– Ты на моей стороне или как?

– Конечно на твоей!

– Тогда прояви сочувствие!

Прижав трубку к другому уху, Клэри уставилась во тьму первого этажа. Куда подевался Джейс? Ушел за вторым тросом и пропал. Впрочем, застав Клэри за болтовней по телефону, он ее на месте прибьет. Джейс редко следил за тренировками Клэри, обычно учительскую обязанность берут на себя Мариза, Кадир или кто-нибудь из нью-йоркского отделения Конклава. (Замену Ходжу пока не нашли.) Но уж если наступала его очередь, парень брался за дело с большим усердием.

– Твои проблемы, – сказала Клэри, – не проблемы вовсе. Ты встречаешься одновременно с двумя красивыми девчонками. Подумай над этим. Ситуация вполне типична для... рок-звезды.

– Проблемы – единственное, что мне досталось от жизни настоящей звезды.

– Ты сам назвал свою группу «Похотливая плесень», друг мой.

– Мы теперь «Тысячелетние катышки», – возразил Саймон.

– Значит так, разберись с личной жизнью до свадьбы. Если на празднике Майя и Изабель узнают, что ты встречаешься с ними обеими, они убьют тебя, и тогда празднику конец. С горя моя мама тоже тебя убьет. Так что быть тебе мертвым дважды. Нет, технически, трижды...

– Я их на праздник не приглашал! – встревожился Саймон.

– Ага, зато девчонки ждут, когда пригласишь. За тем и нужны парни – для выходов в свет. –

Подойдя к краю балки, Клэри посмотрела на пол, освещенный ведьминым огнем. На тренировочный круг вроде мишени, нарисованной мелом. – Ладно, пора прыгать, и, видимо, я помру жуткой смертью. Завтра поговорим.

– Не забудь, у меня в два репетиция. Приходи.

– Пока-пока. – Нажав «отбой», Клэри сунула телефон в лифчик. Что прикажете делать, если нет карманов?

– Всю ночь наверху торчать будешь? – спросил Джейс, выходя в центр круга. В отличие от Клэри он надел боевую форму, и светлые волосы сильно выделялись на черном фоне. Под конец лета их оттенок стал темно-золотым, что шло Джейсу не так хорошо, как светлый. При мысли, что ей теперь заметны малейшие перемены во внешности возлюбленного, Клэри почувствовала слегка неуместную радость.

– Ты хотел ко мне подняться, – крикнула девушка вниз. – Передумал?

– Долго объяснять. – Джейс ухмыльнулся. – Ну как, прыжки отрабатываем?

Клэри вздохнула. Отрабатывая прыжки, нефилимы кидались вниз с большой высоты. В полете предстояло отталкиваться от стен, кувыркаться, кружиться, пинаться и нырять, совершенно позабыв о синяках и ушибах. Джейс, падая, напоминал ангела, грациозного и прекрасного. Сама Клэри летела вниз подобно мешку с картошкой. Она съеживалась, и от ужаса перед ударом о пол не спасала никакая страховка.

Может, Клэри поздно становится Охотницей? Может, в полную силу ей не раскрыться? Или дар нефилима разделится между нею и Джейсом не поровну: ему достались физическая сила и ловкость, а Клэри... ну, не то чтобы очень многое.

– Айда, – позвал Джейс. – Прыгай!

Закрыв глаза, Клэри сиганула с балки. На мгновение она зависла в воздухе, свободная от всего. Потом гравитация взяла свое, и Клэри полетела вниз, рефлекторно подобрав руки и ноги и крепко зажмурившись. Когда трос натянулся, ее рвануло вверх и снова бросило вниз. Ощувив наконец, что можно расслабиться, Клэри открыла глаза. Она висела в пяти футах над Джейсом; тот широко улыбался:

– Отлично. Падаешь как снежинка.

– Кричала небось? – с искренним любопытством спросила Клэри. – Ну, пока вниз летела?

Джейс кивнул:

– Хорошо еще, никого дома нет. Решили бы, что я тебя убиваю.

– Ха! Достань сначала! – Она изобразила удар ногой и легонько качнулась в воздухе.

Глаза у Джейса загорелись.

– Хочешь пари?

Клэри слишком хорошо знала этот блеск в глазах.

– Нет, – поспешила она отказаться. – Что бы ты ни затеял...

Поздно. Человеческий глаз не мог уследить за молниеносными движениями Джейса. Вот парень потянулся к поясу – его рука размылась, – и сверкнула вспышка. Раздался треск рвущейся ткани. Освобожденная от страховки, Клэри упала прямо на Джейса, и вдвоем они повалились на мат.

– Ну вот, – улыбнулся Джейс. – Сейчас ты совсем не кричала.

– Не успела.

Дыхание перехватило – и не от падения. Распластавшись на Джейсе, ощущая под собой его тело, Клэри чувствовала, как дрожат руки. Она надеялась, что со временем ее – и его – трепет от близости поутихнет, но куда там. Все стало только хуже... или, напротив, лучше. Смотря, как относиться к невольным проявлениям чувств.

Джейс смотрел на Клэри глазами цвета темного золота. Их оттенок, похоже, стал гуще

после встречи с Разиилом. Спросить не у кого. Хотя близкие и знали, что Валентин, призывая Ангела, ранил Джейса (а Разиил исправил содеянное), подробности истории известны лишь Клэри и Джейсу. Валентин не просто нанес рану приемному сыну – пронзил его в сердце, принес в жертву, дабы пришел Ангел. Джейс умер на руках Валентина.

По желанию Клэри Разиил вернул его с того света. Сила чуда до того потрясла Клэри – и Джейса, – что они договорились никому о нем не говорить. О том, что Джейс умирал, пусть лишь на короткое время.

Он убрал со лба Клэри выбившуюся прядку:

– Шучу. Ты совсем неплоха, наверстываешь упущенное. Надо было тебе видеть Алека во время первого прыжка: он так вертелся, что сам себя в голову пнул.

– Верю. Но ему-то было лет одиннадцать. – Клэри оглядела Джейса. – Зато у тебя, наверное, прыжки получались офигенно с самого начала?

– Я родился офигенным. – Он провел кончиками пальцев по щеке Клэри, и девушка вздрогнула. Джейс, конечно, шутит, однако он и правда рожден нефилимом. – Ты сегодня еще останешься?

Клэри слегка улыбнулась:

– Тренировка закончена?

– Обязательная часть пройдена. Впрочем, надо бы отработать дополнительные элементы...

Джейс хотел перевернуться и повалить Клэри на спину, и в ту же секунду распахнулась входная дверь. Цокая высокими каблуками по полированному деревянному полу, вошла Изабель.

При виде развалившихся на мате Джейса и Клэри она выгнула брови:

– Обжимаетесь? Разве Клэри сюда не тренироваться приходит?

– Стучаться надо, Из. – Джейс не изменил позиции, только посмотрел на Изабель со смесью раздражения и братской любви во взгляде. Клэри же, напротив, встала и приняласьправлять одежду.

– Тренировочный зал – место открытое. – Изабель стянула с руки ярко-красную бархатную перчатку. – Прикупила в рок-н-рольной лавке, на распродаже. Правда, милые? Хотите пару таких же? – И она игриво помахала пальцами в сторону Джейса и Клэри.

– Даже не знаю, – отозвался Джейс. – Боюсь, не подойдут к форме.

Изабель скорчила гримасу:

– В Бруклине нашли тело нефилима, слышал? Изувеченное до неузнаваемости. Похоже, мама отправилась лично на него посмотреть.

– Слышал, – садясь, ответил Джейс. – Я столкнулся с Маризой на выходе. Она шла на собрание Конклава.

– Ты поэтому так долго ходил за веревкой? – спросила Клэри. – Почему мне ни слова?

– Прости, пугать не хотел.

– В смысле, – поправила его сестра, – не хотел обломать романтическое настроение. – Прикусив губу, она добавила: – Надеюсь, убитый – не наш знакомый.

– Вряд ли мы его знали. Тело пролежало на заброшенной фабрике несколько дней. Пропали наш друг, мы бы давно заметили.

Убрав волосы за уши, Джейс посмотрел на Изабель с легким раздражением. Сердится, что она при Клэри заговорила о гибели неизвестного нефилима. Лучше бы сам поведал новость до прихода сестры. И фиг с ним, с настроением, Сумеречные охотники почти каждый день сталкиваются со смертью, и Лайтвуды – каждый по-своему – до сих пор оплакивают потерю младшего из членов семьи, Макса. Мальчик погиб, просто оказавшись не в том месте и не ко времени. Странно, Джейс и слова против не сказал, когда Клэри оставила школу ради тренировок, и сам же избегает разговоров о смерти.

– Пойду оденусь, – сказала Клэри и отправилась в раздевалку.

Обстановка в раздевалке была очень проста: светлые деревянные панели на стенах, зеркало, душ и крючки для одежды; на скамейке у двери сложены полотенца. Наскоро приняв душ, Клэри натянула колготки, ботинки, джинсовую юбку и новенький розовый свитер. Глянув в зеркало, она заметила, что на колготках дырка, а мокрые волосы спутались, как сальные патлы. Ну никогда ей не удастся выглядеть идеально, как Изабель. Впрочем, Джейс не возражает.

Вернувшись, Клэри застала его и Изабель за разговором куда более ужасным, чем, по мнению Джейса, гибель неизвестного нефилима.

– Поверить не могу! Саймон пригласил тебя в ресторан?! – Джейс убрал маты и теперь стягивал с себя боевое облачение. Изабель чуть в сторонке прислонилась к стене, поигрывая новыми перчатками. – Я-то думал, он позовет тебя смотреть, как они с дружками-ботанами играют в «World of Warcraft».

– Я, – подала голос Клэри, – один из его дружков-ботанов. Спасибо, Джейс.

Джейс ухмыльнулся.

– Да не в ресторан мы ходили, в кафешку. Саймон очень просил меня отведать тамошний розовый суп, – задумчиво произнесла Изабель. – Он был такой милый.

Клэри почувствовала укол вины за то, что Изабель – и Джейс – не знают о Майе.

– Саймон сказал, вы хорошо провели время.

Изабель стрельнула в ее сторону взглядом, в котором на миг проявилось странное выражение: будто Изабель что-то скрывает. Или Клэри показалось?

– Ты с ним уже говорила?

– Ага, Саймон звонил пару минут назад. Просто поболтать. – Клэри пожала плечами.

– Ясно. – Голос Изабель вдруг сделался резким и холодным. – В общем, Саймон милашка. Пожалуй, даже слишком милый. Утомляет. – Она спрятала перчатки в карманы. – Ну и ладно, у нас же ничего серьезного. Мы так, забавы ради встречаемся.

Чувство вины как рукой сняло.

– А вы еще не разговаривали про... ну, про эту самую серьезность?

Изабель в ужасе посмотрела на Клэри:

– Нет, конечно! – Зевнув, она потянулась по-кошачьи. – Ладно, спать пойду. До встречи, голубки.

Изабель развернулась и ушла, оставив после себя ароматный след жасминовых духов.

Джейс посмотрел на Клэри. Броня на нем была расстегнута. (Крепилась куртка на запястьях и на спине.)

– Тебе, наверное, домой пора? – сказал Джейс.

Клэри неохотно кивнула. Ей стоило огромных трудов выпросить у матери разрешение на тренировки. Джослин уперлась рогом – дескать, всю жизнь она берегла Клэри от мира Охотников, ведь он опасен и жесток, ведет к отчуждению. Всего год назад Джослин предупредила: если Клэри ступит на путь нефилима, ей откажут в праве разговаривать с матерью. Клэри ответила: мол, со времен молодости Джослин Конклав многое пересмотрел, да и вообще, надо учиться самообороне.

– Надеюсь, дело не только в Джейсе, – сдаваясь, сказала тогда Джослин. – Я знаю, каково это – влюбиться. Хочешь быть рядом с дорогим тебе человеком – везде и всегда. Клэри...

– Я не ты, – сдерживая гнев, отвечала дочь. – Сумеречные охотники – не Круг, Джейс – не Валентин.

– О Валентине я и словом не обмолвилась.

– Зато подумала о нем. Валентин, может, и вырастил Джейса, но Джейс на него ни капли не похож.

– Надеюсь, что не похож, – мягко отвечала Джослин. – Ради всех нас, надеюсь.

Она поставила условия: Клэри не переселится в Институт, а останется жить у Люка; каждую неделю Мариза будет отчитываться об успехах Клэри. (Мать, наверное, хочет удостовериться, что дочь и правда занимается, не пялясь на Джейса целый день влюбленными глазами... или чего там еще Джослин боится?) И еще: Клэри нельзя оставаться в Институте на ночь.

– Никаких ночевок под одной крышей с твоим парнем, – строго-настрого запретила Джослин. – И плевать, что он живет в Институте. Нельзя, и точка.

Твой парень... Клэри все никак не могла привыкнуть. Полтора месяца назад их с Джейсом союз казался невозможным, они с Клэри могли быть друг другу лишь братом и сестрой. Сама мысль о невозможности любви представлялась невыносимой. Они вместе решили, что проще не видеться вовсе, чем медленно умирать, будучи одновременно и рядом, и порознь. Потом вдруг случилось чудо, и Клэри с Джейсом получили свободу от запрета.

– Мне домой пора, – сказала Клэри. – Время почти одиннадцать. Мама злится, если я задерживаюсь дольше, чем до десяти.

– Ладно. – Джейс скинул куртку и остался в тонкой футболке. Сквозь ткань, будто чернильные полосы через мокрую бумагу, проступали Знаки. – Идем, провожу.

В Институте стояла полная тишина: ни гостей-Охотников из других городов, ни Роберта, отца Изабель и Алека, – он отбыл в Идрис, помогает создавать новый Совет; Ходж и Макс ушли навсегда; Алек сейчас с Магнусом. Обитатели Института словно гостили в полузабытом отеле. Вот бы почаще заглядывали другие члены Конклава, но они на время предоставили Лайтвудов самим себе. Чтобы те успели избыть горе по Максусу.

– От Алека и Магнуса вестей нет? – спросила Клэри. – Как они время проводят?

– Да вроде неплохо. – Достав из кармана телефон, Джейс передал его Клэри. – Алек присылает мне противные эсэмэски. Сплошные виды с подписями типа: «Тебя бы сюда... в проекции».

– Могу его понять. У них с Магнусом романтическое путешествие.

Листая фотографии на телефоне у Джейса, Клэри хихикала. Вот Алек и Магнус на фоне Эйфелевой башни: Алек в джинсах, а Магнус в полосатом свитере, кожаных штанах и невероятном берете. В садах Боболи Алек носил бессменные джинсы, а Магнус – широченный венецианский плащ и шляпу гондольера. В них маг походил на призрака оперы. У музея Прадо Магнус снялся в сверкающей куртке матадора и туфлях на платформе; Алек мирно кормил голубей на заднем фоне.

– Отдай телефон, пока не началась индийская серия фоток, – сказал Джейс. – Там Магнус в сари... Такое захочешь – не забудешь.

Клэри рассмеялась. Тем временем они подошли к лифту. Джейс нажал кнопку вызова, и решетки со скрипом разъехались. Клэри вошла в кабину, Джейс последовал за ней. В тот миг, когда лифт поехал вниз – к толчку, которым начинался спуск, Клэри, наверное, никогда не привыкнет, – он в полумраке шагнул навстречу девушке и привлек ее к себе. Слегка толкнув Джейса в грудь и ощутив твердость мышц, биение сердца, Клэри посмотрела ему в светящиеся золотом глаза:

– Прости. Я не могу остаться.

– Не жалею. – Джейс говорил резко, даже с какой-то горечью, смутившей и напугавшей Клэри. – Джослин не хочет, чтобы ты уподобилась мне. Я ее понимаю.

– Что с тобой? – смущенно проговорила девушка.

Джейс крепко обнял ее и приник губами к ее губам. Клэри спиной прижалась к холодной рамке зеркала, и руки Джейса скользнули ей под кофту, обвились вокруг талии. Клэри

нравилось, когда Джейс ее так обнимает – бережно и не слишком нежно, чтобы Клэри вдруг не подумала, будто он сдерживается больше, чем она. Они оба не могли себя сдерживать, и Клэри это нравилось. Нравилось чувствовать грудью биение сердца любимого, нравилось, как Джейс шепчет, пока она его целует.

Лифт со скрежетом остановился, решетки раздвинулись. В полутьме нефа, освещенного лишь рядом канделябров, Клэри прижалась к Джейсу, радуясь, что не видит в зеркало своей красной мордашки.

– Может, я и останусь, – прошептала она. – Задержусь ненадолго.

Джейс не ответил. Ощувив в нем напряжение, Клэри сама подтянулась. Дело вовсе не в желании, не в возбуждении. Уткнувшись ей в шею, Джейс дрожал всем телом.

– Джейс, – позвала Клэри.

Он резко отстранился и отступил на шаг. Щеки его пылали румянцем, а в глазах горел лихорадочный огонь.

– Нет, – произнес Джейс. – Не хочу давать твоей матери очередной повод меня ненавидеть. Она и без того думает, будто во мне воплотился отец...

Он разомкнул объятия, и Клэри не успела сказать: «Валентин тебе не отец». Джейс если и вспоминал Валентина Моргенштерна, обычно старался не называть его отцом. Клэри тоже о нем не говорила и скрывала, что Джослин и правда подозревает в Джейсе скрытые черты Валентина. Клэри вообще по возможности держала Джейса и маму порознь.

Джейс открыл дверь лифта.

– Я люблю тебя, Клэри, – не оборачиваясь, произнес он, глядя на ряды скамеек, на канделябры, и пламя свечей золотом отражалось в его глазах. – Сильнее, чем... Боже, сильнее, чем следовало бы. Ты и сама видишь.

Выйдя из лифта, Клэри обернулась к Джейсу. Хотелось сказать тысячу разных вещей, но он уже надавил на кнопку верхнего этажа. Двери сомкнулись, и лифт пошел обратно на уровень Института. На створках шахты был изображен Ангел: раскинув крылья, он смотрел вверх. Изображения Ангела в церкви имелись повсюду.

– И я тебя люблю, – ответила Клэри. Ее голос отозвался тихим эхом.

Да отмстится им всемеро

– Знаете, в чем реальная круть? – сказал Эрик, откладывая барабанные палочки. – У нас в группе вампир. Он-то и сделает нас вообще знаменитыми.

Опустив микрофон, Керк закатил глаза. Эрик постоянно трещит о том, как группа делается «всеобщей знаменитой», хотя на деле им удалось дать всего один концерт на прядильной фабрике. Пришло аж четыре человека, включая маму Саймона.

– Интересно, как мы станем знаменитыми, если его тайну нельзя раскрывать?

– Да, тупик, – заметил Саймон, сидевший на колонке подле Клэри. Та строчила эсэмэску (и скорее всего, Джейсу). – Вам так и так не поверят. Вот же я, стою под солнцем.

Он поднял руки навстречу солнечному свету, падающему сквозь дыры в крыше. (Репетировала группа в гараже у Эрика.)

– Нашей популярности это не на пользу, – сказал Мэтт, убирая с глаз рыжую челку и щурясь на Саймона. – Может, клыки бутафорские наденешь?

– Бутафорские ему на фиг не нужны, – опустив телефон, раздраженно напомнила Клэри. – У него настоящие есть, и вы их видели.

Чистая правда. Когда Саймон только раскрыл друзьям свой секрет, в качестве доказательства пришлось показать клыки. Сначала ребята решили, будто Саймон головой ударился и умом повредился, но стоило обнажить клыки, как приятели обступили Саймона плотным кругом. Эрик даже объявил, что несколько не удивлен:

– Я знал, что вампиры существуют, чувак. Есть же типы, они, ну... как бы это... не меняются. Им сто лет может быть, а они не стареют. Как Дэвид Боуи. Вампиры!

О том, что Клэри и Изабель – нефилимы, Саймон говорить не стал. В конце концов, секрет – не его. Он и про Майю ничего не рассказывал. В итоге парни из группы сошлись во мнении: Изабель и Майя – две офигенные девчонки, которые непонятно почему согласились встречаться с Саймоном. Керк сказал: это, дескать, эффект заклинания типа «секси-шмекси-вампирекси». Саймон на их пересуды забил гвоздь. Главное, что Изабель и Майя друг о друге не знают.

Пока их удавалось приводить на разные репетиции в разное время.

– Давай ты клыки на сцене покажешь? – предложил Эрик.

– И глава нью-йоркского клана вас убьет, – предупредила Клэри. – Вы в курсе? – Глянув на Саймона, она покачала головой. – Как ты мог раскрыться им? – И сильно понизив голос, добавила: – Они придурки, если ты не заметил.

– Они мои друзья, – пробормотал Саймон.

– Твои друзья – придурки.

– Дорогие мне люди должны знать правду.

– Серьезно? – ядовито подхватила Клэри. – Когда откроешься маме?

Не успел Саймон ответить, как в дверь гаража громко постучали. В открывшийся проход полилось еще больше осеннего солнечного света, и Саймон – чисто по привычке – прищурился. Вампирский глаз без труда в долю секунды приспособивался к полной темноте или яркому свету.

В дверном проеме возник темный силуэт. Взглянув нерешительно на записку в руке, затем на группу, незнакомец спросил:

– Привет. Здесь репетирует группа «Ядовитая грязь»?

– Мы теперь «Дихотомический лемур», – ответил Эрик. – А кто спрашивает?

– Меня зовут Кайл. – Незнакомец нырнул в гараж. Выпрямившись, он убрал со лба

каштановую челку и протянул Эрику записку: – Вы фронтмена ищете?

– Фига себе! – воскликнул Мэтт. – Мы эту объяву, типа того, с год назад повесили... да. Забыли про нее уже, ну...

– Ваще забыли, – подтвердил Эрик. – По-другому работаем, и вокалист не нужен. Опыт-то есть?

Кайл – высокий и стройный – пожал плечами:

– Да не то что бы... Народ говорит, я петь умею.

Разговаривал он медленно, растягивая слова на калифорнийский манер.

Члены группы озадаченно переглянулись. Почесав за ухом, Эрик попросил:

– Чувак, дай секунду, ага?

– Не вопрос.

Выйдя из гаража, Кайл опустил за собой дверь-жалюзи. На улице он принялся насвистывать мотивчик «Когда придет из-за горы»^[5], не особенно, впрочем, попадая в ноты.

– Чё-т я не знаю, – первым высказался Эрик. – Новых брать пока не можем. Нельзя же рассказывать ему про нашего вампира?

– Нет, – согласился Саймон. – Нельзя.

– Ну, – пожал плечами Мэтт. – Фигово. Солист нам нужен, из Керка фронтмен никакой. Без обид, Керк.

– Сам ты никакой, – ответил Керк. – Нормально я пою!

– Нет, поешь фигово, как большая волосатая...

– По-моему, – повысив голос, вмешалась Клэри, – Кайлу стоит дать шанс.

– С чего бы? – уставился на нее Саймон.

– Он секси, – к немалому удивлению Саймона, ответила Клэри. Сам он не заметил в Кайле ничего особенного, но ведь Саймон не ахти какой ценитель мужской красоты. – Вашей группе сексапила как раз и не хватает.

– Спасибо, – произнес Саймон. – От имени всей нашей группы спасибо тебе огромное.

Клэри раздраженно выдохнула:

– Да, да, парни, все вы красавцы. Особенно ты, Саймон. – Она похлопала вампира по руке. – Но Кайл просто сногшибателен. Поверьте. Вот вам мое объективное женское мнение: если примите Кайла в команду, количество юных слушательниц сразу удвоится.

– То есть фанаток у нас станет сразу две, – резюмировал Керк.

– У нас есть фанатка? – искренне удивился Мэтт.

– Подружка кухни Эрика. Как там ее? Она по Саймону сохнет. Приходит на все наши концерты и говорит, типа, она его подружка.

– Ей всего тринадцать. – Саймон поморщился.

– Все твоя секси-магия, чувак, – напомнил Мэтт. – Девки перед тобой устоять не могут.

– Бога ж ради! – простонала Клэри. – Нет никакой вампирской секси-магии. – Она резко ткнула пальцем в сторону Эрика: – Только не говори, что «Секси-шмекси-вампирекси» – это клевое название для группы. Не то я...

Дверь гаража поднялась, и внутрь заглянул Кайл:

– Э, парни? Если вам солист не нужен, я не в претензии. Звучание там сменили, стиль... чего не бывает. Просто скажите, и я уйду.

Склонив голову набок, Эрик пригласил его:

– Заходи и покажи, на что способен.

Саймон принялся разглядывать Кайла: что же в нем такого сексапильного? Рослый, плечи широкие, стройный; высокие скулы, на лоб и на шею ниспадают вьющиеся каштановые локоны; кожа смуглая, летний загар еще не сошел. Ярко-зеленые глаза в обрамлении длинных густых

ресниц... И правда, смазливый. Настоящая рок-звезда. На Кайле были приталенная зеленая футболка и джинсы; на руках красовались татуировки – не Знаки, просто уходящие змейкой под рукава надписи.

Ладно, парень и впрямь не урод.

– Знаете, – нарушил молчание Керк. – Он и правда красавчик.

Поморгав, Кайл уставился на Эрика:

– Так мне спеть или уйти?

Сняв микрофон со стойки, Эрик отдал его Кайлу:

– Давай засвети, чего можешь.

* * *

– Он и правда здорово поет, – признала Клэри. – Я-то шутила, предлагая взять Кайла в группу, и вон как все обернулось.

Они с Саймоном шли по Кент-авеню в сторону дома Люка. Небо из голубого сделалось серым, над Ист-Ривер висели низкие облака. Клэри вела затянутой в перчатку рукой по сетчатому забору у бетонной набережной.

– Ты так думаешь, потому что Кайл красавчик.

Клэри смущенно улыбнулась:

– Красавчик, да не самый-пресамый...

А самый-пресамый у нас, конечно, Джейс. Спасибо Клэри, не стала его упоминать. Вместо этого она продолжила:

– Просто показалось, что неплохо бы взять в группу Кайла, честно. Если Эрик с парнями не смогут болтать при Кайле о твоей истинной сущности, они постепенно вовсе о ней судачить перестанут. Оставят глупую затею.

Саймон уже видел через дорогу дом Люка: окна горели желтым на фоне опускающейся темноты. Встав у прохода в заборе, Клэри спросила:

– Помнишь, как мы дрались с демонами? На этом самом месте?

– Это вы с Джейсом дрались. Я блевал в сторонке.

Бой Саймон вспомнил, но не думал о нем. Он размышлял о Камилле, о ее словах: «Сейчас тебе не нужны приятели, кроме тех, что уже есть: люди, нефилимы...» Саймон искоса взглянул на Клэри. Интересно, как она отреагирует на рассказ о встрече с главой манхэттенского клана вампиров? О деловом предложении? Скорее всего, испугается. Защита Печатью не отменяет тревогу за жизнь друга.

– Больше тебе врагов бояться не надо. – Клэри словно прочитала мысли Саймона. – У тебя есть Печать. – Облокотившись на забор, она спросила: – Люди, поди, интересуются, что это за рисунок у тебя на лбу?

Саймон покачал головой:

– Челка скрывает его. К тому же Метка почти стерлась. Смотри. – И он убрал со лба волосы.

Коснувшись головы Саймона, Клэри посмотрела на него тем же печальным взглядом, с каким помечала друга древнейшим из проклятий:

– Не болит?

– Нет. Совсем не болит. – «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно». – Знаешь, я не в обиде. Ты мне жизнь спасла.

– Помню. – Глаза у Клэри заблестели. Утерев лицо тыльной стороной ладони, она сказала: – Черт, ненавижу плакать.

– Пора привыкать, – ответил Саймон и, глядя в округлившиеся глаза приятельницы, добавил: – Я про свадьбу. Она когда? В следующую субботу? На свадьбах все плачут...

Клэри фыркнула.

– Как там твоя мама и Люк, кстати?

– По уши в любви, аж смотреть противно. Ну ладно... – Клэри похлопала Саймона по плечу. – Пора мне. До завтра.

Саймон кивнул:

– Ага, до завтра.

Он посмотрел вслед Клэри, как она поднимается по крыльцу к входной двери. Завтра... Давно ли они с Клэри расставались больше чем на день? И каково это – скитаться по миру и не иметь пристанища? «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли...»^[6] Саймон не убивал брата, но проклятию-то все едино. Странно ожидать потерь, не зная при этом, потеряешь ты все или нет.

Дверь за Клэри закрылась, и Саймон отправился вниз по Кент-авеню к станции подземки на Лоример-стрит. Тьма сгущалась, и в небе над головой смешивались черные и серые краски. Услышав позади скрип шин, Саймон не обернулся. Несмотря на трещины и выбоины на местной дороге, машины носились по ней с сумасшедшей скоростью. Саймон обернулся, лишь когда рядом остановился синий фургон.

Выдернув ключ из замка зажигания, водитель – высокий мужчина в серой спортивке и надвинутом на лицо капюшоне – резво вылез наружу. В руке у него поблескивал длинный нож.

Саймон запоздало сообразил, что надо сматываться. Он вампир и обогнать способен любого. Но он растерялся и тупо смотрел, как мужчина с ножом приближается. Незвестный гортанным голосом произнес фразу на непонятном языке.

Саймон попятился.

– Послушайте, – потянулся он за бумажником. – У меня есть деньги...

Неизвестный кинулся на Саймона, метя ножом в грудь. Выпучив глаза, Саймон смотрел, как острое медленно, будто при замедленной съемке, приближается к цели. Вот оно вспоролло куртку и в следующий миг ушло в сторону – словно кто-то отвел руку нападавшего. Сам мужчина с воплем отлетел, как марионетка, которую дернули за ниточки. Саймон огляделся: кто-нибудь наверняка слышал крики. Нет, вокруг ни души. Только неизвестный вопил, извиваясь в воздухе; рубашка у него на груди рвалась...

В ужасе вампир смотрел, как на теле мужчины открываются глубокие раны. Голова запрокинулась, изо рта хлынула кровь. Мужчина резко умолк и, затихнув, упал на асфальт, как будто невидимая рука отпустила его. Коснувшись земли, он стеклом рассыпался на мириады осколков.

Саймон рухнул на колени. Рядом – руку протяни – осталось лежать орудие несостоявшегося убийства. От покушеница осталась кучка сверкающих кристалликов – налетевший ветер понес их прочь по мостовой. Осторожно подняв один такой кристаллик, Саймон пригляделся к нему. Соль.

Руки у Саймона затряслись. Он понял, что стало с нападавшим и почему.

«И сказал ему Господь (Бог): за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро».^[7]

Вот она какая, семикратная месть.

Саймон сблевал кровью, не успев добежать до водостока.

Ступив на порог дома, Саймон понял, что прострочился. Думал, мать уже спит, но Элейн Льюис ждала его, сидя в кресле напротив входной двери. Рядом на столике лежал телефон. Кровь на куртке сына она заметила моментально.

К удивлению Саймона, мать не закричала. Только прикрыла рот ладонью:

– Саймон...

– Это не моя, – быстро произнес он. – У Мэтта на репетиции кровь носом пошла...

– Слышать не желаю. – Так резко мать не говорила с тех пор, как умер отец. Страх чувствовался в ее словах. – Хватит вранья.

Саймон отложил ключи на столик:

– Мам...

– Ты только и делаешь, что лжешь мне. Я устала.

– Ты не права, – возразил Саймон, ощущая дурноту. Мама-то как раз и права. – Просто в жизни у меня многое происходит.

– Знаю. – Она встала из кресла. Полнотой миссис Льюис никогда не отличалась. И сейчас эта жилистая женщина смотрела на сына; в обрамляющих лицо темных кудрях у нее проступило еще больше седины. – Идем со мной, юноша. Ну!

Озадаченный, Саймон проследовал за ней в маленькую, ярко-освещенную кухню. Указав на стойку, Элейн Льюис спросила:

– Не потрудишься объяснить?

Во рту пересохло. Выстроенные в ряд, словно игрушечные солдатики, на стойке поблескивали бутылочки с кровью: одна наполовину полная, остальные залитые под горлышко. Опорожнив потайной холодильник, мать не поленилась вытащить и пустые бутылки, которые Саймон аккуратно складывал в магазинный пакет перед тем, как выбросить в мусорный контейнер. Показывая на отвратительную композицию из улик обвинения, Элейн Льюис дрожащим голосом произнесла:

– Я решила, что в бутылках вино. Потом нашла сумки. Откупорила одну бутылку... В них кровь, так ведь?

Саймон не отвечал. Дар речи его покинул.

– Ты странно ведешь себя в последнее время, Саймон. Редко бываешь дома, почти не ешь, не спишь. Друзья у тебя странные – не рассказываешь о них, не знакомишь со мной. Как будто я не слышу лжи в твоём голосе! Нет, Саймон, еще как слышу. Сначала я подумала, что ты употребляешь наркотики.

– И обыскала мою комнату? – заговорил наконец Саймон.

Мать вспыхнула:

– Пришлось! Найдись у тебя наркотики, я могла бы помочь, отправила бы тебя лечиться. Но это... – она вновь указала на бутылки, – я даже не знаю, что думать. В чем дело, Саймон? Ты вступил в секту?

Саймон покачал головой.

– Тогда объясни, – велела мать. Губы у нее дрожали. – Мне в голову приходят страшные мысли. Страшные и отвратительные. Саймон, прощу тебя...

– Я вампир. – Саймон и сам не понял, как – или, скорее, зачем – произнес эти слова, однако вот они, повисли в воздухе подобно ядовитому газу.

Колени у миссис Льюис подкосились, и она рухнула в кухонное кресло.

– Что ты сказал? – еле слышно спросила она.

– Я вампир. Уже два месяца. Прости, что сразу не объяснил. Я не знал как...

Лицо Элейн Льюис сделалось белым как мел.

– Вампиров не бывает, Саймон.

– Нет, они существуют. Я не хотел таким становиться, меня укусили. Спрашивать моего желания никто не собирался. Будь у меня шанс, я бы все изменил.

Вспомнилась брошюра, которую так давно показывала Клэри, о том, чтобы открыться родителям. Тогда Саймон посмеялся...

– Тебе кажется, что ты вампир, – глухо произнесла мама. – Кажется, что ты пьешь кровь.

– Я и правда пью кровь. Кровь животных.

– Ты вегетарианец! – Мать едва не зарыдала.

– Теперь нет. Я не старею, и мне нужна только кровь. – В горле встал ком. – Человека я ни разу не тронул. И не трону, потому что я – все еще я. Личность никуда не делась.

Мать, казалось, сдерживается из последних сил.

– Твои новые друзья... тоже вампиры?

Изабель, Майя, Джейс... Саймон не сумел бы сейчас объяснить всего: о том, кто такие нефилимы и почему он общается с оборотнями. Это уж слишком.

– Нет. Но они... знают, кто я.

– Это... они дали тебе наркотики? Заставляли принимать что-нибудь? У тебя начались галлюцинации?

Казалось, она не слышит ответов Саймона.

– Нет. Мам, я говорю серьезно.

– Вампиров не существует, – шептала мать. – Тебе только кажется. О боже... Прости, прости, Саймон, я не уследила. Мы поможем тебе, найдем хорошего врача. За любую цену...

– Мне к врачу нельзя, мам.

– Можно. Нужно! Тебя надо отвезти в... в больницу.

Саймон протянул матери руку и закатал рукав:

– Найди у меня пульс.

Мать посмотрела на сына дикими глазами:

– Ч-что?

– Пульс, говорю. Найди у меня пульс. Если он есть, значит, все хорошо, и я пойду с тобой в больницу. Если нет – придется тебе поверить мне.

Утерев слезы, миссис Льюис медленно потянулась к руке сына. После стольких лет ухода за больным супругом она не хуже любой медсестры умела нащупать пульс. Прижав указательный палец к жилке на внутренней стороне запястья Саймона, Элейн Льюис притихла.

Выражение ее лица менялось на глазах: из страдальческого оно стало смущенным, а после – крайне испуганным. Выпустив руку Саймона, мать встала и попятилась. На ее сильно побледневшем лице огромные глаза казались чисто-черными.

– Да что ты такое?

– Я же говорил, – чувствуя приступ дурноты, произнес Саймон. – Вампир.

– Ты не мой сын. Ты не Саймон. – Мать затрясло. – У всех живых есть пульс. Ты чудовище! Что с моим ребенком?!

– Я Саймон... – Он шагнул к матери.

Она закричала. Прежде Саймон ни разу таких ужасных криков от нее не слышал и услышать вновь не хотел бы.

– Уйди, – надломившимся голосом велела миссис Льюис. – Не приближайся ко мне. – Она перешла на шепот: – Барух ата Адонаи шоме а тфила...^[8]

Вздвогнув, Саймон понял: мать молится. Так боится его, что просит Всевышнего изгнать злой дух. И что хуже всего, молитва действует: при упоминании Господа свело желудок, заболело горло.

Мать права. С болью в душе, Саймон окончательно осознал: он проклят, больше не

принадлежит миру живых. Ведь у всех живых есть пульс.

– Мам, – шепотом позвал Саймон. – Мам, хватит.

Не переставая молиться, мать посмотрела на Саймона широко раскрытыми глазами.

– Мам, не расстраивайся так. – Собственный голос прозвучал как будто издалека: такой мягкий, успокаивающий, голос незнакомца. Саймон неотрывно смотрел в глаза матери, как кот смотрит на загнанную в угол мышь. – Ничего страшного. Ты уснула в кресле, и тебе приснился кошмар: я прихожу домой и говорю тебе, якобы я вампир. Это лишь сон, ужасный сон.

Перестав молиться, миссис Льюис моргнула:

– Я сплю.

– И тебе снится кошмар. – Саймон положил руку ей на плечо, и мать не пошевелилась. Только уронила голову на грудь, как усталый ребенок. – Просто сон. Ты ничего не находила у меня в комнате. Мы не ссорились. Тебе все приснилось.

Он взял ее за руку и, отведя в гостиную, усадил в кресло. Миссис Льюис шла покорно. Она даже улыбнулась, когда Саймон укутал ее пледом и закрыл ей глаза.

Вернувшись на кухню, Саймон резво собрал бутылки в мусорный пакет. Плотно завязал его у горлышка и прошел к себе в спальню. Там сменил окровавленную куртку на чистую, побросал кое-какие пожитки в рюкзак. Выключил свет и, прикрыв за собой дверь, вышел.

Когда он проходил через гостиную, мать уже спала. Саймон легонько коснулся ее руки и прошептал:

– Несколько дней меня не будет, но ты не станешь волноваться. Не жди меня домой. Я уехал на школьную экскурсию. Звонить никуда не надо, все хорошо.

Саймон отпустил руку матери. В тусклом свете она смотрелась одновременно и старше, и моложе: миссис Льюис напоминала маленького ребенка, свернувшегося калачиком в кресле под теплым пледом. Однако на лице у нее проступили новые морщины, которых Саймон прежде не видел.

– Мам, – прошептал он, снова беря ее за руку.

Миссис Льюис поерзала, и Саймон, не желая будить ее, бесшумно поспешил прочь. Взял со столика в прихожей ключи и вышел на улицу.

* * *

Последние дни в Институте царила непривычная тишина. Джейс взял привычку оставлять окно на ночь открытым: слушал шум дорожного движения, редкие сирены «скорых» и гудки клаксонов на Йорк-авеню. Слушал звуки, недоступные уху примитивных, и звуки эти просачивались сквозь тьму ночи в его сны: шелест воздуха от мчащихся вампирских байков на адском топливе, трепетание крыльев фей, далекий волчий вой в полнолуние.

Сейчас в небе висела половинка серебристого диска, и света как раз хватало для чтения. Лежа на кровати, Джейс перебирал содержимое отцовской шкатулки: стило, охотничий кинжал с серебряной рукояткой и инициалами «С.В.Э.» на ней и, наконец, самое интересное – стопка писем.

За последние полтора месяца Джейс привык прочитывать в день одно-два письма. Он желал хотя бы отдаленно представить, каким был его родной отец. И вот перед мысленным взором постепенно стал прорисовываться портрет задумчивого юноши из строгой, консервативной семьи, примкнувшего к Валентину и Кругу. Стивен углядел возможность выделиться среди равных. Даже после развода он продолжал писать Аматиc (о чем та ни разу не упомянула): в посланиях к бывшей жене проглядывали разочарованность в Валентине и отвращение к делам

Круга. О новой жене Стивен если и писал, то немного и вскользь. Оно и понятно – вряд ли Амалис захотела бы читать о сопернице, зато Джейс испытывал легкую ненависть к отцу. Зачем жениться на нелюбимой женщине? Зачем оставаться в Круге, если презираешь его членов? Валентин хоть и был безумцем, но своим принципам оставался верен.

В моменты, когда Джейс ставил Валентина выше отца, он чувствовал себя особенно плохо. Что он за сын такой?!

Стук в дверь прервал сеанс самоедства. Джейс пошел открывать, ожидая увидеть Изабель: пришла, наверное, одолжить чего-нибудь или поплакаться.

На пороге стояла Клэри, одетая не совсем обычно: черная майка с большим вырезом, поверх нее не застегнутая, просто завязанная узлом на пупке белая блузка и юбка выше колена, открывающая стройные ножки. Ярко-рыжие волосы Клэри заплела в косички; свободные прядки липли к вискам, как будто девушка попала под дождь.

При виде Джейса она улыбнулась и вскинула брови медного оттенка (как и обрамляющие зеленые глаза ресницы):

– Впустишь?

Оглядев коридор и никого не заметив – слава богу! – Джейс за руку втянул Клэри к себе в комнату. Привалившись спиной к двери, спросил:

– Ты что здесь делаешь? Что-нибудь случилось?

– Нет, все замечательно. – Скинув туфли, Клэри опустилась на край кровати. Оперлась на руки и слегка откинулась назад. При этом подол юбки пополз вверх, отчего Джейс окончательно смутился. – Соскучилась по тебе. Мама и Люк спят, не заметят моего отсутствия.

– Не следовало тебе приходить, – простонал Джейс. Противно было произносить эти слова, но что поделаешь? Есть вещи, о которых Клэри не знает и – даст бог – не узнает.

– Ладно, если хочешь – уйду. – Клэри поднялась с кровати. Ее зеленые глаза заблестели. Подойдя к Джейсу, она сказала: – Я примчалась к тебе посреди ночи. Хотя бы поцелуй на прощание.

Притянув Клэри к себе, Джейс поцеловал ее. Есть на свете безумства, совершать которые необходимо. Тело Клэри изогнулось в руках Джейса, как мягкий податливый шелк. Он распустил ей косы, и волосы упали на плечи девушке свободными прядями – ему так хотелось сделать это еще в первую встречу, но тогда Джейс прогнал мысль, казавшуюся ему безрассудной. Клэри была для него примитивной, чужачкой – зачем такая нефилиму?! А потом они поцеловались в парнике, и Джейс чуть не сошел с ума от счастья. Вдвоем они спустились вниз, но тут появился Саймон... Еще никого Джейс так не хотелось убить. Ничего плохого Саймон не сделал, однако Джейс в ту секунду почти не соображал. Мысль, что Клэри уйдет с другим, напугала сильнее любого, самого страшного демона.

Когда же Валентин сказал, что Джейс и Клэри – брат и сестра, Джейс понял: есть вещи ужаснее. Его любовь оказалась грехом чуть ли не вселенского масштаба; самое чистое и безупречное в его жизни вдруг обернулось самым непростительным. Отец говорил: когда ангелы пали, их муки были безграничны, ибо падшим не суждено вновь узреть лик Божий. И Джейс понимал, чувствовал силу их боли. Желание нисколько не ослабло, лишь обратилось пыткой.

Порой тень того мучения омрачала воспоминания, даже когда Джейс целовал Клэри – вот как сейчас. Он обнял ее с новой силой. Удивленно охнув, девушка, однако, не воспротивилась. Оторвав Клэри от пола, Джейс перенес ее на кровать.

Комкая письма, они устроились на матрасе. Освобождая место, Джейс отпихнул в сторону шкапулку. Сердце пойманной птицей колотилось о ребра. Еще никогда они с Клэри не ложились вместе в кровать. Та ночь в Идрисе не в счет, тогда они только держались за руки. Джослин тщательно следила за дочерью, не позволяя той провести ночь наедине с возлюбленным. Ей

плевать на Джейса. И правильно, на ее месте Джейс и сам не больно обращал бы внимание на свои чувства.

– Люблю тебя, – шептала Клэри, стаскивая с Джейса рубашку и проводя пальцами по шрамам у него на спине и особенно нежно по звездообразному шраму на плече. Точно такой – наследие ангельской крови – имелся и у нее. – Будь со мной, не оставляй...

Одной рукой Джейс потянулся распуścić узелок на блузке, второй нащупал кинжал на кровати. Должно быть, оружие выпало из шкатулки.

– Мы ни за что не расстанемся.

Клэри посмотрела на него блестящими глазами и спросила:

– Ты так уверен?

Стиснув рукоять кинжала, Джейс поднял его. Лунный свет отразился от клинка.

– Да, уверен, – сказал Джейс и нанес удар. Лезвие вспоролось плоть как бумагу. Губы Клэри сложились в удивленное «О», и алая кровь окрасила белую блузку.

Господи милосердный, опять...

Просыпаясь от кошмара, Джейс словно пролетал сквозь витражное окно. Лицо будто секло осколками. Задышавшись, он сел на кровати, инстинктивно перекатился на бок, пытаясь спастись от остатков сна, и рухнул на каменный пол. В открытое окно врывался холодный ветер, заставляя дрожать и в то же время помогая вырваться из липких щупалец сновидений.

Крови на руках Джейс не увидел. Постель скомкалась: простыня, одеяло – все в одну кучу. И только отцовская шкатулка спокойно стояла на прикроватной тумбочке, куда Джейс аккуратно отложил ее перед сном.

Первое время Джейса рвало. Наученный опытом, он старался не есть за несколько часов до сна. Лишенное пищи, тело отыгрывалось по-своему: Джейса скручивало от жестоких спазмов и сухих рвотных позывов.

Когда приступ прошел, Джейс прижался лбом к холодному камню пола. Пот постепенно остывал, рубашка липла к телу. Как бы эти сны в конце концов его не убили... В попытках избавиться от них Джейс перепробовал все доступные средства: обычное снотворное и зелья, руны сна и руны умиротворения, лечащие руны – ничего не помогало. Сны отравой проникали в разум, и ничто не могло их вывести.

Даже в часы бодрствования Джейс не мог спокойно смотреть на Клэри, а она видела его насквозь, как никто другой. Что она подумает, узнав, какие сны видит возлюбленный?! Перекатившись на бок, Джейс посмотрел на искрящуюся отраженным светом шкатулку и вспомнил Валентина. Валентина, посадившего под замок и пытавшего единственную любимую женщину, научившего сына – обоих сыновей, – что любить значит убивать.

«Я не Валентин. Не хочу становиться таким, как он, и не стану. Не стану».

Джейс повторял эти слова снова и снова, и мысли вращались в голове бешеным вихрем. Отцовская аксиома стала для него мантрой, и, как в любой мантре, слова постепенно утратили изначальный смысл.

Он вспомнил Себастьяна, то есть Джонатана, своего, так сказать, брата. Вспомнил злобный оскал на обрамленном спутанными прядями серебристых волос лице; его глаза, мерцающие огнем беспощадной злобы. Вспомнил, как вонзил ему в спину нож. И как потом мертвое тело поплыло вниз по реке. Как темная кровь мешалась с травой, илом на берегу, тиной и водорослями.

«Я не Валентин».

Джейс несколько не жалел об убийстве. Выпади ему шанс – снова убил бы Себастьяна.

«Не хочу становиться таким, как он».

Однако неестественно убить – убить сводного брата – и ничего после не чувствовать.

«И не стану».

Правда, отец учил: беспощадное убийство – великое умение. Уроки родителей не так-то легко забываются.

«Я не стану таким, как он».

И люди редко меняются.

«Я не стану...»

«В СТЕНАХ ЭТОГО СВЯТИЛИЩА
 ХРАНЯТСЯ УСТРЕМЛЕНИЯ ВЕЛИКИХ СЕРДЕЦ
 И БЛАГОРОДНЫЕ СВЕРШЕНИЯ, ЧТО ВОЗВЫШАЮТСЯ
 НАД МИРСКОЙ СУЕТОЙ, ВОЛШЕБНЫЕ СЛОВА,
 ЧТО ЗАСТАВЛЯЛИ СВЕТИТЬ ЗВЕЗДЫ,
 И БЕССМЕРТНЫЕ ЗНАНИЯ».

Саймон смотрел на выбитую в камне, тускло поблескивающую надпись – приветствие над входом в Бруклинскую публичную библиотеку. Сидя на нижней ступени крыльца, вампир следил, как каждое слово оживает в свете фар проезжающих мимо машин.

Ребенком Саймон очень любил сюда наведываться. Сбоку в здании имелся отдельный вход для детей. Встречаясь возле него по субботам, Клэри и Саймон проходили внутрь и, набрав по стопке книг, выбегали в Ботанический сад. Там, на лужайке, часами читали под шум отдаленного дорожного движения.

Саймон сам не заметил, как дошел до библиотеки. Дом он покидал в большой спешке и только на улице понял: податься-то некуда! Пойти к Клэри? Нет, она придет в ужас и отправит Саймона назад, улаживать разногласия с матерью. Эрик и парни из группы попросту не поймут. Джейс его недолюбливает, да и вообще, Институт, церковь и обиталище нефилимов – не место для нежити. Оставался последний вариант, до того неприятный, что Саймон не сразу – и скрепя сердце – на него решился.

Из-за поворота, перекрывая шум на Гранд-Арми-Плаза, донесся рев мотоциклетного движка. Накренившись, байк миновал перекресток и въехал на тротуар. Водитель чуть попятился и выставил подножки. Саймон отошел в сторону, давая адской технике приземлиться. Рафаэль выпустил руль, и двигатель моментально затих. Вампирские мотоциклы пугали Саймона: питаемые демоническим духом, они, как питомцы, слушались воли хозяина.

– Искал встречи, светолуб? – В черной куртке и дорогих джинсах, Рафаэль, как всегда элегантный, прыгнул на землю и прислонил байк к перилам крыльца. – Надеюсь, повод достойный. Мне не так-то просто выбираться в Бруклин. Это не территория Рафаэля Сантьяго.

– Вот как... Начинаешь говорить о себе в третьем лице. Мания величия тебе не грозит.

Рафаэль пожал плечами:

– Либо выкладывай, зачем звал, либо я уезжаю. – Он посмотрел на часы. – У тебя тридцать секунд.

– Я открылся матери.

Рафаэль выгнул очень тонкие и темные брови. Порой в хмуром настроении Саймону казалось, что Рафаэль их себе нарисовал.

– И что дальше?

– Мать назвала меня чудовищем и попыталась изгнать молитвой. – От воспоминаний Саймон ощутил в горле горький привкус старой крови.

– А после?

– После... я сам не уверен. Я заговорил с ней таким тихим, успокаивающим тоном. Сказал матери, что ничего не случилось, что она спит и видит сон.

– Она повелась?

– Повелась, – неохотно подтвердил Саймон.

– Иначе и быть не могло. Ты же вампир, и у тебя есть дар очарования. Энканто. То, что у людей называется даром убеждения. Если научишься правильно использовать свои силы, то сможешь убедить любого примитивного в чем угодно.

– Я не хотел так поступать с матерью. Можно обратить чары вспять? Исправить содеянное?

– Чтобы мама вновь тебя возненавидела? Ты для нее монстр. Странно ты понимаешь исправление содеянного.

– По барабану. Так есть способ... нет?

– Нет, – задорно ответил Рафаэль. – Способа обратить чары не существует. Ты мог бы узнать и это, и многое другое, если б не питал к своему роду такой лютой ненависти.

– Правильно. Ведь ты не хотел меня убить.

Рафаэль пожал плечами:

– Момент чисто политический. Ничего личного. – Облокотившись на перила крыльца, Рафаэль скрестил на груди руки. В черных мотоциклетных перчатках он выглядел довольно круто. – Только не говори, что позвал меня ради скучной истории про стычку с сестрой.

– С матерью.

– Плевать! – Рафаэль отмахнулся. – Суть: тебя отвергла важная для тебя женщина. Не в последний раз, позволь заверить. Зачем ты мне жалуешься?

– Я могу поселиться в «Дюморе»? – очень быстро, чтобы не остановиться на полуфразе, выпалил Саймон. Невероятно, он просит приюта у Рафаэля! Заброшенная гостиница у Саймона всегда ассоциировалась с кровью, страхом и болью, однако именно в «Дюморе» можно остаться, и никто не будет искать там Саймона. И не надо возвращаться домой. Саймон – вампир, глупо ему теперь бояться гнезда. – Мне больше некуда идти.

Рафаэль блеснул глазками.

– Ага! – победно произнес он, и Саймону его тон не понравился. – Ты просишь у меня.

– Можно и так сказать. Хотя твой восторг по этому поводу меня пугает.

Рафаэль фыркнул:

– Если поселишься в «Дюморе», то Рафаэлем меня звать не будешь. Я стану для тебя хозяином, господином, великим предводителем.

Саймон обхватил себя руками:

– А что Камилла?

– В каком смысле? – насторожился Рафаэль.

– Ты говорил, что клан принадлежит не тебе, – мягко напомнил Саймон. – В Идрисе ты упомянул некую Камиллу, якобы ее пока нет. А вот когда вернется, настоящим хозяином – или кем там – станет она, ведь так?

Взгляд Рафаэля потемнел.

– Что-то не нравятся мне твои вопросы, светолуб.

– Имею право знать о положении вещей.

– Нет, – возразил Рафаэль. – Не имеешь. Просишь открыть для тебя двери моего отеля, потому что больше некуда идти. Не потому, что хочешь примкнуть к своим братьям. Ты сторонись нас.

– Я уже сказал: когда-то ты пытался меня убить.

– «Дюмор» – не перевалочный пункт для недовампиров. Ты живешь среди людей, свободно расхаживаешь под солнцем и играешь в дурацкой рок-группе... да, представь себе, я знаю о ней. Каждым аспектом повседневной жизни ты отвергаешь свое истинное существо. До тех пор, пока не примешь себя, двери «Дюмора» для тебя закрыты.

Вспомнились слова Камиллы: «Вместе мы войдем в его крысиную нору, в отель, и, как только его приближенные увидят, что ты со мной, они сразу вернутся ко мне. Я верю: мои

подданные верны мне, просто боятся Сантьяго. Мы рассеем страх, вернем клан».

– Знаешь, – произнес Саймон, – мне ведь поступило предложение.

Рафаэль посмотрел на него как на психа:

– От кого это?!

– Так, нашлись... заинтересованные, – вяло ответил Саймон.

– Саймон Льюис, в политике ты просто ничтожен. Не берись за нее больше.

– Да пожалуйста. Я пришел сообщить тебе кое-что, но передумал.

– И сейчас ты, такой обиженный, выбросишь приготовленный для меня подарочек на день рождения? Как трагично! – Рафаэль оседлал мотоцикл, и мотор ожил, из выхлопной трубы полетели красные искры. – В следующий раз придумай убедительный повод для беседы. Больше я не потерплю ложного вызова.

Сказав так, Рафаэль повел байк в небо, улета, словно ангел, в честь которого получил имя, и оставляя за собой огненный след.

* * *

Положив на колени блокнот для зарисовок, Клэри задумчиво грызла кончик карандаша. Она уже десятки раз пробовала нарисовать портрет Джейса – как иные девочки пишут о своих парнях в дневнике, – однако ни разу не сумела добиться нужного эффекта. Портрет не походил на оригинал. Джейса попросту нельзя было заставить сидеть смирно, поэтому спящим, думала Клэри, нарисовать его будет проще. Тем не менее портрет не получался...

Устало выдохнув и отбросив блокнот, Клэри подтянула колени к груди и посмотрела на спящего Джейса. Быстро же он удрях. Они вдвоем собрались пообедать на свежем воздухе и потренироваться, пока погода хорошая. Выполнить удалось только первый пункт. Клэри оглядела разбросанные у пледа на траве коробочки из-под лапши с кунжутом и вспомнила, как Джейс без аппетита ковырялся в своей порции, как, отложив еду, лег на спину и уставился в небо. В его ясных глазах отражались проплывающие облака. Клэри посмотрела на красивый рельеф закинутых за голову рук, на полоску идеальной кожи в промежутке между краем футболки и поясом джинсов. Подавив желание погладить Джейса по совершенно плоскому животу, Клэри взяла блокнот. Вооруженная бумагой и карандашом, обернулась и застала Джейса спящим: глаза закрыты, дыхание ровное, медленное.

Сделав три наброска, Клэри ни на йоту не приблизилась к желаемому. Ну почему же не получается? Свет идеальный: мягкое бронзоватое сияние октябрьского солнца бледным золотом ложится на кожу и волосы Джейса. Его смеженные веки окаймлены золотистой тенью, чуть гуще оттенка волос. Одна рука лежит на груди, вторая – на земле, раскрыта. Лицо расслаблено, не такое резкое, как во время бодрствования. Должно быть, в этом загвоздка: обычно Джейс не такой мягкий, и потому сейчас так трудно уловить в его лице знакомые черты.

Тут Джейс пошевелился, его дыхание сделалось прерывистым, глазные яблоки заметались под веками. Рука, что лежала на груди, стиснула невидимый предмет... Джейс неожиданно сел, чуть не толкнув Клэри: глаза открыты, взгляд затуманен, лицо жутко бледное.

– Джейс? – позвала Клэри.

Взглянув на девушку, Джейс резко и грубо притянул ее к себе на колени и неистово впился губами в ее губы, запустив пальцы в волосы. Чувствуя грудь, как колотится сердце у Джейса, Клэри поняла, что краснеет. Это ведь общественный парк! Люди смотрят!

– У-ух! – отстраняясь и растягивая губы в улыбке, выдохнул Джейс. – Прости. Неожиданно я, правда?

– Приятный сюрприз, – низким, хрипловатым голосом ответила Клэри. – Что тебе такого приснилось?

– Ты. – Он намотал на палец ее локон. – Мне снишься ты одна.

Все еще сидя у него на коленях, Клэри спросила:

– Правда? Мне показалось, что тебе снится кошмар.

Наклонившись и посмотрев на нее, Джейс ответил:

– Порой мне снится, как ты уходишь. И я все думаю: вот узнаешь, что есть жизнь лучше, и покинешь меня.

Клэри бережно скользнула кончиками пальцев вниз по скулам, по щекам Джейса. Коснулась его губ. Подобные вещи Джейс говорит только ей. Алек и Изабель живут с ним долго, любят его и знают: под броней шуток и притворной заносчивости прячется искалеченная душа. Однако искренность Джейс позволял себе только наедине с Клэри. Покачав головой, девушка поспешила убрать упавшие на лицо локоны.

– Вот бы и мне уметь разговаривать, как ты, – сказала она. – Ты просто идеально подбираешь слова: что ни предложение, то меткая фраза. Слышу ее – и сразу верю: ты меня любишь. Если я не могу убедить тебя, что никогда не уйду...

Схватив ее за руку, Джейс попросил:

– Повтори.

– Я никогда не уйду.

– Что бы ни случилось? Что бы я ни сделал?

– Я тебя не оставлю. Никогда. К тебе я чувствую... – Клэри запнулась. – Ничего главнее у меня в жизни не было и не будет.

Черт, глупости-то какие! Правда, Джейс, похоже, другого мнения. Задумчиво улыбнувшись, он произнес:

– «L'amor che move il sole e l'altre stelle».^[9]

– Латынь? – спросила Клэри.

– Итальянский. Это Данте.

Она провела пальцами по губам Джейса, и он вздрогнул.

– Я не знаю итальянского, – очень тихо напомнила Клэри.

– Данте писал, что любовь – величайшая сила на земле. Она способна на все.

Высвободив руку, Клэри – зная, что Джейс следит за ней из-под полуопущенных век, – обняла его за шею. Коснулась губами его губ – слегка, не целуя. Сердце Джейса тут же забилось быстрее, сильнее. Юноша подался вперед, желая продолжения, но Клэри покачала головой. Ее волосы, словно полог, скрыли их лица от глаз посторонних.

– Если устал, – предложила она, – можем вернуться в Институт. Вздремнем. Мы вместе не спали с самого... Идриса.

Их взгляды встретились. Клэри знала: Джейс вспоминает то же, что и она. Бледный свет сочится в окно гостевой спальни Аматис, и в голосе Джейса слышно отчаяние: «Я лишь хочу лечь с тобой и проснуться в одной постели. Хотя бы раз в жизни». В ту ночь они лежали в одной кровати, едва держась за руки. С тех пор они не только держались за руки, однако шанса лечь в одну кровать не выпадало. Джейс понял: Клэри предлагает не просто вздремнуть, но и использовать одну из пустующих спален Института для кое-чего другого. Клэри ясно давала прочесть намерения в своем взгляде, пусть даже не понимая, сколь многое предлагает. Неважно. Джейс никогда не потребует того, чего Клэри давать не намерена.

– Да, хочу. – Огонь в глазах, легкая резкость в голосе подсказали: он не лжет. – Но... нам нельзя.

Взяв Клэри за руки, он опустил их, словно барьер между ней и собой.

Глаза Клэри округлились.

– Почему?

Глубоко вздохнув, Джейс ответил:

– Мы пришли сюда заниматься. Если потратим отведенное на тренировку время на занятия любовью, мне больше не разрешат тебя тренировать.

– Мне и так должны выделить постоянного учителя.

– Да, – сказал Джейс, поднимаясь и помогая встать Клэри. – Вот и боюсь: заведешь привычку обжиматься с учителями – и загуляешь с тем, другим тренером.

– Ах ты сексист! Мне могут прислать учителя-женщину.

– Ну, с учительницей обжиматься разрешаю. При условии, что мне можно смотреть.

– Смешно. – Улыбнувшись, Клэри начала складывать плед. – Опасаешься, как бы новый инструктор не оказался красивей тебя?

Джейс выгнул брови:

– Красивей меня?

– Почему нет? Теоретически, все возможно.

– Теоретически, планета может расколоться, и мы с тобой окажемся по разные стороны разлома. Вечно скорбящие, без возможности соединиться. Правда, и о подобном я не беспокоюсь. Некоторые вещи, —

Джейс, как обычно, криво усмехнулся, – не стоят даже того, чтобы о них заикаться.

Взяв Клэри за руку, он повел ее в рощу на окраине Ист-Мидоу, о которой знали исключительно Сумеречные охотники. Должно быть, она под маскирующими чарами. Как бы часто ни занимались в ней Джейс и Клэри, их ни разу никто, кроме Маризы или Изабель, не потревожил.

Осенью в Центральном парке царило настоящее буйство красок: деревья, облачаясь в ярчайшие цвета, пестрели зеленым, золотым, красным и оранжевым. В такой день хорошо вместе прогуляться, замереть на каменном мостке в поцелуе... Но для Джейса парк являлся внешним продолжением тренировочной комнаты, так что Клэри ждала целая куча упражнений: ориентирование на местности, техника отступления и побега, убийство демонов голыми руками.

Убийство демонов голыми руками! Пищать бы Клэри от восторга, если бы не хмурое настроение Джейса. Что-то с ним не так, что-то очень и очень не так. Можно, конечно, нарисовать руну, которая заставит его излить душу... если б только такая руна существовала. К тому же совесть не позволит применить ее на ком бы то ни было. Да и сила как будто впала в спячку с того дня, когда удалось явить на свет Руну союза. Больше не возникало порыва сотворить новый Знак, не приходило видений. Мариза обещала: когда тренировки у Клэри войдут в привычку, она пригласит преподавателя рунического искусства. М-да, обещанного три года ждут. Клэри, впрочем, не особенно огорчалась.

Если умение создавать новые руны исчезнет совсем, она не расстроится.

– Когда-нибудь ты безоружная встретишь демона, – говорил Джейс, ведя Клэри под сенью деревьев. Их листья имели оттенки от зеленого до ослепительно-золотого. – Паниковать нельзя. Перво-наперво, запомни: в оружие можно превратить любой подручный предмет: ветку, пригоршню монеток – из них получается отличный утяжелитель кулака, – обувь... да что угодно. Ты сама по себе оружие. В идеале, завершив обучение, ты должна уметь ногой пробить дыру в стене и одним ударом свалить лося.

– Лосей валить нельзя. Они – исчезающий вид.

Глянув на Клэри, Джейс слегка улыбнулся. Вот они достигли опушки в центре заветной рощи. На стволах деревьев по границе были вырезаны руны – нефилимские Метки.

– Слышала когда-нибудь о древнем боевом искусстве муай-тай? – спросил Джейс.

Клэри покачала головой. Солнце светило ярко, на небе – ни облачка, и Клэри почти упарилась в тренировочном костюме. Сняв куртку, Джейс принялся разминать тонкие пальцы пианиста. Глаза его искрились золотым светом. От запястий по рукам вились, словно виноградные лозы, Метки: для скорости, ловкости, силы. Интересно, зачем Джейсу Знаки, если он занимается с Клэри? Она ведь не смертельный враг.

– Прошел слушок, – продолжил он, – будто новый инструктор – мастер муай-тай. А еще самбо, летвей^[10], томой^[11], крав мага^[12] и чего-то там особенно мудреного... названия не помню, но вроде как, овладев этим искусством, можно убить человека соломинкой. Думаю, он не привык работать с учениками твоего уровня. Если ты под моим чутким руководством освоишь некоторые азы, к тебе отнесутся более благосклонно. – Он ухватил ее за бедра. – Развернись ко мне.

Клэри повиновалась – макушкой она теперь доставала Джейсу до подбородка – и опустила руки ему на плечи.

– Муай-тай еще называют «боем восьми конечностей». Ты используешь не только кулаки и стопы, но и колени с локтями. Дергаешь противника на себя и лупишь его любой из ударных точек, пока он не свалится.

– С демонами такое прокатывает? – вздернула брови Клэри.

– С небольшими. – Джейс придвинулся ближе. – Так, ухвати меня за шею одной рукой.

Не вставая на носочки, Клэри едва сумела дотянуться до шеи Джейса. Угораздило же вырасти такой маленькой.

– Теперь второй рукой, – сказал Джейс. – Сомкни пальцы у меня на загривке.

Затылок у Джейса был теплый, нагретый солнцем. Мягкие волосы щекотали ладони. Клэри и Джейс прижались друг к другу; кольцо у нее на шейной цепочке повисло между ними, словно камешек, зажатый меж двух ладоней.

– В реальном бою двигаться придется быстрее, – сказал Джейс, и в его голосе Клэри померещилась легкая неуверенность. – Захват на затылке дает рычаг: можешь притянуть меня к себе и добавить силы удару коленом...

– Ну надо же, – насмешливо произнес холодный голос. – Всего шесть недель минуло, и вы уже грызете друг другу глотки. Как быстротечна любовь смертных!

Отпустив Джейса, Клэри обернулась посмотреть. Она уже знала, кто к ним обращается – королева Благословенного двора стояла в тени меж двух деревьев. Если бы она не хотела выдать себя, то так и осталась бы незаметной: платье – зеленое, как трава, а волосы, ниспадающие на плечи, – цвета пожухлой листвы. Королева была прекрасна и ужасна, словно время года, несущее смерть, и Клэри ей никогда не верила.

– Зачем вы здесь? – спросил Джейс, прищурившись. – Это место принадлежит Охотникам.

– У меня новости. – Королева изящно ступила в круг, и солнечный луч, пройдя сквозь крону дерева, отразился от венца из золотистых ягодок на голове у королевы. Порой Клэри казалось, что повелительница фей репетирует эффектные появления. И если да, то как? – Имела место новая смерть.

– Какая еще смерть?

– Погиб один из вас. Нефилим. – Королева будто смаковала каждое слово. – Тело нашли на рассвете, под Оук-Бридж. Парк – мои владения, сами знаете. И хотя убийства людей меня мало интересуют, несчастный, показалось мне, пал не от руки примитивного. Тело доставили моим лекарям в Благословенный двор. Там и выяснилось: мертвый – один из вас.

Вспомнив новость двухдневной давности – о смерти другого нефилима, – Клэри быстро взглянула на Джейса. Бледный, он наверняка подумал о том же.

– Где сейчас погибший? – спросил Джейс.

– Беспокоишься о его чести? Он в пределах моего двора, и честь ему окажут не меньшую, чем живому Охотнику. Теперь, когда один из моих подданных заседает в Совете наряду с вашими братьями, можете не сомневаться в доброй воле Благословенного двора.

– Да, все знают: миледи и добрая воля – две вещи нераздельные.

Не обращая внимания на неприкрытый сарказм, королева только улыбнулась. Джейс нравился ей, как нравятся феям прелестные вещи, просто потому что они – прелестные. Сама Клэри королеву недолюбливала, и чувство ее было взаимным.

– Почему сообщаете новость нам? – спросил Джейс. – Не Маризе? Согласно обычаю...

– Ах, обычай... – Королева пренебрежительно отмахнулась. – Вы здесь, то есть ближе остальных из вашего племени.

Снова глянув на нее с прищуром, Джейс жестом велел Клэри оставаться на месте. Сам он отошел чуть в сторону и достал из кармана телефон.

– Мариза? – Его голос потонул в криках с игровой площадки.

Ощущая неприятный холодок страха, Клэри посмотрела на королеву. Они не виделись с праздничной ночи в Идрисе: тогда Клэри повела себя не особенно вежливо, и вряд ли августейшая особа простила дерзость. «Отказываешься от услуги королевы Благословенного двора? Не каждому смертному я предлагаю такую честь», – говорила она.

– Слышала, Мелиорн получил место в Совете, – сказала Клэри. – Вам, должно быть, отрадно?

– Ты права. – Королева одарила Клэри насмешливым взглядом. – Я в должной мере удовлетворена.

– Значит... на меня зла не держите?

Улыбка на устах королевы как будто подернулась льдом.

– Ты о моем предложении, которое так грубо отвергла? Видишь ли, своей цели я достигла и без твоей помощи. Если кто объективно проиграл, так это ты.

– Мне от вас ничего не нужно. – Смягчить тон никак не получалось. – Люди, знаете ли, не обязаны следовать вашим прихотям.

– Избавь меня от нотаций, дитя. – Королева взглядом проследила за Джейсом, который, не опуская телефона, прохаживался по краю опушки. – Он прекрасен, и я вижу, как ты любишь его. Ты не задумывалась, что влечет его к тебе?

Клэри не ответила. Да и что бы она сказала?

– Вас связывает небесная кровь, – намекнула королева. – Кровь вызывает к крови. Не путай ее зов с чувствами.

– Снова загадки, – злобно проговорила Клэри. – Вы хоть какой-нибудь смысл в эти слова вкладываете?

– Джейс связан с тобой. Вот только любит ли он тебя?

Руки у Клэри дернулись. Ей вдруг захотелось испробовать на королеве новые приемы рукопашного боя.

– Любит.

– Хочет ли он тебя? Любовь и желание порой идут разными путями.

– Не ваше дело, – сказала Клэри, как отрезала.

Королева продолжала буравить ее взглядом.

– Ты хочешь его, как никого другого в мире. Чувствует ли то же самое Джейс? – тихо и безжалостно спросила она. – Он мог выбрать любую другую девушку. Ты не задавалась вопросом: почему Джейс остановился на тебе? Может, он жалеет о своем выборе? Его отношение к тебе не изменилось?

Глаза щипало от подступающих слез.

– Не изменилось. – Клэри вспомнила выражение лица Джейса той ночью в лифте: когда она предлагала остаться на ночь, а он спровадил ее домой.

– Ты отказалась от сделки, потому что, видите ли, мне нечего тебе дать и ты ничего не хочешь. – Глаза королевы недобро блеснули. – Ты не представляла себе жизни без Джейса?

Зачем, зачем она так поступает?! Клэри хотелось закричать, но она промолчала. В этот момент королева посмотрела ей за спину:

– Вытри слезы, ибо твоя любовь возвращается. Негоже ему видеть тебя плачущей.

Наскоро утерев глаза тыльной стороной ладони, Клэри обернулась. Джейс, нахмурившись, шел в их с королевой сторону.

– Мариза отправилась в Благословенный двор. Где королева?

Удивленно глядя на него, Клэри ответила:

– Да вот она. – Она обернулась, и слова застряли в горле. Ее величество ушла, оставив после себя лишь вихрь опавших листьев.

* * *

В мрачном настроении Саймон лежал в гараже у Эрика, подложив под голову куртку и глядя в дырявый потолок. Юный вампир разговаривал по телефону с Клэри, и ее голос был тем единственным, что не давало расклеиться окончательно.

– Саймон. Ты серьезно?! – Слова прозвучали едва слышно из-за шума дорожного движения. – Ты правда вломился в гараж к Эрику? Сам-то Эрик в курсе?

– Нет. У него дома никого, а у меня есть ключи. Гараж – самое то, чтобы заныкаться. Ты-то где?

– В городе. – «Город» в устах бруклинца значит «Манхэттен». Иного метрополиса как будто не существует. – Мы с Джейсом тренировались, потом ему пришлось вернуться в Институт по делам Конклава. Я иду к Люку. – На заднем фоне громко просигналила машина. – Слушай, давай к нам. Устроим тебя на диване в гостиной.

Саймон не спешил с ответом. О Люке он был исключительно хорошего мнения: сколько Саймон знает Клэри, Люк жил в старенькой квартирке над книжной лавкой. Ребята провели в ней не один час за чтением «позаимствованных» в магазинчике книг и просмотром старых фильмов по кабельному.

Теперь дела обстоят иначе. Встревоженная молчанием друга, Клэри предложила:

– Давай моя мама поговорит с твоей? Объяснит?

– Что? Как я стал вампиром? Клэри, моя мама и так понимает, что я вампир. И вряд ли меня таким примет.

– Нельзя же ее постоянно держать под гипнозом.

– Почему нет? – Саймон сам понимал, что говорит неразумно. Однако, когда лежишь на жестком полу в пропахшем бензином гараже, окруженный плетущими сети пауками, о разумности думаешь в последнюю очередь.

– Нельзя жить во лжи. Домой придется вернуться...

– И что? Я проклят, таково мое бремя. «Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле»^[13]. – Даже сквозь шум и гомон голосов Саймон услышал резкий и глубокий вздох Клэри. – Может, и об этом рассказать? Как ты нанесла мне на лоб Каинову печать? И что я теперь ходячее проклятие? Далось маме такое счастье!

Звуки на заднем фоне сделались тише. Клэри вошла в дом.

– Саймон, мне жаль. – Она еле сдерживала слезы. – Ты ведь знаешь...

– Ты ни в чем не виновата. – Саймон вдруг ощутил дикую усталость. Сначала перепугал до смерти родную мать, теперь довел до слез лучшего друга... Молодец, ничего не скажешь. Сегодня не твой день, Саймон. – Мне лучше держаться от людей подальше. Посижу здесь, подожду Эрика. Впишусь к нему на некоторое время.

Клэри усмехнулась сквозь слезы:

– Эрик для тебя не человек?

– Позже поговорим, – сказал Саймон и, помявшись, добавил: – Завтра перезвоню, лады?

– Завтра увидимся. Ты обещал пойти со мной на примерку платья, помнишь?

– О-ой, должно быть, я тебя и правда люблю.

– Да, я тебя тоже.

Прервав связь, Саймон лег и положил руку с телефоном на грудь. Забавно, теперь он запросто говорит Клэри: «Я тебя люблю», тогда как до этого годами не мог выдавить из себя признание. Вложив в заветные слова иной смысл, он произнес их легко.

Иногда Саймон задумывался: что, если бы на свете не было Джейса Вэйланда, если бы Клэри не узнала о своем наследии? Такие мысли Саймон гнал прочь, ибо они бесполезны. Прошлого не вернуть, не изменить, и двигаться нужно вперед. Не то чтобы Саймон знал свое будущее. Навсегда остаться у Эрика не получится. Даже удрученный, Саймон понимал: гараж – местечко паршивое. Вампиры не мерзнут, не чувствуют жара, однако спать на жестком полу им тоже не всегда под силу. Вот бы заглушить чувства: не слышать шума машин и вони бензина. Впрочем, хуже всего тревога о том, как быть дальше.

Почти весь запас крови Саймон выбросил, оставив пару бутылочек в рюкзаке. На несколько дней хватит, потом начнется жуть. Эрику по фигу, кем стал Саймон. Он позволит задержаться у себя, но тогда родители Эрика обязательно известят миссис Льюис – и все, абзац. Мама-то думает, что Саймон на экскурсии.

Еще пару дней, и кровь закончится – мать заподозрит неладное, позвонит в школу. Вспомнит, что Саймон теперь вампир. Ему вроде полагается вечность, а в распоряжении осталось несколько дней.

Саймон так старался, тщательно выстраивал «жизнь»: школа, друзья, дом, своя комната. Притворство требовало усилий, но себя оправдывало: другие варианты, подразумевающие одиночество и забытие, не привлекали. Вспомнились слова Камиллы: «Все хорошо, пока тебе шестнадцать. Представь, что будет в двадцать шесть. В тридцать. Думаешь, никто не заметит, как ты не меняешься, в то время как все вокруг стареют?»

Саймон создал искусственную жизнь по образу и подобию прошлой, хрупкую и недолговечную копию... Сердце упало. Финал вышел закономерный, нельзя цепляться за тени минувшего, воспоминания. Саймон вновь подумал о предложении Камиллы: теперь оно казалось куда уместнее – предложение общества, пусть и не совсем желанного. Еще три дня, и явится раб. Что Саймон скажет? Прежде ответ представлялся таким очевидным...

Загрохотала, открываясь, дверь гаража. Внутри брызнул поток яркого света, и Саймон, напряженный, сел:

– Эрик?

– Не-а, Кайл.

– Кайл? – тупо переспросил Саймон. Ах да, Кайл, новый фронтмен! Успокоившись, он снова лег. – А... привет. Здесь никого. Если ты пришел порепетировать...

– Классно же. Я не петя пришел. – Держа руки в задних карманах джинсов, Кайл сощурился в темноте. – Ты – как тебя там? – басист, да?

Встав и отряхнувшись, вампир напомнил:

– Саймон.

Хмурясь, Кайл огляделся:

– Я, по ходу, вчера ключи посеял, обыскался уже. А... вот они. – Нырнув за барабанную установку, он через секунду встал и победно потряс в воздухе связкой ключей. Внешний вид Кайла не очень-то изменился со вчерашнего дня: синяя футболка, кожаная куртка, на шее золотой медальон с образом святого; каштановые волосы – в еще большем художественном беспорядке. – Ты, значит, – Кайл облокотился на колонку, – спал здесь? На полу?

Саймон кивнул:

– Выгнали из дому. – И правда, и объяснять большего не надо.

Кайл сочувственно кивнул:

– Маман нашла нычку с травкой? Фигово.

– Нет. Не нычку... с травкой. – Саймон пожал плечами. – Пospорили... насчет моего образа жизни.

– Узнала о двух подружках? – Кайл осклабился. Красавчик. Правда, в отличие от Джейса, который знает о своей красоте, он, похоже, неделями забывает расчесываться. Открытый и простой, Кайл выглядел куда дружелюбнее. – Керк мне все рассказал. Молодец, чувак!

Саймон мотнул головой:

– И не в подружках дело.

Повисла неловкая пауза.

– Да я... и сам дома не живу, – признался Кайл. – Пару лет как. – Обняв себя и понутив голову, он низким голосом продолжил: – С предками больше не общаюсь. Сам-то я неплохо живу, просто... Так уж вышло.

– А твои наколки, – Саймон показал на себе. – Они что значат?

Вытянув руки, Кайл нараспев произнес:

– Шанти, шанти, шанти. Мантры из Упанишад^[14]. Молитвы на санскрите, для успокоения.

Раньше Саймон подумал бы, что татуировка на санскрите – выпендрейж, но сейчас ему так не показалось.

– Шалом, – сказал он.

– Чего? – моргнув, спросил Кайл.

– Это значит: мир тебе. На иврите. Показалось, что звучит похоже на твои мантры.

Кайл пристально присмотрелся к Саймону. Казалось, он обдумывает некую мысль.

– Я сейчас, наверное, глупость скажу...

– Забей. В последнее время глупость для меня понятие растяжимое.

– Я снимаю квартиру в Алфавитвилле. Сосед недавно съехал, так что в распоряжении есть свободная спальня. Кровать и все такое.

Саймон растерялся. С одной стороны, он совсем не знает Кайла, и переезд к нему может оказаться величайшей ошибкой. Вдруг Кайл – серийный убийца? Хотя на руках у него и наколки с молитвами о мире. С другой стороны, у Кайла Саймона никто не станет искать. И что, если даже он серийный убийца? Ему же хуже. (Если вспомнить о вчерашнем мужике с ножом.)

– Я, наверное, приму твоё предложение.

Кайл кивнул:

– Снаружи стоит мой пикап. Можем сразу ко мне поехать.

Подобрав рюкзак и сунув телефон в карман, Саймон широко раскинул руки – готов, мол.

– Поехали.

Саймона ждал приятный сюрприз. Он-то думал: Кайл делит съемное жилище (без лифта) на авеню D с тараканами и спит на самопальной лежанке из пенопласта и молочных коробок. На деле Кайл устроился в чистой, опрятной квартире: две спальни, тонны книг и всюду фотографии знаменитых мест для занятий сёрфингом. Похоже, он и марихуану выращивал на площадке пожарной лестницы. Эх, нет в мире совершенства.

Саймону досталась пустая комната: голые стены, голый пол; от прежнего жилья остался только матрас-футон. В единственное окно виднелась неоновая вывеска китайского ресторанчика через дорогу.

– Нравится? – спросил Кайл, встав в дверном проеме и глядя на Саймона дружелюбными карими глазами.

– Супер, – честно ответил Саймон. – То, что нужно.

Самым дорогостоящим предметом в квартире оказался плоскоэкранный телевизор в гостиной. Устроившись перед ним на диване-футоне, Саймон и Кайл принялись смотреть передачи в плохом качестве. Свет за окном постепенно тускнел. Саймон решил для себя, что Кайл прикольный: не подкальывает, не лезет в душу, не задает лишних вопросов. За постой не спросил ничего, только денег на еду. Таким вот Кайл оказался обыкновенным, мирным парнем. Саймон уже стал забывать, какие они, обыкновенные люди.

Кайл работал в ночную смену, и, когда он ушел, Саймон рухнул на матрас. Прислушался к движению на авеню В.

С самого ухода из дома Саймона не отпускали мысли о матери: перед внутренним взором постоянно возникало ее лицо, взгляд, наполненный страхом и отвращением, будто Саймон, как незваный гость, вломился в дом. Хотя вампиры не дышат, от таких мыслей в груди все сжималось. Теперь же...

В детстве Саймону нравилось путешествовать. Уезжая в новое место, он словно оставлял позади проблемы. Даже здесь, на другом берегу реки, воспоминания о смерти покушенца и реакции матери на правду начинали тускнеть, стираться.

Может, в этом весь смысл? Остаться в движении? Как акула? Идти туда, где тебя не найдут? «Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле».

Такое сработает, если нет близких, если некого бросить.

Ночь Саймон провел в беспокойном сне. Как вампира – несмотря на дар светолюба, – его тянуло спать днем. Приходилось бороться с чувством тревоги и кошмарами, пока не наступало утро. Переодевшись в свежее, Саймон вышел из спальни. Кайл в это время на кухне жарил бекон.

– Превед, сосед, – бодро поприветствовал он Саймона. – Завтракать будешь?

От вида людской еды Саймона слегка затошнило.

– Нет, спасибо. От кофе, правда, не откажусь. – Он присел на колченогий табурет.

Кайл толкнул ему по стойке щербатую кружку:

– Завтрак – самый важный прием пищи, братан. Даже если заменяет обед.

Саймон обхватил ладонями горячую кружку и попытался найти тему для разговора. Только такую, чтобы Кайл не спрашивал, почему его новый сосед почти не ест.

– Я вчера забыл спросить: чем ты на жизнь зарабатываешь?

Сняв с тефлоновой сковородки кусочек бекона, Кайл отправил его в рот. На золотом медальоне у него имелся орнамент в виде листьев и гравировка: «Beati bellicosi». Первое слово, насколько знал Саймон, как-то относится к святым. Наверное, Кайл – католик.

– Я велокурьер, – жуя, ответил он. – Работа клевая. Ездишь везде, болтаешь со всеми... Лучше, чем в школе просиживать.

– Тебя выгнали?

– Сам ушел. Получил аттестат о среднем образовании и свалил. Предпочитаю школу жизни. – Если бы не искренность, с какой Кайл разговаривал, Саймон решил бы, что «школа жизни» – бред собачий. – А ты? Планы есть?

Что ответить? А... так, отправлюсь по миру сеять смерть и разрушения, пить кровь невинных, не думая о смерти и забыв про счастье? В общем, как обычно?

– Как раз думал над этим.

– То есть музыкантом быть не планируешь?

К счастью, зазвонил телефон. Выудив его из кармана, Саймон глянул на экран: Майя.

– Алё? Привет, как дела?

– Ты идешь с Клэри на примерку платья? – спросила Майя. Голос ее звучал прерывисто. Наверное, звонит из логова в Чайнатауне, сигнал у них не очень. – Она сказала: ты составишь ей компанию.

– Чего? А... точно. Да, иду.

Клэри настояла, чтобы Саймон отправился с ней на примерку. Потом они вместе пойдут купить комиксов, и Клэри, по ее выражению, избавится от ощущения «махровой девчоночности».

– Ну так вот, я тоже приду. Надо передать Люку сообщение от стаи, да и вообще, сто лет тебя не видела.

– Знаю. Прости...

– Забей, – беззаботно ответила Майя. – Но ты меня обязательно предупреди, в чем идешь на свадьбу. Иначе не в масть оденемся.

Она повесила трубку, и Саймон тупо уставился на экран телефона. Клэри права: свадьба ее матери – день икс для Саймона, к которому, как ни прискорбно, юноша не готов.

– Одна из подружек? – полюбопытствовал Кайл. – Та рыженькая с прошлой репетиции? Симпатичная.

– Нет. Рыжая – это Клэри, мой лучший друг. – Саймон убрал телефон в карман. – И у нее есть парень. Между ними все очень, очень и очень серьезно. Серьезно, как атомная бомба. Поверь.

Кайл улыбнулся от уха до уха:

– Я только спросил. – Он убрал опустошенную сковороду в мойку. – Вернемся к твоим подружкам. Они симпатные?

– Они очень и очень... разные. – Если не сказать полная противоположность друг другу. Майя – спокойная и приземленная, Изабель вечно ищет острых переживаний. Майя – ровный огонек в темноте, Изабель – пылающая звезда, вращающаяся в пустоте. – В смысле, они обе здоровские. Красивые и умные...

– И ни одна не знает про другую? – Кайл облокотился на стойку. – Вообще?

Саймон сам не заметил, как начал рассказывать о том, как после возвращения из Идриса (страну по имени называть не стал) Изабель и Майя начали ему названивать, приглашать на прогулки. Обе девчонки Саймону нравились, и потому он ни одной не отказал. Незаметно начались романтические отношения, и рассказать одной подруге о другой Саймон никак не решался. Запутавшись окончательно, он не хотел причинять боль ни Майе, ни Изабель... и в то же время не знал, что делать.

– По-моему, – изрек Кайл, отворачиваясь и выливая остатки кофе в раковину, – ты должен выбрать одну, хватит юлить. Это я так, мнение выразил.

Злится, наверное. Голос у него какой-то жесткий, сдержанный. Нет, показалось:

развернувшись, Кайл посмотрел на Саймона все так же открыто и дружелюбно.

– Знаю, согласен, – ответил Саймон. Глянув на спальню, он спросил: – Я тебе точно не мешаю? Могу убраться в любую секунду...

– Все путем. Живи, сколько влезет. – Порывшись в кухонном шкафчике, Кайл достал связку ключей на резиновом кольце. – Вот твой комплект. Тебе здесь всегда рады. Мне пора на работу, но ты оставайся, если хочешь. Сыграй в «Halo» там или найди себе другое занятие. Дождешься моего возвращения?

Саймон пожал плечами:

– Нет, скорее всего. В три надо на примерку платья.

– Прикольно, – сказал Кайл, перекидывая через плечо ремень почтальонской сумки и направляясь к двери. – Пусть тебе сошьют что-нибудь в красных тонах. Определенно, твой цвет.

* * *

– Ну? – спросила Клэри, выходя из примерочной. – Как тебе?

Она повертелась, давая рассмотреть себя со всех сторон. Сидевший на неудобном белом стуле Саймон чуть не упал. Сев поудобнее, он ответил:

– Мило.

Впрочем, мило – еще слабо сказано. Клэри, как единственная подружка невесты, получила право выбирать все что душе угодно. И она предпочла простое шелковое платье цвета меди с тонкими бретельками, которые выгодно подчеркивали ее худенькую комплекцию. Из украшений Клэри планировала надеть только фамильное кольцо Моргенштернов на простой серебряной цепочке – та лежала, точно повторяя изгибы шеи.

Всего пару месяцев назад, увидев Клэри в подобном платье, Саймон испытал бы смесь чувств: от глубокого отчаяния (Клэри его никогда не полюбит!) до сильного возбуждения (или полюбит, если открыться?). Сейчас Саймон переживал только легкую грусть.

– Мило? – эхом отозвалась Клэри. – Точно? Тьфу ты... – Она обернулась к Майе: – Тебе как?

Майя предпочла не мучиться на стуле и присела на полу. Привалившись к увешанной диадемами и фатами стене, она пристроила на колене карманную приставку Саймона и резалась в «GTA».

– Не спрашивай! Я платья ненавижу. Если можно, я бы на свадьбу в джинсах пришла.

Действительно, Майя практически не выходит из джинсов и футболок. И в этом смысле она полная противоположность Изабель – та постоянно, даже некстати, носит платья и каблуки. (Правда, увидев однажды, как Изабель пронзила демона каблуком-стилетом, Саймон больше на сей счет не тревожился.)

Прозвенел колокольчик над входной дверью – вошли Джослин и Люк. Оба держали в руках по дымящемуся стаканчику с кофе; Джослин смотрела на Люка блестящими глазами, на щеках у нее играл легкий румянец. Клэри говорила о матери и Люке: дескать, они «по уши в любви, аж смотреть противно». Саймон ничего противного не заметил. Наверное, потому, что видел перед собой не родителей. Люк и Джослин лучились счастьем. До чего мило.

При виде Клэри глаза у Джослин полезли из орбит.

– Дорогая, ты просто шикарна!

– Иного я не ждала. Ты моя мама. – Говоря так, Клэри, тем не менее, широко улыбнулась. – Слушай, а кофе у тебя черный?

– Ага. Считаю, это наше извинение за опоздание, – сказал Люк, протягивая ей стаканчик. – Мы вам подкрепиться принесли. – Люк посмотрел на Саймона и Майю: – Привет, ребята.

Майя склонила голову, приветствуя Люка. Он хоть и глава стаи, все же отучил девчонку обращаться к нему «хозяин» и «господин». Тем не менее Майя в присутствии вожака оставалась максимально почтительной.

– У меня известия от стаи, – сказала Майя, откладывая в сторону игровую консоль. – Есть вопрос насчет вечеринки на фабрике «Айронворкс».

Майя и Люк погрузились в обсуждение предстоящего праздника. Его организовала стая в честь предстоящего бракосочетания «альфа-самца». Хозяйка же салона, до того читавшая журналы, поняла: пришли люди, которые, собственно, платят за наряды, – и поспешила к заказчикам.

– Только что прибыло ваше платье, выглядит чудесно, – защелкала она и, подхватив мать Клэри под руку, повела ее в заднюю часть салона. – Идемте примерите. – Люк уже хотел было пойти следом, однако дама погрозила ему пальцем: – Вам с нами нельзя.

Люк озадаченно смотрел, как невесту уводят через расписанные колокольчиками вращающиеся двери.

– У примитивных жениху не положено видеть невесту в платье до свадьбы, – напомнила Клэри. – Плохая примета. Хозяйка, поди, не понимает, зачем ты пришел на примерку.

– Джослин хотела знать мое мнение. – Люк покачал головой. – А... ладно. Странные все же обычаи у примитивных.

Плюхнувшись в кресло, он поморщился – в спину ему впиалась одна из резных розеток.

– Ай!

– Как женятся Охотники? – с любопытством спросила Майя. – У них обычаи есть?

– Да, – протянул Люк. – Но мы будем жениться не по обычаям. Они мне не подходят, я не Охотник.

– Правда? – пораженно спросила Майя. – Я не знала.

– В ходе свадебной церемонии Охотники наносят друг другу постоянные Метки, – спокойно и с грустью в глазах произнес Люк. – Руны любви и обязательств. Любой, кто не принадлежит к касте Охотников, не вынесет Метки Ангела. Поэтому мы с Джослин просто обменяемся кольцами.

– Фигово.

Люк улыбнулся:

– Да нет. Я мечтал жениться на Джослин, так что детали меня не заботят. И потом, все меняется. Новый Совет убедил Конклав терпимее относиться к подобным...

– Клэри! – позвала Джослин. – На секундочку!

– Иду! – откликнулась Клэри и залпом допила остатки кофе. – Ой-ей, долг подружки невесты.

– Удачи, – сказала Майя. Встав, она бросила консольку на колени Саймону и поцеловала его в щеку: – Мне пора. Встречаюсь с друзьями в «Охотничьей луне».

От нее вкусно пахло ванилью, а еще соленой кровью и лимоном (что характерно для оборотней). Каждый вид нежити пах по-своему: фейри – увядшими цветами, маги – жжеными спичками, вампиры – металлом.

Однажды Клэри спросила: чем пахнут Сумеречные охотники?

– Солнечным светом, – отвечал Саймон.

– Пока, малыш. – Майя слегка взъерошила ему волосы.

Едва за ней закрылась дверь, Клэри пригвоздила Саймона к месту взглядом:

– К субботе ты просто обязан уладить любовные дела. Я серьезно. Если не разберешься, я сама им все расскажу.

– Что расскажешь? Кому? – встревожился Люк.

Покачивая головой, Клэри сказала напоследок:

– Ты ходишь по тонкому льду, Люкис.

Подобрав юбки, она отправилась на помощь к матери. Саймон же с удовлетворением заметил: под платьем Клэри надела зеленые кроссы.

– Определенно, творится нечто, – проговорил Люк, – о чем я даже не подозреваю.

Посмотрев на него, Саймон ответил:

– Я порой живу по такому принципу.

Выгнув брови, Люк спросил:

– Что-то стряслось?

Саймон не торопился отвечать. О сердечных делах не расскажешь: Люк и Майя в одной стае, а стая оборотней – не уличная банда. Ее члены уважают друг друга. Не хочется ставить Люка в неловкое положение. И в то же время он – надежный источник. Как глава манхэттенской стаи, он хорошо осведомлен о делах в мире нежити.

– Ты не слышал о вампирессе по имени Камилла?

Люк тихонько присвистнул:

– Я-то знаю, кто она такая. А вот тебе откуда известно ее имя?

– Ну, она глава нью-йоркского клана, – сдавленно произнес Саймон. – Вампиры теперь мои родичи, как-никак.

– Мне казалось, что ты изо всех сил стараешься вести людскую жизнь и в их дела не соваться. – В голосе Люка не слышалось осуждения, только любопытство. – Когда я принял бразды правления от предыдущего вожака, Камилла оставила за себя Рафаэля. Точно никто не знал, куда она отправляется. Впрочем, личность она легендарная. Чрезвычайно древняя вампиресса, известная своей злобой и хитростью. Она в свое время заставила попотеть даже Дивный народец.

– Ты с ней встречался?

Люк покачал головой:

– Вряд ли. Почему ты спрашиваешь?

– Слышал о ней от Рафаэля, – расплывчато ответил Саймон.

– Ты недавно видел Рафаэля? – наморщив лоб, спросил Люк.

Ответить Саймон не успел – вновь прозвенел колокольчик над дверью. Вошел Джейс. Ого, Клэри не говорила, что он придет.

Если так подумать, то Клэри в последнее время вообще редко о нем говорит.

Посмотрев на Саймона и на Люка, Джейс как будто удивился их присутствию. При Клэри он наверняка проявляет всю гамму эмоций, зато на людях носит маску мрачной свирепости. Саймон однажды заметил Изабель:

– У него такое лицо, словно он погружен в умные мысли. Но спроси его о чем-нибудь, и получишь в нос.

– А ты не спрашивай, – как глупому ребенку отвечала Изабель. – Вас двоих дружить не заставляют.

– Клэри пришла? – спросил Джейс, прикрывая за собой дверь. Выглядел он устало, под глазами залегли темные круги. Несмотря на пронизывающий ветер, он даже не надел куртки. Холод Саймона больше не беспокоил, однако смотреть на Джейса в джинсах и одной только термоблузке было больно.

– Она Джослин помогает, – сказал Люк. – Проходи, подождешь ее с нами.

Джейс беспокойно оглядел салон: вуали, веера, диадемы, расшитые мелким жемчугом шлейфы...

– Тут все такое... белое.

– Конечно, – отозвался Саймон. – Салон-то свадебный.

– Для Охотников белый – цвет траура, – пояснил Люк. – Однако для примитивных, Джейс, белый – цвет свадьбы. Он символизирует чистоту и невинность невесты.

– Джослин вроде не хотела белое платье? – припомнил Саймон.

– Поезд ушел, – произнес Джейс.

Люк поперхнулся кофе. Не успел он сказать – или сделать – хоть что-нибудь, как вернулась Клэри: волосы собраны в высокую прическу на заколках со стразами, несколько завитых прядей остались свободными.

– Ну не знаю, – говорила она на ходу. – Карина взяла и сделала прическу, даже не спросила. Я насчет стразов не уверена...

Увидев Джейса, она пораженно умолкла. Джейс посмотрел на нее так, что Саймон впервые сумел прочесть по его лицу душевные волнения: мир перестал существовать для Джейса, остались только он и Клэри. Джейс смотрел на нее с таким вождением и страстью, что Саймон даже ощутил неловкость, будто нарушил чей-то момент уединения.

Откашлявшись, Джейс произнес:

– Ты так прекрасна.

– Джейс, – озадаченно пробормотала Клэри. – С тобой все хорошо? Ты ведь собирался на встречу Конклава.

– Кстати, – припомнил Люк, – я слышал о мертвом Охотнике в парке. Подвижки в деле есть?

Не отводя глаз от Клэри, Джейс покачал головой:

– Нет. Погибший не из Нью-Йорка. Больше о нем ничего узнать не удалось. Как и о другом мертвце. Сейчас их тела у Братьев молчания.

– Хорошо. Братья установят их личности.

Джейс продолжал смотреть на Клэри – смотреть очень нехорошо. Так смотрят на того, кого любят, но с кем не могут быть вместе. Джейс переживал подобное раньше, а теперь-то в чем дело?

– Джейс? – позвала Клэри, шагнув ему навстречу.

Наконец он отвел от нее взгляд:

– Ты вчера взяла мою куртку. Она у тебя?

Окончательно сбита с толку, Клэри указала на спинку одного из стульев: там висела куртка из коричневой замши.

– Вон она. Хотела занести после...

– Отлично, – пробормотал Джейс, поспешно одеваясь. – Можешь не беспокоиться.

– Джейс, – успокаивающим тоном произнес Люк, – мы собираемся поужинать где-нибудь в Парк-Слоуп. Идем с нами.

– Нет, – застегиваясь, отказался Джейс. – Мне на тренировку пора.

– На тренировку? – переспросила Клэри. – Мы же вчера занимались.

– Кое-кому приходится заниматься каждый день. – Говорил Джейс беззлобно, но резко, и Клэри зарделась. – Увидимся позже, – сказал он, уходя чуть ли не бегом, и даже не обернувшись.

Клэри принялась выдергивать шпильки, и волосы спутанными прядями упали ей на плечи.

– Клэри, – мягко позвал Люк, поднимаясь из кресла. – Что ты делаешь?

– Привожу волосы в порядок. – Сверкая глазами, она резко выдернула последнюю шпильку. Не заплакать ей удавалось лишь усилием воли. – Не нравится мне прическа. Идиотская.

– Ничего она не идиотская. – Забрав у нее шпильки, Люк аккуратно отложил их на столик. – Мужчины всегда перед свадьбой нервничают. И это ровным счетом ничего не значит.

– Верно, ты прав. – Клэри попыталась улыбнуться, но было видно: она Люку не верит. И

винить ее не за что. Помня выражение на лице Джейса, Саймон Люку и сам не поверил.

* * *

Саймон шагнул подле Клэри. Джослин с Люком – чуть впереди. Дальше, на Пятой авеню, светилась яркими огнями на фоне синих сумерек закусочная. Клэри сменила платье на джинсы, шею обмотала толстым белым шарфом. Она то и дело теребила кольцо на цепочке. Нервничает.

Покидая салон, Саймон спросил у Клэри: что такое с Джейсом? Приятельница только пожала плечами и спросила в ответ: поговорил ли Саймон с матерью? И будет ли он жить у Эрика? Каково же было ее удивление, когда Саймон сказал, что поселился у Кайла.

– Ты его совсем не знаешь! Вдруг он серийный убийца?

– Я об этом тоже думал. Обшарил квартиру и нигде не нашел холодильника, полного отпиленных рук. Если он и есть, то Кайл его хорошо прячет. И потом, он человек приятный и честный.

– И что у него за квартира?

– Недурнецкая для Алфавитвилля. Приходи – заценишь.

– Только не сегодня. – Голос Клэри звучал слегка отстраненно. Она сама не заметила, как опять принялась теребить кольцо. – Может, завтра?

Куда она сейчас? К Джейсу? Саймон не стал давить, спрашивать. Если Клэри не хочет, пусть не рассказывает.

– Пришли, – сказал он, открывая дверь закусочной. В лицо ударил поток горячего, пропитанного ароматом соувлаки^[15] воздуха.

Они всей гурьбой втиснулись в кабинку у одного из больших плоскоэкранных телевизоров. Джослин и Люк оживленно болтали, обсуждая планы предстоящего торжества. Стая Люка, похоже, оскорбилась тем, что их не пригласили – хотя свадьбу вообще запланировали очень скромную, – и захотела устроить вожаку собственную гулянку, на одной из восстановленных фабрик Куинса. Клэри молча слушала их.

Официантка принесла меню, заламинированные так жестко, что при желании ими можно было убить. Саймон уставился в окно. В спортзале через улицу люди занимались на беговых дорожках, ритмично двигая руками, слушая музыку в наушниках. Они бежали, чтобы в итоге остаться на месте.

«Как и я сам», – подумалось Саймону.

Он заставил себя не размышлять о мрачном, и ему это почти удалось. Обстановка такая знакомая: он и Клэри сидят в углу в кабинке закусочной, тут же и семья Клэри. Люк, даже когда не собирался жениться на Джослин, был настоящим членом семьи. Саймону бы чувствовать себя как дома... Он попытался выдавить улыбку и тут понял: Джослин его о чем-то спросила.

– Извините, не расслышал. Что?

– Клэри говорит, у вас в группе новенький, – терпеливо улыбнувшись, повторила Джослин. Спрашивает из вежливости – как родитель, который как будто принимает хобби ребенка всерьез. Джослин, конечно, приходила несколько раз на концерты группы, для числа, ведь Саймон ей и правда небезразличен. В самой темной глубине души Саймон подозревал, что Джослин известно о его чувствах к Клэри и, будь на то ее материнская воля, она ждала бы от дочери иного выбора спутника жизни. Джейс не сильно-то симпатичен Джослин, она даже имя его произносит без притязания.

– Ага, – ответил наконец Саймон. – Его зовут Кайл. Странноватый, зато обаяшка.

Люк попросил объяснить, насколько же этот Кайл «странноватый», и Саймон рассказал о

его квартире – постаравшись не упоминать, что это теперь и его квартира тоже, – о работе велокурьером, о древнем, латаном-перелатаном пикапе.

– Еще он на балконе травки выращивает, – добавил Саймон. – Я проверил: не ганджа. У этих растений листики серебристые...

Люк нахмурился, но не успел ничего сказать, как принесли большой серебряный кофейник. Официантка – юная девушка с выбеленными волосами – наклонилась, и одна из косичек коснулась руки Саймона.

От запаха пота и крови – сладчайшего аромата – желудок схватило спазмом. По телу прошел озноб. Саймон проголодался, а у него оставалось лишь несколько бутылочек тепловатой крови, которая уже начала сворачиваться. Пить такую даже вампиру противно.

В голове прозвучал голос Камиллы: «Ты ни разу не пил кровь человека, да? Пьешь исключительно слитую кровь. Остывшую. Животную».

Саймон зажмурился, а когда открыл глаза, официантки уже не было. Клэри пристально смотрела на него через стол:

– Что с тобой?

– Ничего. – Саймон дрожащими пальцами обхватил чашку кофе. Над головой у него по телевизору продолжался ночной выпуск новостей.

– Фи-и... – сморщилась Клэри, глянув на экран. – Слышали?

Саймон проследил за ее взглядом: ведущий говорил с такой миной, с какой все ведущие сообщают особенно мрачные новости.

– Никто не явился удостоверить личность младенца, найденного несколько дней назад за мусорным контейнером у больницы «Бет-Израиль». Ребенок – белый, весит шесть фунтов и восемь унций, здоровье его не вызывает опасений. Его нашли пристегнутым к детскому автокреслу. Самое поразительное – это записка, обнаруженная в одеяльце. В ней содержалась просьба усыпить ребенка, потому что, цитирую: «...у меня рука не поднимается». Полиция считает, что мать ребенка психически нездорова. Тем не менее есть серьезные зацепки по делу. Всякому, кто располагает полезной информацией, следует обратиться в отдел по борьбе с преступностью...

– Ужас! – Вздвогнув, Клэри отвернулась от телевизора. – Как человек может выбросить ребенка? Словно мусор...

– Джослин? – озабоченно позвал Люк.

Мать Клэри сидела бледная и, судя по виду, сдерживала тошноту. Резко отодвинув тарелку, она выскочила из-за стола и бросилась в сторону уборной. Мгновением позже Люк, откинув салфетку, побежал следом.

– Пипец. – Клэри прикрыла рот ладонью. – Это я сказала? Вот глупая!

Сбитый с толку, Саймон спросил:

– В чем дело?

Клэри тихонько съехала по спинке сиденья:

– Мама вспомнила про Себастьяна, то есть Джонатана. Моего брата. Не забыл его?

Издевается. Забудешь про Себастьяна-Джонатана, как же! Он убийца Ходжа и Макса. Ему почти удалось принести победу Валентину и погубить Сумеречных охотников. Жгучие черные глаза, улыбка, от которой бросает в дрожь... и кровь, как едучий сок. Не то чтобы Саймон жалел об укусе.

– Твоя мама не бросала его, – напомнил Саймон. – Она заметила в нем демона и все равно воспитывала.

– Мама его ненавидела. Она так и не оправилась. Представь: ненавидеть собственное чадо! Каждый год в день рождения Джонатана мама доставала коробку с его детскими вещами и

плакала над ней. Горевала по тому, что могла бы иметь сына, если бы не опыты мужа.

– И у тебя был бы брат. Самый обыкновенный, не маньяк-убийца.

Готовая расплакаться, Клэри отодвинула от себя тарелку:

– Мне плохо. Знаешь такое чувство: вроде есть охота, а кусок в горло не лезет?

Посмотрев на белокурую официантку – та стояла, облокотившись на барную стойку, – Саймон ответил:

– Еще как знаю.

Вернулся Люк и сказал, что ведет Джослин домой. Он оставил денег – чтобы дети расплатились по счет у. Позже Саймон и Клэри заскочили в «Гэлакси комикс» на Седьмой авеню, правда, из-за тягостных мыслей так и не получили долгожданного удовольствия. Расставаясь, договорились встретиться на следующий день.

По пути в город Саймон натянул капюшон и вставил в уши «бананы». Громкая музыка – верное средство отгородиться от внешнего мира. Когда Саймон сошел на станции Вторая авеню и двинулся вниз по Хаустон-стрит, заморосил легкий дождик. Желудок с кишками давно уже свернулись в кулек.

Саймон решил срезать через Первую улицу, безлюдную и темную полосу между яркими огнями Первой авеню и авеню А. Из-за музыки он не услышал преследователей. Лишь когда длинная тень (а за ней и вторая) накрыла его собственную, Саймон обернулся...

И увидел двоих: точно такие же тренировочные костюмы, что и на вчерашнем убийце; лица скрыты капюшонами. Неизвестные подошли почти вплотную.

Саймон отскочил с силой, которой сам поразился: все еще не привык к вампирским способностям. Спустя секунду он заметил, что сидит на крыльце дома в нескольких футах от неизвестных, и даже замер от удивления.

Серые начали приближаться. Они переговаривались на неизвестном языке, с гортанным выговором, прямо как предыдущий грабитель. Хотя вряд ли он уличный преступник. Такие не работают бандами. И вряд ли сейчас пришли его кореша – отомстить Саймону. Нет, что-то определенно не так.

Двое окружили Саймона, загнав его в ловушку на крыльце. Выдернув из ушей «бананы», вампир примирительно вскинул руки:

– Послушайте, я вам не нужен.

Серые молча смотрели на него. Или не смотрели – в тени под капюшонами глаз видно не было.

– Кто бы ни прислал за мной, – продолжил Саймон, – он отправил вас на самоубийство. С гонораром вас тоже обманули.

Один из серых рассмеялся, второй вынул из кармана нечто, блеснувшее черным в свете фонаря.

Пистолет!

– Ч-черт... Одумайтесь, пока не поздно. Я не шучу.

Саймон отступил на шаг. Может, получится перепрыгнуть через этих двоих? Или проскочить мимо? Саймон не готов снова застать то ужасное зрелище.

Неизвестный поднял пистолет и взвел курок.

Саймон закусил губу. От страха выступили клыки, больно пронзив кожу.

– Не на...

Сверху на серого обрушилось... что-то. Плохо закрепленный кондиционер? Или кто-то поленился вынести мусор? Нет же, предмет – живой, двигается проворно и грациозно. Некто приземлился прямо на вооруженного бандита, сбив его с ног. Выронив пистолет, неизвестный закричал тонким, высоким голосом.

Его сообщник, подобрав оружие, прицелился и – Саймон даже дернуться не успел – выстрелил. Из дула вылетел сноп пламени, а в следующий миг пистолет распался на части. Пистолет распался! Вместе с ним и стрелявший. Он вознамерился принести Саймону быструю смерть, но сам погиб еще быстрее. Плоть разлетелась, как стеклышки в калейдоскопе. Хлопнул вытесняемый воздух, и на тротуар затвердевшими каплями просыпалась соль.

В глазах потемнело, Саймон тяжело опустился на ступеньки. В ушах грохотало. Кто-то грубо схватил его за руки и принялся трясти:

– Саймон! Саймон!

Джейс. Не в броне, а в джинсах и замшевой куртке. Взъерошенный, черный от грязи и сажи, промокший до нитки.

– Какого черта? – спросил он.

Саймон оглядел улицу: пусто, влажный асфальт блестит черным. Второй неизвестный бежал.

– Ты... – вяло произнес Саймон. – Ты как Бэтмен... спрыгнул на грабителей...

– Никакие это не грабители. Они шли за тобой от самой подземки. Явно по чьему-то заказу. – Говорил Джейс твердо, уверенно.

– Второй, – вымолвил Саймон. – С ним что?

– Исчез. – Джейс щелкнул пальцами. – Увидел, что с приятелем, и пропал – чпок, и нет его. Какие-то странные пассажиры. Не демоны, но и не люди.

– Да я уж понял, спасибо.

Джейс присмотрелся к Саймону:

– Это ведь ты, да? Твоя Метка? – Джейс указал ему на лоб. – Она вспыхнула белым, и тот чувак... рассыпался...

Саймон не ответил.

– Я в жизни всякое видел, – без сарказма, без насмешки произнес Джейс, – но такое...

– Я не нарочно, – тихо возразил Саймон. – Не по своей воле.

– Воли и не надо. – Глаза Джейса горели золотом на чумазом лице. – Сказано: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь».^{[\[16\]](#)}

В комнате Джейса царил привычный порядок: заправленная кровать, книги на полках расставлены по алфавиту, на столе аккуратные стопки тетрадей и учебников. Даже оружие выстроилось вдоль стены по размеру: от крупного палаша до набора кинжалов.

Стоя в дверях, Клэри чуть не ахнула. К безупречному порядку она давно привыкла: Джейс таким образом пытается контролировать хаос в жизни. Поди проживи столько лет, не зная, кто – или что – ты; трудно винить Джейса в педантичности, с которой он разместил на полках коллекцию томиков поэзии.

Винить Джейса стоило только в том, что его нет дома. Куда еще мог он отправиться после свадебного салона? Клэри вдруг захлестнуло чувство нереальности происходящего. Такое попросту невозможно! Как происходят разрывы, она наслушалась от других девчонок: сначала парень не берет трубку, потом шлет расплывчатые эсэмэски, типа все хорошо, просто людям надо иногда побыть наедине с собой; далее отмазка, якобы «дело не в тебе, а во мне», и наконец – слезы.

Но с ней-то, думала Клэри, и с Джейсом подобного произойти не может! Они – не обычная пара, на них не распространяются правила отношений и разрывов. Клэри и Джейс предназначены друг другу навсегда.

Или так думают все? До тех пор, пока не приходит время понять: ничего в них особенного, – и тогда иллюзии рушатся?

Клэри заметила серебристый отблеск на столе – шкатулка. Та, которую передала Джейсу Ааматис, с гравировкой в виде птиц по бокам. Джейс не спеша изучал ее содержимое, медленно вчитывался в письма, записки, просматривал фотографии. Он не особенно распространялся на этот счет, и Клэри не хотела выпытывать признаний. Пусть Джейс разберется с чувствами к родному отцу сам.

Теперь же, однако, ее влекло к шкатулке. Клэри вспомнила, как Джейс сидел на ступенях перед Залом Договоров, со шкатулкой на коленях. «Я не могу просто взять и разлюбить тебя», – сказал он тогда. Стоило коснуться замка, и он легко открылся. Внутри беспорядочно лежали листы бумаги и старые снимки. Клэри зачарованно всмотрелась в один из них: молодая пара, юноша и девушка. Сестру Люка, Ааматис, Клэри признала моментально – девушка смотрела на юношу влюбленными глазами. Он был красив, высок и белокур. Глаза, правда, синие, не золотые, и черты лица не такие резкие, как у Джейса... И тем не менее, зная заранее, что это – отец Джейса, Клэри ощутила спазм в животе.

Возвращая снимок в шкатулку, она чуть не порезалась о лезвие кинжала, лежащего по диагонали: на рукояти выгравированы птицы, на клинке ржавчина (или нет?). Наверное, плохо чистили. Закрыв шкатулку и чувствуя, как давит на плечи груз вины, Клэри отвернулась.

Может, записку оставить? Нет, лучше поговорить. Думая так, Клэри направилась к лифту. Чуть ранее она стучалась в дверь к Изабель, но и той не оказалось дома. Даже светильники из ведьминога огня горели тусклее обычного. Жутко подавленная, Клэри потянулась нажать кнопку вызова и тут заметила: лампочка под колпачком уже горит. Кто-то поднимается в Институт.

Клэри сразу подумала: «Джейс!», и пульс участился. Хотя, может, не он? Иззи там, или Мариза, или...

Вот двери открылись, и Клэри пораженно уставилась на гостя:

– Люк? Ты что здесь делаешь?

– То же могу спросить у тебя. – Покинув лифт, он закрыл за собой решетку. Оборотень по-

прежнему носил старую фланелевую куртку на флисовом подкладе; Джослин куртка страшно не нравилась, но Люк ни в какую не хотел избавляться от привычной одежды. Вот и славно. Что бы ни произошло в жизни, он не меняется, остается верен привычкам. – Впрочем, я догадался. Ну, он дома?

– Джейс? Нет. – Клэри с наигранной непринужденностью пожала плечами. – Ничего, завтра его увижу.

– Клэри... – чуть помедлив, произнес Люк.

– Люциан, – произнес у него за спиной холодный голос. – Спасибо, что откликнулся так быстро.

Обернувшись, Люк кивнул хозяйке:

– Мариза.

Мариза Лайтвуд стояла в дверном проеме, легонько держась за косяк. На ней были серые перчатки – в масть сшитому на заказ костюму. Интересно, она когда-нибудь носит джинсы? На памяти Клэри ни Изабель, ни мать Алека не надевали ничего, кроме боевого облачения или строгого наряда, выражающего их внутреннюю силу.

– Клэри, – произнесла Мариза. – Не ждала тебя.

Клэри покраснела. Мариза разрешила ей приходить и уходить, когда вздумается, но и отношения девушки с Джейсом всерьез не воспринимала. Прошло полтора месяца, а Мариза так и не оправилась от потери младшего сына. Горевала в одиночестве, ведь Роберт все еще не вернулся из Идриса. Маризе хватало иных забот, кроме личной жизни Джейса.

– Я как раз уходила.

– Я подвезу тебя, – пообещал Люк, кладя руку на плечо Клэри, – когда здесь закончу. Мариза, ничего, если Клэри будет присутствовать при разговоре? Я бы не хотел отпускать ее одну.

Мариза покачала головой:

– Пусть остается. – Вздыхнув, она запустила пальцы в волосы. – Если честно, я вообще не хотела тебя тревожить. Через неделю ты женишься, поздравляю. Не помню, говорила уже или нет...

– Нет еще. Спасибо.

– Всего шесть недель. – Мариза едва заметно улыбнулась. – Быстровато, надо сказать.

Пальцы Люка стиснули плечо Клэри – больше он никак не выдал раздражения.

– Ты ведь не с помолвкой поздравить хотела?

Мариза устало покачала головой. В ее зачесанных кверху темных волосах прибавилось седины.

– Нет. Полагаю, ты слышал об убийствах на этой неделе?

– Два Охотника погибли. Слышал.

– Сегодня вечером нашли еще одного: труп лежал в мусорном контейнере у Коламбус-Парк. На твоей территории.

Брови Люка поползли вверх.

– Да, но другие...

– Первое тело обнаружили в районе Гринпойнт, это территория магов. Второй – в пруду Центрального парка, во владениях фейри. И вот... отметились оборотни... – Она посмотрела прямо на Люка: – Тебе это ни о чем не говорит?

– Некто, недовольный новыми Договорами, пытается восстановить нежить против нежити. Будь уверена, моя стая к убийству не причастна. Не знаю, кто вообще стоит за смертями Охотников, но попытка стравить нас очень неудачная. Надеюсь, Конклав не утратил ясного видения?

– Есть еще кое-что. Мы установили личность первых двух погибших. Времени потратили прилично, ведь первый труп обгорел до неузнаваемости, второй сильно разложился. И знаешь, кто эти несчастные?

– Мариза...

– Энсон Пэнгборн и Чарльз Фримен. После смерти Валентина, смею заметить, они пропали...

– Невозможно, – вмешалась Клэри. – Люк убил Пэнгборна еще в августе... в приюте у Рэнвика.

– То был Эмиль Пэнгборн, – напомнила Мариза. – Энсон – его младший брат. Оба состояли в Круге.

– Как и Фримен, – подсказал Люк. – Выходит, убирают не просто Сумеречных охотников. Бывших членов Круга. И тела подкидывают на территории нежити. – Он покачал головой. – словно пытаются встряхнуть самых... упертых членов Круга. Заставить их пересмотреть новые Договоры. Этого следовало ожидать.

– Я тоже так подумала, – призналась Мариза. – Встретилась с королевой Благословенного двора и хотела бы передать сообщение Магнусу, где бы он ни был. – Мариза с Робертом признали связь Алека с Магнусом, однако и ее не считали серьезной. – Я просто решила... – Она глубоко вздохнула. – Усталость лишает способности мыслить ясно. Пригодилась бы светлая идея. Может, у тебя есть догадки: кто и зачем убивает Охотников?

Люк покачал головой:

– Убийца – некто, недовольный новым порядком. Таких много. На телах следов не нашли, верно?

Мариза вновь глубоко вздохнула:

– Ничего, что дало бы зацепки. Вот если бы мертвые умели говорить, а, Люциан?

Мариза как будто набросила на лицо Клэри покров: перед глазами потемнело, и возник, словно звезда на фоне пустого ночного неба, пылающий символ.

Никуда-то талант не пропал.

– Что, если... – медленно проговорила девушка, поднимая взгляд на Маризу. – Что, если бы они и правда заговорили?

* * *

В это самое время Саймон стоял перед зеркалом в ванной у Кайла и думал: откуда пошли байки, будто вампиры не отражаются в зеркале? Он прекрасно видел себя в мутном стекле: взъерошенные каштановые волосы, большие карие глаза, белая чистая кожа. Саймон смыл кровь с нижней губы; ранки успели зарости.

Нельзя не признать: вампиризм сделал Саймона куда привлекательней. Изабель утверждала, будто он теперь движется куда грациознее, неряшливость воспринимается как художественный беспорядок, словно Саймон только выбрался из постели.

– Из чьей-то постели, – добавила тогда Изабель, на что Саймон ответил: дескать, в объяснениях он не нуждается.

Ничего такого он в себе не видел: белизна кожи беспокоила, как и темные змейки вен на висках – признак того, что Саймон сегодня еще не ел. Сам себе он казался чужим, незнакомым. Так может, легенды об отсутствии отражения – отголоски нежелания самих вампиров видеть себя? Того, кого не считаешь собой?

Умывшись, Саймон вернулся в гостиную. Джейс развалился на диване и почитывал

потрепанный томик «Властелина колец». Волосы у него влажно блестели – должно быть, умылся на кухне. При виде Саймона он отложил книгу на кофейный столик.

– Понимаю, почему тебе здесь нравится, – сказал Джейс, широким жестом обводя комнату, увешанную постерами к фильмам и забитую научно-фантастическими книгами. – Чувствуется тонкий налет ботанства.

– Спасибо, ты очень мил. – Саймон хмуро посмотрел на Джейса. В ярком свете единственной лампочки без абажура Охотник выглядел нездорово. Тени под глазами только сделались гуще, лицо заострилось. Когда Джейс привычным жестом смахнул челку со лба, рука у него подрагивала.

Саймон тряхнул головой. Откуда ему знать, какие жесты у Джейса привычны и машинальны?! Он Саймону даже не друг.

– Паршиво выглядишь, – сказал вампир.

Джейс прищурился:

– Нашел время обижаться. Но если настаиваешь, я буду предельно вежлив.

– Я серьезно: вид у тебя не очень.

– Сказал пингвиний бабник. Понимаю, тебе завидно, что Боженька не наделил тебя той утонченной красотой, что досталась мне. Правда, это не повод...

– Я не прикалываюсь, – отрезал Саймон. – У тебя больной вид. Когда ты последний раз ел?

Джейс изобразил задумчивость:

– Вчера?

– Последний раз ты ел вчера? Уверен?

Джейс пожал плечами:

– Ну, на стопке Библий не поклялся бы. Просто мне так кажется.

Чуть ранее Саймон изучил содержимое холодильника – нашлось не особенно много: высохший лайм, несколько баночек газировки, фунт говяжьего фарша и – просто невероятно! – готовый сладкий пирожок в морозилке.

Схватив со стойки ключи от квартиры, Саймон позвал:

– На углу есть супермаркет. Идем купим тебе еды.

Джейс хотел было возразить, но сдался, пожав плечами.

– Ладно, – сказал он абсолютно наплевательским тоном. – Идем.

Снаружи, пока Саймон запирал дверь на ключ, к которому никак не мог приноровиться, Джейс просмотрел список жильцов на панельке домофона. Ткнув пальцем в табличку 3-А, он спросил:

– Ваша? Почему просто «Кайл»? У него что, фамилии нет?

– Кайл хочет быть рок-звездой, – ответил Саймон, спускаясь по ступенькам. – Вот и решил, наверное, оставить только имя. Типа как у Рианны.

Дул ветер, и Джейс чуть сгорбился. Куртку застегнуть он даже не думал.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Ну еще бы.

Свернув за угол на авеню В, Саймон искоса глянул на Джейса:

– Значит, ты за мной следил? Или случайно оказался на крыше того дома?

Джейс остановился в ожидании, когда зажжется зеленый огонек светофора. Похоже, правила БДД касаются и Охотников.

– Следил.

– Сейчас ты признаешься, что тайно в меня влюблен? Мой волшебный сексапил и тебя запилит?

– Нет у вампиров волшебного сексапила, – отозвался Джейс, словно цитируя Клэри. – Я за

Клэри присматривал. Потом она села в такси, и так как я за машиной угнаться не в состоянии, то вернулся и пошел за тобой. Дело есть.

– Ты следишь за Клэри? Есть железное правило: девчонки не любят тех, кто их преследует.

– У меня в куртке остался ее телефон. – Джейс похлопал себя по правому боку. – Я подумал: если узнаю, куда Клэри идет, то обгоню ее и оставлю телефон на месте.

– Не проще ли было позвонить ей на домашний и договориться о встрече?

Джейс не ответил. Загорелся зеленый свет, и они с Саймоном пошли по пешеходному переходу в сторону С-таунского магазина. Чем Манхэттен выгодно отличается от Бруклина, так это круглосуточными супермаркетами. Вампиру в Манхэттене живется привольно: можно в полночь зайти за покупками, и никто ничего не заподозрит.

– Ты избегаешь Клэри, – заметил Саймон. – И мне конечно же не скажешь почему?

– Не скажу. Считаю, тебе повезло, что я отправился за тобой, иначе бы...

– Иначе бы что? Погибли оба грабителя? – В собственном голосе Саймону послышалась горечь. – Ты сам видел, что происходит.

– Видел. И еще я видел выражение на твоем лице, – нейтральным тоном продолжил Джейс. – На тебя и прежде нападали, верно?

Саймон сам не заметил, как поведал Джейсу о вчерашнем столкновении:

– Погибнув, грабитель обратился в соль. Как в Библии, ну, где про соляные столбы. Жена Лота обратилась в такой.

Джейс толкнул дверь супермаркета и вошел внутрь, Саймон – следом. Взяв из ряда тележек одну, вампир покатыл ее вдоль полок с продуктами. Джейс, глубоко задумавшись, шел за ним.

– Вопрос, – сказал он. – Знаешь ли ты, кому выгодна твоя смерть?

Саймон пожал плечами. При виде еды желудок скукожился. Саймон вспомнил, как давно не ел, хотя ничего из предлагаемого в магазине ему впрок не пошло бы.

– Рафаэль? Он ведь желал мне смерти.

– Нет, не он.

– Откуда такая уверенность?

– Рафаэль знает о Печати. Он не дурак и не ударит напрямую. На тебя покушаются те, кому известны твои обычные маршруты, но неизвестно о Печати.

– Это может быть кто угодно.

– В том-то и дело, – осклабился Джейс, на мгновение став прежним.

Саймон покачал головой:

– Может, выберешь еду? Или тебя прикалывает, как я гоняю тележку по рядам?

– Прикалывает, – ответил Джейс. – И я не больно-то знаю, что примитивные продают в продуктовых лавках. Мариза сама готовит или заказывает еду. – Пожав плечами, он выбрал наугад какой-то фрукт: – Это что?

– Манго. – Саймон уставился на Джейса. Порой Охотники и правда напоминают инопланетных пришельцев.

– Манго мне нравится, но я еще ни разу не видел их в целом виде.

Забрав у Джейса фрукт, Саймон бросил его в тележку:

– Отлично. Что еще нам нравится?

Задумавшись ненадолго, Джейс выдал:

– Томатный суп.

– Томатный суп? Хочешь томатный суп и манго?

Джейс пожал плечами:

– Я не больно-то о еде заморачиваюсь.

– Ладно, как знаешь. Стой тут, скоро вернусь.

Ох уж эти нефилимы. Обогнув угол, Саймон пошел вдоль рядов с консервированными супами. Охотники – это причудливая смесь миллионеров, которым не приходится забивать голову мелочами, вроде: как сходить за продуктами или пройти турникет в метро, – и солдат подчиненных жесткой дисциплине и вынужденных постоянно поддерживать форму. Может, так, не снимая с глаз повязок неведения, им легче?

Саймон схватил банку с супом.

Может, так легче сосредоточиться на большей картине жизни? Ведь защита мира от демонов – задача немалая.

Саймон почти жалел Джейса, возвращаясь к месту, где оставил Охотника. И замер: Джейс, облокотившись на тележку, что-то вертел в руках. Отсюда Саймон не мог ничего разглядеть, дорогу ему загородили две девчонки – встали прямо посреди прохода, хихикают и шепчутся; разделись так, чтобы пройти фейс-контроль: высокие каблуки, короткие юбки, лифчики с «винни-пухами» и никаких курток.

Пахло от них блеском для губ. Блеском для губ, детской присыпкой и кровью.

Саймон слышал, о чем они шепчутся: девчонки обсуждали Джейса, подначивая друг дружку подойти и заговорить с ним, ведь он такой красавчик... и какие у него волосы, кубики пресса! Бред, как под курткой можно разглядеть кубики пресса? Идиотки. Саймон уже хотел извиниться и попросить уступить дорогу, как одна из девушек – та, что повыше и потемнее, – покачиваясь на «платформах», направилась к Джейсу. Заметив ее, Джейс насторожился. Ох, как бы не принял девчонку за вампира или суккуба и не выхватил клинок серафима! Иначе сидеть ночь в «обезьяннике».

Саймон зря беспокоился. Джейс только выгнул одну бровь. Девушка очень тихо сказала что-то – Джейс пожал плечами – и сунула ему в руку некий предмет. Потом вернулась к подружке, и они, хихикая, покинули магазин.

Подойдя к Джейсу, Саймон бросил в тележку банку с супом:

– Чего она хотела?

– Кажется, поиграть с моим манго.

– Так и сказала?

Джейс пожал плечами:

– Ага, и оставила свой номер. – Джейс равнодушно показал Саймону записку и бросил ее в тележку. – Ну, идем, что ли?

– Ты ведь ей звонить не станешь?

Джейс посмотрел на него как на психа.

– Проехали, – сказал Саймон. – С тобой такое постоянно происходит? Девки так и липнут к тебе?

– Если я не маскируюсь чарами.

– Правильно, ведь ты становишься невидимым, и девчонки тебя не замечают. – Саймон покачал головой. – Ты угроза обществу. Тебя одного нельзя выпускать на улицу.

– Зависть – отвратительное чувство, Льюис. – Джейс криво усмехнулся. В любой другой момент за эту усмешку его хотелось убить, но не сейчас. Саймон наконец разглядел, что Джейс вертит в руках, словно большую ценность, или опасный предмет, или даже бомбу, сотовый Клэри.

* * *

– Идея мне по-прежнему не нравится, – признался Люк.

Зябко скрестив на груди руки, Клэри искоса глянула на будущего отчима:

– Ты не мог сказать это прежде, чем мы пришли в Город молчания?

– Я и говорил. Не один раз. – Голос Люка эхом отразился от высоких каменных колонн, инкрустированных полудрагоценными камнями: ониксом, нефритом, сердоликом и лазурином. На столпах горели факелы, и ведьмин огонь залил ряды мавзолеев ослепительно-белым светом – таким ярким, что на него больно смотреть.

Мало что изменилось с прошлого визита: город по-прежнему казался Клэри чуждым и странным, хотя рунические рисунки на полу больше не виделись ей непонятными завитушками и узорами, теперь их смысл будто впивался в разум острыми краями. Сразу по прибытии в Город молчания Мариза оставила Люка и Клэри в «предбаннике» и отправилась лично переговорить с Братьями. Она предупредила: вряд ли они впустят сразу троих. Мертвые нефилимы – целиком и полностью собственность и вотчина ордена.

Не то чтобы Братьев много, Валентин почти всех перебил, пока искал Меч смерти. Выжили те немногие, кто отлучился из Города. С тех пор орден набрал новых адептов, однако во всем мире сейчас вряд ли наберется больше десяти – пятнадцати Братьев молчания.

О возвращении Маризы возвестил цокот каблуков. Вслед за матерью Алека и Изабель плелся монах в робе.

– Вот вы где, – сказала Мариза, словно застала Люка и Клэри не там, где покинула их. – Это брат Захария. Брат Захария, это та самая девочка, о которой я рассказывала.

Брат молчания слегка приподнял капюшон. К удивлению Клэри, Захария мало напоминал Иеремию: глаза на месте, только закрыты, высокие скулы отмечены черными шрамами от нанесенной руны и рот не зашит. Под капюшоном Клэри не видела, обрит ли монах.

Его голос коснулся разума Клэри:

«Ты всерьез считаешь, что способна на такое, дочь Валентина?»

Ее щеки вспыхнули румянцем. Достали напоминать, чей она ребенок!

– Вы наверняка слышали о ее подвигах, – высказался Люк. – Руна союза помогла выиграть Войну за Орудия Смерти.

Опустив капюшон, брат Захария мысленно позвал:

«Идемте в Склеп».

Клэри посмотрела на Люка, ожидая, что тот кивнет в знак поддержки. Однако он по привычке нервно поигрывал очками. Вдохнув, Клэри последовала за монахом и Маризой. Брат Захария двигался бесшумно, словно туман, тогда как каблуки Маризы стучали о мраморный пол подобно выстрелам. Может, привычка надевать неподходящую случаю обувь передалась Изабель вместе с генами?

Они прошли по тропинке, змеящейся между колонн, в огромный зал Говорящих Звезд. (Здесь Братья впервые рассказали о Магнусе Бейне.) Дальше – сводчатый проход за массивными железными дверьми. Их поверхность покрывали Руны Смерти и Умиротворения. Над входом красовалась надпись на латыни, и Клэри тут же пожалела, что не прихватила с собой ученические заметки. Для Сумеречного охотника латынь она знала отвратительно, ведь почти все нефилимы разговаривают на ней как на родном языке.

«Taceant Colloquia. Effugiat risus. Nunc locus est ubi mors gaudet succurrere vitae».

– Да умолкнет речь. Да сгинет смех, – перевел Люк. – Здесь мертвые имеют честь учить живых.

Положив руку на дверь, брат Захария предупредил:

«Мы подготовили недавно почивших к вашему приходу. Идем?»

Тяжело сглотнув, Клэри подумала: эх, и во что же она ввязалась!

– Идемте.

Двери отворились, и все четверо прошли в просторную комнату без окон: голые стены из гладкого белого мрамора, на крюках висят серебристые инструменты: сверкающие скальпели, подобия молотков, хирургические пилы и реберные расширители. Рядом на полках – еще более причудливые предметы: штопоры, полотна наждачки, банки с разноцветными жидкостями, включая зеленую с ярлыком «Кислота» (которая вроде даже дымилась).

Центр комнаты занимал ряд высоких мраморных столов, из которых лишь три были заняты. На двух тела лежали под белыми простынями; тело на третьем оставалось накрытым до пояса: определенно, мужчина, и уж точно Сумеречный охотник. Восковую кожу испещряли Знаки, на глаза мертвецу, по обычаю, положили полоску белого шелка.

Борясь с тошнотой, Клэри приблизилась к мраморному столу. Люк покровительственно опустил руку ей на плечо. Стоявшая по другую сторону стола Мариза внимательно следила за ней пытливыми голубыми, совсем как у Алека, глазами.

Достав стило и подавшись вперед, Клэри сквозь ткань юбки ощутила холод мрамора. Она наклонилась так низко, что различала теперь все детали внешности покойного: светлорусые волосы и горло, разорванное в клочья.

Сняв повязку с закрытых глаз мертвеца, брат Захария разрешил:

«Приступай».

Глубоко вздохнув, Клэри коснулась руки трупа кончиком стило. Видение руны повторилось, предстало перед мысленным взором четко и понятно, словно буквы собственного имени. Клэри начала писать...

Ветвистые черные линии заструились из-под кончика стержня, как обычно, правда, в руке чувствовалась тяжесть, пирующий инструмент слегка притормаживал, словно Клэри не на коже чертила Знак, а в лужице густой грязи. Стило как будто не желало выписывать руны, не могло отыскать живой дух в мертвом теле. В животе у Клэри крутило, и, когда она закончила, лоб ее покрылся испариной, а к горлу вновь подступила тошнота.

Какое-то время ничего не происходило. Потом – совершенно неожиданно, напугав всех, – мертвец открыл глаза: синие радужки, белки в пятнышках крови.

Протяжно ахнув, Мариза сказала:

– Ангел мой! – Видно, до конца не верила в успех Клэри.

Труп судорожно и неровно вздохнул; порванная кожа на шее затрепетала подобно рыбьим жабрам. Грудь поднялась, и с губ мертвого слетели слова:

– Больно.

Ругнувшись, Люк посмотрел на Захарию. Брат молчания, впрочем, хранил на лице бесстрастное выражение.

Подойдя ближе, Мариза пристально – чуть ли не хищно – взглянула на покойника:

– Охотник, кто ты? Требую назвать свое имя.

Дернув головой из стороны в сторону, мужчина поднял руки и тут же их уронил:

– Боль... уймите ее.

Клэри чуть не выронила стило. Не такого она ожидала. Люк, в ужасе выпучив глаза, пятился.

– Охотник, – повелительным тоном напомнила о себе Мариза. – Кто тебя убил?

– Прощу...

Люк принялся рыться среди хирургических инструментов. Клэри замерла, а Мариза, не снимая перчатки, впиалась пальцами в плечо трупу:

– Именем Ангела, приказываю: отвечай!

Задыхаясь, мертвый Охотник произнес:

– Нежить... вампир...

– Что за вампир?

– Камилла. Из древних... – Тут из его горла хлопьями потекла свернувшаяся кровь.

Ахнув, Мариза отдернула руку. Тут подбежал Люк с банкой зеленоватой кислоты. Одним движением сорвал крышку и плеснул едкой жидкости на руну. Издав короткий вскрик, мертвец рухнул на стол. Что бы ни оживило его, оно ушло с разъеденной кожи вместе со Знаком.

Отставив пустую банку, Люк с укором произнес:

– Мариза, не так мы обращаемся с нашими мертвыми.

– Не тебе решать, как мы обращаемся с нашими мертвыми, нежить. – На побледневшем лице ярко выделялись залитые румянцем скулы. – Мы узнали имя: Камилла. Если получится, предотвратим новые убийства.

– Есть нечто хуже смерти. – Не глядя на Клэри, Люк протянул воспитаннице руку: – Идем, Клэри. Нам пора.

* * *

– Ну, подумай, вспомни: кто еще может желать тебе смерти? – в который раз спросил Джейс.

Саймон устал. Они уже несколько раз прошлись по списку имен. Надоело слышать одни и те же вопросы, тем более что Джейсу расследование, скорее всего, до лампочки. Съев суп – не разогревая, прямо из банки, бр-р! – Джейс отошел к окну. Прислонившись к стене и слегка отодвинув занавеску, он следил за движением на авеню В и глядел в ярко освещенные окна дома через дорогу. Там люди ужинали, смотрели телевизор, сидели семьями за столом – занимались обычными людскими делами. При виде их Саймон ощутил странную пустоту внутри.

– Я не ты, – сказал вампир. – У меня не так уж и много врагов.

– Ты чего-то недоговариваешь, – пропустив колкость мимо ушей, заметил Джейс.

Саймон вздохнул. Рассказывать о встрече с Камиллой он не хотел, однако, пережив два покушения – пусть и неудачных, – подумал: ну ее, эту тайну. Пока он раскрывал детали разговора с вампирессой, Джейс напряженно слушал.

Под конец Охотник сказал:

– Интересно, но маловероятно. Камилла знает о Печати, это раз. К тому же вряд ли она станет рисковать, нарушая Договор. Чем нежить старше, тем она осторожней. – Поставив на пол пустую банку из-под супа, он предложил: – Прогуляемся? Вдруг на тебя совершат третье покушение? Попробуем взять пленного...

– Нет, – отрезал Саймон. – Чего ты на рожон лезешь?

– Работа такая.

– Риск – часть твоей работы. По крайней мере, так считают остальные Охотники. Для тебя же риск самоцель.

Джейс пожал плечами:

– Отец любил повторять... – Он умолк, и лицо его сделалось каменным. – Прости, я хотел сказать – Валентин. О Ангел, каждый раз, как называю его отцом, кажется, будто предаю родного папу.

Саймон невольно посочувствовал Джейсу:

– Да ладно, он лет шестнадцать притворялся твоим отцом. Такое в один день не забудешь. И вообще, настоящего папу ты не встречал, он уже мертв. Ты, по сути, не можешь предать его. Считай, что у тебя два отца.

– Двух отцов быть не может.

– Еще как может. Хочешь, купим тебе детскую книгу, «У Тимми два отца»? Вряд ли, конечно, есть книга «У Тимми два отца, один из которых злодей», но ты по этой части поработаешь над собой сам.

Джейс закатил глаза:

– Я балдею! Вроде знаешь слова, умеешь ими пользоваться, однако стоит их связать в предложение, как смысл теряется. – Джейс легонько подергал за краешек занавески. – Я и не ждал, что ты меня поймешь.

– У меня самого папа умер.

– Что? – развернулся к Саймону Джейс.

– Ну да, ты не знал. Тебе плевать на все, что связано со мной, ты бы сам и не спросил. В общем, да, у меня отец умер, и в этом мы с тобой схожи.

Внезапно испытав головокружение и дурноту, опустошенный, Саймон откинулся на спинку дивана. Усталость пропитала все его тело. В Джейсе, напротив, бурлила энергия, вызывая легкое беспокойство. Саймон не мог спокойно смотреть, даже как Джейс поедает томатный суп, уж слишком сильно походило содержимое банки на кровь.

Внимательно посмотрев на вампира, Джейс спросил:

– Как давно ты... питался? Фигово выглядишь.

Саймон вздохнул. Заставил Джейса поест – сам не отмажешься.

– Погоди, – сказал он. – Я сейчас.

Оторвав себя от дивана, Саймон вышел в спальню и достал из-под матраса последнюю бутылочку крови. Стараясь не смотреть на нее (свернувшаяся кровь – зрелище не из приятных), хорошенько взболтал сосуд и вернулся в гостиную. Джейс по-прежнему стоял у окна.

Облокотившись о стойку, Саймон отвинтил крышку и приложился к горлышку. Обычно он не пил кровь на людях, но Джейс – не обычный человек, и потом, Саймону плевать, что Охотник о нем думает. В конце концов, Джейс не раз видел, как Саймон питается. Хорошо, хоть Кайла дома нет – вот ему-то поди объясни, почему ты пьешь кровь. Кому понравится, когда сосед хранит кровь в холодильнике!

Два Джейса – реальный и отражение в окне – взирали на вампира.

– Нельзя просто так забывать о питании.

Саймон пожал плечами:

– Так вот же ем.

– Ага, только ты вампир, и кровь для тебя – не просто еда. Кровь – это... кровь.

– О-очень познавательно. – Саймон плюхнулся в кресло напротив телевизора. Обивка, видимо, некогда имела бледно-золотистый оттенок, но, истершись, превратилась в сероватую ворсистую ткань. – Есть еще похожие глубокомысленные изречения? Кровь – это кровь! Тостер – это тостер! Желатиновый куб – это Желатиновый куб!^[17]

Джейс пожал плечами:

– Ну и славно. Не нравится совет – еще пожалеешь.

Не успел Саймон ответить, как открылась входная дверь. Вампир метнул в Джейса острый взгляд:

– Мой сосед, Кайл. Будь с ним вежлив.

Джейс изобразил очаровательную улыбку:

– Я вежлив со всеми.

Саймон уже придумал достойный ответ, но тут в комнату буквально влетел Кайл, как всегда полный энергии:

– С ума сойти. Весь город объездил. Чуть не заблудился. Знаешь, как в песне поется: «Бронкс вверху, Бэттери внизу»^[18]. – Запоздало заметив присутствие Джейса, он сказал: – О,

друга пригласил? Я и не знал. – Протянув руку, сосед Саймона представился: – Кайл.

Джейс не ответил рукопожатием. Напротив, он напрягся, подобрался, превратившись из подростка в совершенно иное существо, вечно бдящего нефилима.

– Занятно, – произнес он. – Саймон не говорил, что его сосед оборотень.

* * *

Почти всю дорогу до Бруклина Клэри и Люк молчали. Клэри глядела в окно: мимо проплывал Чайнатаун, Уильямсбургский мост цепочкой алмазов горел на фоне черного неба. За темными водами реки, на том берегу, как всегда освещенный, стоял приют Рэнвика. Он вновь выглядел как руины, и пустые оконные проемы напоминали глазницы черепа.

В голове звучал голос мертвого нефилима:

«Боль... уймите ее».

Вздвогнув, Клэри плотнее закуталась в куртку. Мельком взглянув на нее, Люк промолчал. Лишь остановившись у дома и выключив двигатель, он посмотрел на Клэри и заговорил:

– Клэри, ты совершила...

– Ошибку, – подсказала она. – Знаю, сама видела. – Клэри провела по лицу манжетой рукава. – Давай кричи на меня, ругайся.

Глядя в ветровое стекло, Люк ответил:

– Не стану я на тебя кричать. Ты не понимала, что творишь. Черт, ведь и я надеялся, что дело выгорит. Иначе не пошел бы с тобой.

Самое время испытать облегчение, однако желанное чувство не пришло.

– Если б ты не свел руну кислотой...

– Но я свел.

– Я ведь и не знала, что так можно. Растворить Знак.

– Если исказить рисунок, его сила уменьшится или вовсе сойдет на нет. Порой во время боя противник пытается опалить или срезать с Охотника кожу. Именно чтобы лишить его Знаков, – говорил Люк растерянно.

Желая унять дрожь в губах, Клэри поджала их. Иногда она забывала о кошмарной стороне жизни нефилима. «Это путь боли и смерти», – сказал как-то Ходж.

– Ладно, больше такое не повторится.

– Что не повторится? Не станешь больше использовать ту самую руну? Само собой, не станешь! Вот только проблема в другом. – Люк забарабанил пальцами по рулевому колесу. – У тебя талант, Клэри, большой талант, о назначении которого ты не ведаешь. Тебе нужно образование, обучение, ведь ты не знаешь истории рун, не знаешь, какое место они занимали веками в жизни нефилимов. Не можешь отличить руну полезную от вредоносной.

– То-то вы все обрадовались Руне Союза! – огрызнулась Клэри. – Никто мне не запрещал создавать новые Знаки.

– Я не запрещаю тебе использовать дар. По сути, беда в том, что ты им редко пользуешься. Это не значит, что рунами можно полировать ногти или вызывать по желанию электричку. Но и не стоит забывать о них, пока не припрет.

– В такие моменты руны и приходят мне в голову.

– Тебя просто не научили понимать природу дара. Вспомни Магнуса: его магия – часть его существа. Ты же о своем таланте думаешь в отрыве от себя. Как о случайном событии в жизни. Все иначе. Твой талант – инструмент, учись его применять.

– Джейс говорил, будто Мариза хочет нанять эксперта по рунам. Жду вот.

– Ну да, у Маризы других забот хватает. – Вынув ключ из замка зажигания, оборотень какое-то время посидел в тишине. – Потерять ребенка, да еще так... Я и представить не могу, что Мариза чувствует. Следует относиться к ней терпимее. Случись что с тобой... – Он умолк, не договорив.

– Скорей бы Роберт возвратился из Идриса, – сказала Клэри. – Почему Мариза одна должна управляться с делами? Тяжело ведь!

– Многие браки распадаются из-за смерти ребенка. Пары не могут простить себя или друг друга. Думаю, Роберт потому и отбыл в Идрис, что хочет побыть наедине с собой. Или одиночества захотела Мариза.

– Они же любят друг друга, – ужаснулась Клэри. – Разве любить не значит поддерживать?

Люк посмотрел в сторону реки, медленно несущей свои темные воды под осенней луной:

– Порой одной любви недостаточно.

Саймон выронил бутылку; упав на пол, она осколками разлетелась во все стороны.

– Кайл – оборотень?

– Конечно, кретин ты этакий, – отозвался Джейс. – Разве нет?

Вопрос был адресован Кайлу – тот не ответил. Легкости и юмора как не бывало. Карие глаза остекленели.

– А кто спрашивает?

Джейс отошел от окна. В его поведении не было жестокости, однако все в нем выдавало угрозу, Саймон не обманулся видом свободно опущенных рук. Слишком хорошо вампир помнил, как Джейс с места бросается в атаку.

– Джейс Лайтвуд из Института Лайтвудов. Из какой ты стаи?

– Господи Иисусе, – произнес Кайл. – Так ты Сумеречный охотник. – Он глянул на Саймона. – Та рыжая красотка, что приходила с тобой в гараж, тоже Охотница?

Ошеломленный, Саймон кивнул.

– Знаешь, – продолжил Кайл, – кое-кто полагает, будто нефилимы – выдумка, вроде ходячих мумий и джиннов. – Он широко улыбнулся. – Желания исполнять умеешь?

Стоило ему назвать Клэри красоткой, как симпатии Джейса к нему тут же убавилось. Лицо Охотника сделалось жестче.

– Смотря какие. Хочешь, в морду дам?

– Обалдеть, – произнес Кайл. – Еще я думал, что вы помешаны на соблюдении Договора...

– Договор распространяется на легальных вампиров и оборотней, – перебил его Джейс. – Так из какой ты стаи? Или дикий, отщепенец?

– Ну все, хватит, – вмешался Саймон. – Вы, оба, прекратите! Драки нам не хватало... – Он посмотрел на Кайла: – Сказал бы, что ты оборотень.

– Сам же не признался, что ты вампир. Может, моя суть – не твое дело!

Саймон аж вздрогнул от удивления:

– Чего? – Он посмотрел на осколки и на лужу крови. – Я не... не...

– Забей, – тихо посоветовал Джейс. – Он чует вампов. И ты научишься чувствовать оборотней и прочую нежить, когда поднаберешься опыта. Кайл раскусил тебя с первого взгляда. Я прав? – Джейс присел на диван рядом с Кайлом. Спокойно, без угроз. Вот это прогресс.

– Ладно, – сдался Кайл. – Я ликантроп. Ни к одной из стай не принадлежу, но и не одиночка. Слыхали про Praetor lupus?

– Я слыхал про волчанку, – отозвался Саймон. – Вроде болезнь такая?

Джейс метнул в него испепеляющий взгляд:

– «Люпус» значит «волк», а преторианцы составляли элиту вооруженных сил Рима. Я так подозреваю, ты Волчий страж? – Джейс пожал плечами. – Я наткнулся на упоминания о вас. Вы вроде тайная организация?

– Как и нефилимы, – парировал Кайл.

– Мы не от балды среди людей ходим.

– То же и про нас сказать можно. – Кайл подался вперед и положил локти на колени. На руках у него заиграли красивые мускулы. – Оборотни встречаются двух типов: прирожденные, унаследовавшие ликантропию от родителей-оборотней. Второй тип – укушенные и заразившиеся.

Ни фиги себе, Кайл – этот лентяй, велокурьер и укур – знает слово «ликантропия». Более

того, правильно его произносит! Правда, сейчас перед Саймоном сидел совершенно иной Кайл – собранный и серьезный.

– Для тех из нас, кого покусали, первые годы – ключевые. Демоническая метаморфоза – это целый ряд изменений: приступы неуправляемой агрессии, неспособность контролировать ярость, самоубийственный гнев и отчаяние. С этими страшными симптомами помогает справиться стая. Некоторым везет не так сильно, им приходится справляться с переходным периодом в одиночку. Многие поддаются ярости: бросаются на окружающих, вредят себе. Часто кончают жизнь самоубийством или вырезают собственные семьи. – Кайл посмотрел на Саймона. – То же – а зачастую куда более худшее – происходит в среде вампиров. Осиротевший новичок понятия не имеет, что с ним творится. Он не умеет без риска для себя добывать пропитание или хотя бы скрываться от солнечного света. Вот тут-то на сцену выходим мы.

– И что вы делаете? – спросил Саймон.

– Выслеживаем сирот, новообращенную нежить: вампиров, оборотней. Работать приходится и с магами, они иногда годами не могут врубиться в происходящее. Вмешавшись, мы отводим их в клан, стаю, пытаемся научить контролировать силу.

– Добрые самаритяне, – блеснул глазами Джейс.

– Вообще-то, так и есть. – Кайл с трудом сохранил нейтральный тон. – Мы стараемся вмешаться, пока новый представитель нежити не натворил бед. По себе знаю, что случилось бы, если бы меня не отыскивали стражи. Я такое совершил...

– Какое такое? Закон нарушил?

– Заткнись, Джейс! – рявкнул Саймон. – Ты не на посту. Хотя на секунду забудь об охоте... – Он повернулся к Кайлу: – Что же тебя привело в наш дерьмовый ансамбль?

– О, ты признаешь, что он дерьмовый?

– Отвечай на вопрос.

– Поступил доклад о молодом вампире, светолюбе, живущем вне клана. Твой секрет не такой уж и секрет, как видишь. Молодой вампир без водительства – опасное существо. Меня сразу отправили за тобой следить.

– Если я правильно понял, ты не просто не хочешь, чтобы я съехал от соседа-оборотня? Сосед-оборотень не позволит мне съехать?

– Верно. То есть съехать ты, конечно, можешь, но я отправлюсь за тобой.

– Отставить, – вмешался Джейс. – Я сам прослежу за Саймоном. Он – моя шестерка, это я над ним издеваюсь и чморяю его.

– Заткнись! – проорал Саймон. – Оба заткнитесь. Когда на меня покушались, никого из вас рядом не было...

– Я спас тебя, – напомнил Джейс. – Ну, в итоге-то.

Глаза у Кайла загорелись, как горят в темноте глаза волка.

– На тебя покушались?! Как именно?

Саймон с Джейсом переглянулись, и по взгляду Охотника вампир понял: о Печати лучше молчать.

– Два дня назад и сегодня за мной следили, а после напали незнакомцы в серых трениках.

– Люди?

– Сложно сказать.

– Зачем нападали... ты не узнал?

– Убить хотели, зачем же еще! Причину... нет, не знаю.

– Есть кое-какие зацепки, – подал голос Джейс. – Будем искать.

Кайл покачал головой:

– Как хотите. Утаивайте, недоговаривайте, и так все узнаю. – Он встал. – А пока – я что-то

притомился – пойду спать. До завтра, увидимся утром, – сказал он Саймону. – С тобой, – обернулся он к Джейсу, – тоже как-нибудь состыкуемся. Ты первый Охотник в моей жизни.

– Бедный, – ответил Джейс. – Остальные тебя жутко разочаруют.

Закатив глаза, Кайл удалился к себе спальню и хлопнул дверью.

Саймон посмотрел на Джейса:

– Ты ведь не собираешься назад в Институт?

Джейс покачал головой:

– За тобой нужен глаз да глаз. Вдруг опять совершат покушение.

– Ты от Клэри бегаешь, как от пламени адского, – вставая, заметил Саймон. – Домой вообще собираешься?

Посмотрев на него, Джейс спросил в ответ:

– А ты?

Взяв на кухне веник, Саймон собрал осколки бутылки – последней! – и выбросил их в мусорное ведро. Затем, не обращая внимания на Джейса, ушел к себе в спальню. Скинул куртку, ботинки и рухнул на матрас.

Следом вошел Джейс. Вздернув светлые брови и надев маску любопытства, он заметил:

– Клевое местечко! Сплошной минимализм, мне нравится.

Повернувшись на бок, Саймон возмущенно уставился на него:

– Только не говори, что останешься у меня в спальне!

Усевшись на подоконнике и посмотрев на Саймона сверху вниз, Джейс спросил:

– Телохранитель тебе не нужен?

– Неужто я тебе настолько нравлюсь? Или ты действуешь по принципу: друзей держи при себе, а врагов еще ближе?

– Я слышал другую версию: держи друзей при себе – они ведут машину, когда ты ночью залазишь во двор к врагу и блюешь в его почтовый ящик.

– Не мой вариант. Твои попытки защитить меня больше пугают, чем трогают. Я в порядке. Ты же сам видел, что случается с теми, кто пытается мне навредить.

– Видел. В конце концов враг узнает о Каиновой печати. Ему останется либо сдаться, либо найти обходной путь. – Джейс прислонился к оконной раме. – Я здесь на случай, если осуществится второй возможный сценарий.

Как ни злился Саймон, брешей в аргументах Джейса найти он не смог. По крайней мере больших и основательных. Вампир лег на живот, зарылся лицом в руки и через несколько минут заснул.

Он шел по пустыне, через горячие пески, усталые крошащимися костями. Еще никогда ему не хотелось пить так сильно. Сглотнув, он ощутил, будто в рот набился песок, а в горле сечет лезвиями.

Завибрировал телефон, и Саймон пробудился. Сонно схватил куртку, но к тому времени, как он извлек телефон из кармана, звонить уже перестали.

Саймон просмотрел список непринятых: Люк.

Вот гадство. По ходу, мама потеряла Саймона и звонила домой Клэри.

Саймон сел. Спросонья он не сразу вспомнил, что, засыпая, был в комнате не один.

Джейс так и сидел на окне: уснув, он привалился головой к стеклу. В бледно-розовом свете зари он выглядел совсем юным, без своей извечной саркастической ухмылки на губах. Саймон почти сумел разглядеть в нем то, что, наверное, видела Клэри.

Н-да, телохранитель из Джейса не ахти какой. Впрочем, это-то Саймон понял сразу.

Не первый раз он задумался: что же такое творится в отношениях между Клэри и Джейсом?!

Снова зазвонил телефон, и Саймон метнулся в гостиную, чтобы ответить, пока Люка не

перебросило на автоответчик.

– Люк?

– Прости, что разбудил, Саймон. – Люк, как всегда, вежливый и учтивый.

– Да я уже проснулся, – соврал Саймон.

– Через полчаса ты нужен мне в Вашингтон-сквер-парк. Встретимся у фонтана.

– Что-нибудь случилось? – насторожился Саймон. – С Клэри все хорошо?

– Хорошо, хорошо, дело не в ней. – В трубке послышалось механическое рычание. Должно быть, Люк завел мотор. – Встречаемся в парке, понял? Только ты и я, наедине.

Он отключился.

* * *

Услышав, как пикап Люка выруливает на подъездную дорожку, Клэри проснулась. Сев на кровати, она поморщилась: оказывается, ночью цепочка запуталась в волосах. Сняв ее через голову, Клэри принялась вытягивать серебряные звенья из спутанных локонов.

Закончив, она уронила кольцо на ладонь. Украшенное оттиском в виде звезд, оно игриво посверкивало. Клэри вспомнила, как Джейс оставил ей это кольцо: вложил в записку перед тем, как отправиться в погоню за Джонатаном. В письме говорилось:

Как бы дорого ни было для меня это кольцо, я могу его бросить. Не могу я бросить тебя, однако выбирать не мне. Перстень же от сердца отрываю сам.

С той ночи не прошло и двух месяцев. Клэри была настолько уверена в любви Джейса, что даже королева Благословенного двора не сумела ее смутить – не нашла соблазна. У Клэри есть Джейс – так чего еще желать?

А может, у тебя никого никогда и не было? Неважно, как сильно ты кого-то любила, он ускользал от тебя, как вода сквозь пальцы? Теперь понятно, откуда образ разбитого сердца. Собственное сердце Клэри напоминало мешочек осколков, каждый из которых больно впивается в грудь.

«Ты не представляла себе жизни без Джейса?» – спрашивала королева.

Тут зазвонил домашний телефон. Слава богу, хоть что-то отвлекло от жалости к себе. Наверное, это Джейс – не может дозвониться на сотовый. Отложив кольцо на ночной столик, Клэри сняла трубку с базы и уже хотела поздороваться, как вдруг услышала голос Джослин.

– Алло? – произнесла мать, слишком бодро и напряженно для столь раннего часа.

Голос собеседника звучал незнакомо, с акцентом.

– Это Катарина из больницы «Бет-Израиль». Мне бы Джослин.

Клэри замерла. Из больницы? Что-то случилось? С Люком? Он уезжал так быстро...

– Это я, Джослин, – ответила мать без испуга. Видимо, ждала звонка. – Спасибо, что так скоро перезвонили.

– Не стоит. Я только рада была узнать, что вы очнулись. Не часто люди отходят от заклęcia Забвения столь быстро. – Все верно, Джослин в коматозном состоянии поступила в больницу «Бет-Израиль», когда, не желая помогать Валентину, приняла колдовское зелье. – К тому же друг Магнуса Бейна – мой друг.

– У вас нет вопросов? – напряженно спросила Джослин. – Понятно, насчет чего я звонила?

– Вы хотели узнать о ребенке, – ответила женщина на том конце провода. Надо бы положить трубку, но Клэри не смогла себя пересилить. Что за ребенок? В чем дело? – О сироте.

– Д-да, – чуть запинаясь, подтвердила Джослин. – Я подумала...

– Мне жаль, но ребенок умер. Прошлой ночью.

Какое-то время Джослин молчала. Клэри даже отсюда ощутила потрясение матери.

– Умер? Как?!

– Я сама поразилась. Пришел священник крестить дитя, и...

– Господи, – дрожащим голосом перебила ее Джослин. – Можно... прийти и взглянуть на тело?

Выдержав долгую паузу, медсестра наконец сказала:

– Не уверена. Тело в морге, ожидает перевозки в офис coronera.

– Катарина, по-моему, я знаю, что стало с ребенком, – едва слышно произнесла Джослин. –

Если догадка подтвердится, мы сумеем предотвратить подобное в будущем.

– Джослин...

– Я еду, – сказала мать и повесила трубку.

Сама Клэри еще некоторое время тупо смотрела на трубку у себя в руке. Поставила ее на базу и выбралась из кровати. Причесалась, влезла в джинсы и как раз успела выйти из спальни, чтобы застать Джослин в гостиной. Оторвавшись от написания записки, мама виновато взглянула на дочь:

– Мне по делам надо. В последний момент всплыли кое-какие дела насчет свадьбы...

– Вот только не надо врать, – в лоб заявила Клэри. – Я слышала разговор по телефону и знаю, куда ты намылилась.

Поблуднев, Джослин медленно отложила ручку:

– Клэри...

– Хватит меня опекать. Люк тоже не в курсе, что ты звонила в больницу?

Джослин нервно откинула со лба волосы:

– Не хотела его зря беспокоить. И без того свадебных хлопот выше крыши...

– Про свадьбу ты верно заметила. Про вашу свадьбу. Вы женитесь! Пора бы довериться Люку полностью. И мне тоже.

– Тебе я доверяю, – тихо произнесла Джослин.

– То есть ты не против, если я вместе с тобой отправлюсь в больницу?

– Клэри, по-моему...

– Знаю я, что там по-твоему. Боишься, будто с тем ребенком случилось то же, что и с Себастьяном... Джонатаном. Кто-то ставит на детях те же опыты, что и на моем брате?

– Валентин мертв, – чуть дрогнувшим голосом напомнила Джослин. – Правда, есть другие члены Круга, которых так и не призвали к ответу.

Да и тело Себастьяна не нашли. Клэри очень не любила напоминать себе об этом. К тому же Изабель точно видела, как Джейс вонзил кинжал в спину Джонатану и тот совершенно определенно умер от раны. Изабель даже вошла в воду и проверила пульс: сердце Джонатана не билось.

– Мам, он был моим братом. Я имею право поехать с тобой.

Джослин очень медленно кивнула:

– Хорошо, я согласна. – Потянувшись за висящей у двери сумкой, она предупредила: – Только надень куртку. В прогнозе обещали дождь.

* * *

В столь ранний час народу в парке было немного. Прозрачный холодный воздух, листья

плотным лоскутным ковром устилают мостовую: красные, золотые, темно-зеленые... Саймон пинал их, проходя под каменной аркой в северной оконечности сквера.

Несколько бомжей спали на скамейках, завернувшись в спальные мешки или протертые пледы, уборщики в зеленой форме опустошали мусорные корзины, продавец выпечки шел через парк, толкая перед собой тележку с пончиками, нарезанными багетами и кофе. Люк – в зеленой ветровке на «молнии» – ждал у круглой чаши каменного фонтана. Увидев Саймона, он помахал рукой.

Саймон неуверенно помахал в ответ. Его не оставляло ощущение, будто он вляпался в неприятности. Выражение на лице Люка лишь усугубило дурное предчувствие: усталый, оборотень выглядел довольно напряженным. На Саймона он смотрел очень и очень любопытным взглядом.

– Саймон, спасибо, что пришел.

– Да ну, какие проблемы. – Холода Саймон не испытывал, но руки, чтобы хоть чем-то их занять, спрятал в карманы куртки. – Что стряслось?

– Я не говорил, будто что-то стряслось.

– Зато вытащил меня в парк ни свет ни заря. Если дело не касается Клэри...

– Вчера в свадебном салоне ты спрашивал о некой Камилле.

Из близлежащей рощи, каркая, вылетела стая птиц. Вспомнилась считалочка, которую любила повторять мать: «Десять сорок, десять сорок, сколько увидел – то будет в срок: одна – к неудаче, две – мы не плачем, три – к именинам, четыре – к крестинам, пять – к серебришку, шесть к золотишку, семь – к страшной тайне, рот на замок...». ^[19]

– Помню, – ответил Саймон, – спрашивал.

Он сбился со счета. Семь сорок... Тайну, какой бы она ни была, раскрывать нельзя.

– Ты слышал о трупах нефилимов, найденных за последние несколько дней? – спросил Люк.

Саймон медленно кивнул. Понятно, к чему ведет оборотень.

– Похоже, ответственность за убийства несет Камилла, – сказал Люк. – У меня из головы не идет, как ты спрашивал о ней. Понимаешь, ее имени не упоминали столько лет, а тут я дважды услышал его за день. Совпадение, не находишь?

– Ну, случается...

– Порой. Не всегда совпадения – верный ответ на вопрос. Сегодня ночью Мариза ждет Рафаэля на разговор. Хочет расспросить о возможной причастности Камиллы к смертям. И если выяснится, что ты знаешь о ней что-то или даже встречался с ней... В общем, не допусти удара исподтишка.

– Теперь нас двое. – В голове у Саймона вновь запульсировало. Разве голова у вампиров болит? У Саймона боли начались только в последние дни. – Я встречался с Камиллой дня четыре назад. Решил, будто меня вызывает Рафаэль, – оказалось, что она. Предложила сделку: если буду работать на нее, стану, типа, вторым вампиром на районе.

– С чего она предложила тебе работу? – нейтральным тоном спросил Люк.

– Ей известно о Печати. Камилла говорит: Рафаэль предал ее, и я должен помочь ей вернуть место лидера. По мне, так Камилла Рафаэля не сильно-то любит.

– Оч-чень любопытно. Я слышал иную версию истории: Камилла на неопределенное время оставила пост главы клана, назначив Рафаэля своим заместителем. Если она сама временно наградила его властью, о каком тогда предательстве идет речь?

Саймон пожал плечами:

– Понятия не имею. За что купил, за то и продаю.

– Почему ты сразу о ней не рассказал, Саймон? – очень тихо поинтересовался Люк.

– Она просила сохранить разговор в тайне. – М-да... глупая отмазка. – Я прежде таких вампиров не встречал, только Рафаэля и его свиту из «Дюмора». Трудно описать, что Камилла собой представляет... Что ни скажет – веришь, чего ни попросит – хочется ей угодить. Впрочем, она лишь играла со мной.

Купив у проходившего мимо торговца кофе с багелем, Люк присел на край фонтана. Саймон опустился рядом.

– Указавший на Камиллу говорил, будто она из древних, – сказал Люк. – Она, похоже, очень, очень старый вампир. Большинство известных мне кровососов по сравнению с ней младенцы.

– Меня она заставила почувствовать себя букашкой. Дала пять дней на размышления. Если в указанный срок я не соглашусь на нее работать, то больше она меня не побеспокоит. Я обещал подумать.

– Ну и как? Решился?

– Если нефилимов убивает Камилла, то я не желаю иметь с ней ничего общего. Уж это точно.

– Мариза обрадуется.

– Вот и ты сарказмом брызжешь.

– Нисколько, – на полном серьезе возразил Люк. В такие моменты Саймон забывал о мирной сущности Люка, почти что отчима Клэри, который всегда рядом, готов подбросить из школы до дома, дать десятку на книжку или на билет в кино. Сейчас перед Саймоном был вожак крупнейшей в Нью-Йорке стаи оборотней, к нему в решающие моменты прислушивается сам Конклав. – Ты забываешь, кто ты, Саймон. Забываешь о своей силе.

– Может, я намеренно хочу о ней забыть? – горько произнес Саймон. – Может, если к силе не прибегать, она уйдет?

Люк покачал головой:

– Любая сила, как магнит, притягивает жаждущих заполучить ее. Например, Камиллу. Придут и другие. Нам повезло, что не явились все сразу... – Люк посмотрел на Саймона: – Если Камилла призовет тебя, дашь мне или Конклаву знать, где она скрывается?

– Да, – не спеша ответил Саймон. – Но вряд ли Камилла явится лично, стоит подуть в волшебную флейту. В прошлый раз она устроила спектакль: пригласила на встречу через миньонов. Бесплезно устраивать засаду, вы только схватите ее слуг.

– Хм-ммм... – Люк задумался. – Значит, придумаем уловку.

– Поторопитесь. Пять дней истекают завтра, Камилла будет ждать сигнала.

– Не сомневаюсь. В принципе, на ее ожидание я и рассчитываю.

* * *

Саймон осторожно открыл дверь в квартиру Кайла и вошел.

– Э-эй, – позвал он, вешая куртку на крючок. – Есть кто дома?

Никто не ответил, зато из гостиной доносились знакомые «трах-ба-бах»: кто-то играл в видеоигру. Выставив перед собой, словно подношение, пакет с багетами, Саймон направился в гостиную:

– Я завтрак принес...

Слова застряли у него в горле. Он толком не знал, чего ожидать от самопровозглашенных телохранителей. За то, что подопечный ускользнул из-под опеки, его, по идее, должны приветствовать фразой типа: «Еще раз такое повторится – убьем», однако Саймон застал нечто... совсем неожиданное. Кайл и Джейс сидели на диванчике бок о бок, будто новоиспеченные

лучшие друзья. Кайл держал джойстик, а Джейс, упершись локтями в колени, сильно подался вперед и напряженно вглядывался в происходящее на экране. Эти двое даже не заметили Саймона.

– Тип в углу на тебя не смотрит, – подсказал Джейс. – Врежь ему «вертушкой» с ноги – и он в отрубе.

– В этой игре пинаться нельзя. Можно стрелять. Видишь? – Кайл набрал комбинацию кнопок.

– Глупо. – Обернувшись, Джейс как будто только что заметил Саймона. – Вернулся с делового завтрака? – не особенно приветливо заметил он. – Ты, типа, самый умный? Взять вот так и смотаться...

– Не то чтобы самый умный, – ответил Саймон. – Так, на уровне Джорджа Клуни из «Одиннадцати друзей Оушена» и ребят из «Разрушителей мифов». Только привлекательней.

– Я так рад, что ни черта не понимаю из твоей трепотни. Сразу переполняет чувство умиротворения и душевного здоровья.

Поставив игру на паузу – на экране повисло изображение игловидного ствола винтовки, – Кайл отложил джойстик:

– Мне багель.

Поймав булочку на лету, оборотень отправился на кухню (отгороженную от гостиной длинной стойкой), где поместил ее в тостер и приготовился намазать маслом. Джейс, глянув на белый бумажный пакет в руке Саймона, изобразил брезгливый жест:

– Нет, спасибо.

Саймон присел за кофейный столик:

– Тебе надо подкрепиться.

– Чья бы мычала.

– У меня кровь закончилась. Может, угостишь?

– Нет уж. Это пройденный этап, и лучше нам остаться друзьями.

Голос Джейса, как всегда, был слегка окрашен в саркастичный тон, однако вблизи Саймон хорошо различал бледность его лица, серые круги под глазами и скулы, выступающие гораздо явственней, чем обычно.

– Кроме шуток, – сказал вампир, подталкивая Джейсу пакет. – Тебе надо поесть.

Взглянув на продукты, Джейс поморщился. От усталости его веки приобрели серовато-синюшный оттенок.

– Если честно, меня от одной мысли о еде тошнит.

– Вчера ночью ты задрых. Хотя обещался меня охранять. Я, конечно, понимаю: ты просто играешь в телохранителя, но все же... Давно ты спал по-человечески?

– Дай подумать... Недели две назад или три...

У Саймона отвисла челюсть.

– Почему? В смысле, что с тобой?

На губах Джейса мелькнула бледнейшая тень улыбки.

– «...Я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны».^[20]

– Узнаю цитату. «Гамлет». Тебе мешают спать кошмары?

– Ты вампир, – устало и непреклонно напомнил Джейс. – Тебе не понять.

– Эй, – позвал Кайл. Он вышел из-за стойки и плюхнулся в продавленное кресло. Надкусив багель, он спросил: – Так что случилось-то?

– Я встречался с Люком. – Не видя причин шифроваться, Саймон передал суть разговора. Умолчал только о том, что Камилла положила глаз на два его дара: светолюба и Каиновой

печати. Дослушав, Кайл кивнул:

– Люк Гэрровэй, вожак местной стаи. Наслышан о нем: большая шишка.

– Никакой он не Гэрровэй, – сказал Джейс. – Люк некогда был Сумеречным охотником.

– Я и про это слышал. Он способствовал принятию нового Договора... – Кайл перевел взгляд на Саймона: – Умеешь заводить связи.

– С ними одни хлопоты, – ответил вампир. – Камилла, например.

– Люк расскажет о ней Маризе, и Конклав обо всем позаботится, – успокоил его Джейс. – Есть особенные процедуры для работы с отщепенцами. – Кайл искоса глянул на него, но Джейс словно и не заметил. – Говорю же, не она покушается на тебя. Ей известно... – Джейс осекся, – что тебя лучше не трогать.

– И потом, ты нужен ей живой, – добавил Кайл.

– Кстати, да, – согласился Джейс. – Зачем убивать курицу, несущую золотые яйца?

Посмотрев на них по очереди, Саймон покачал головой:

– Вот же спелись! Еще вчера я слышал от вас: «Мое кун-фу сильнее!», «Нет уж фига, с мягким знаком!» А сегодня вы на пару режетесь в «Halo» и подбрасываете друг другу свежие идеи.

– Причина – общие интересы, – сказал Джейс. – Ты нас обоих бешишь.

– Значит так, имею предложить. Хотя мысль вам, телохранителям фиговым, вряд ли понравится.

Выгнув брови, Кайл попросил:

– Ты выкладывай, выкладывай.

– Беда в том, что, пока вы меня стережете, покушения не повторятся, и мы не узнаем, кто на меня охотится. Плюс... вы зря время тратите. Займитесь чем-нибудь полезным, на что хотелось бы употребить время. Или, – Саймон глянул на Джейса, – не хотелось бы.

– Ну и, – спросил Кайл, – что предлагаешь?

– Убийц надо выманить. Пусть снова нападут на меня. Возьмем пленного и допросим.

– Если мне не изменяет память, – сказал Джейс, – не далее как вчера я предлагал ту же идею. Она тебе не понравилась.

– Я был уставший, – отмазался Саймон. – Сегодня подумал на свежую голову. Как подсказывает опыт, злодеи просто так никуда не денутся. Своих делишек они не бросают, и у меня есть выбор: либо выманить их на живца, либо вечно ждать повторного нападения.

– Я в деле, – вызвался Джейс. Кайла мысль не вдохновила. – Хочешь выйти и погулять, пока ребята в сером вновь не явятся?

– Облегчу им задачу: приду туда, где меня все ждут.

– То есть... – произнес Кайл.

Саймон указал на приклеенный к холодильнику флайер: «„Тысячелетние катышки“. 16 ОКТЯБРЯ, БРУКЛИН, БАР „АЛЬТО“, 21:00».

– То есть на концерт. Чем плохо?

Головная боль разыгралась в полную силу. Саймон заставил себя не думать о ней, об усталости и о том, как он выдержит концерт. Надо раздобыть крови. Обязательно.

У Джейса загорелись глаза.

– Знаешь, вампир, хорошая идея.

– Хочешь, чтобы тебя атаквали прямо на сцене? – спросил Кайл.

– Шоу получится офигенское, – сказал Саймон с уверенностью и отвагой, которых на самом деле не испытывал. За жизнь он не боялся, просто не знал, сможет ли вновь вынести то, как защищает его Печать.

Джейс покачал головой:

– На публике покушение не состоится. Убийцы будут ждать окончания выступления. Тут-то мы их и подкараулим.

Теперь головой покачал Кайл:

– Кто знает?..

Состоялось еще несколько раундов спора – Саймон и Джейс против Кайла. Саймон ощущал легкую вину: знай Кайл о Печати, его было бы легче убедить. А так он сдался не сразу, пришлось уламывать оборотня.

– Я соглашаюсь, – встал он, стряхивая с себя крошки, – только потому, что вам на мое мнение плевать. Согласен я, не согласен, вы все равно осуществите замысел. – Он посмотрел на Саймона. – Никогда бы не подумал, что труднее всего защищать тебя от тебя же.

– Мог бы у меня спросить, – сказал Джейс. Кайл тем временем пошел одеваться, объяснил: дескать, пора на работу. Волчий страж и правда работал велокурьером. Хотя должность у него и крутяцкая, денег от этого не прибавляется. Когда же дверь за ним захлопнулась, Джейс обратился к Саймону: – Концерт в девять вечера? Чем займемся днем?

– Займемся? – Саймон ошалело посмотрел на Джейса. – Ты домой идешь, нет?

– Мое общество тебе наскучило?

– Позволь я спрошу кое-что: ты без меня жить не можешь?

– А? Чего? – спросил Джейс. – Прости, я, кажется, задремал. Давай пой дальше, соловей.

– Прекрати. Хотя на секунду забудь о сарказме. Ты не ешь, не спишь... и, кстати, не ты один. Клэри тоже! Не знаю, что между вами творится, она молчит, не колетса. Но и так видно, между вами какая-то борьба. Если собираешься бросить Клэри...

– Бросить Клэри? – Джейс уставился на Саймона как на умалишенного. – Соображаешь, что говоришь?!

– Будешь и дальше избегать ее – она порвет с тобой.

Джейс поднялся с дивана, напряженный, словно кот на охоте, – непринужденности как не бывало. Подойдя к окну, он – не зная, куда деть руки, – одернул занавеску. Внутри, обесцвечивая глаза Джейса, брызнул дневной свет.

– На то есть причины.

– Вот и славно! Клэри о них знает?

Джейс не ответил.

– Она всю себя отдает любви к тебе и доверию, – напомнил Саймон. – Ты обязан...

– Честность – это еще не все! По-твоему, мне нравится причинять ей боль? Злить ее? Восстанавливать против себя? Зачем я здесь, как ты думаешь? – Джейс посмотрел на Саймона с гневом во взгляде. – Мне нельзя быть с ней, а если так, то и неважно, где я. К тебе, например, я отправился, чтобы порадовать Клэри. Пусть знает: ты под защитой.

– Хочешь осчастливить Клэри? Ты, причина ее страданий номер один? – враждебно поинтересовался Саймон. – Сам себе противоречишь.

– Любовь – сплошное противоречие, – сказал Джейс и отвернулся к окну.

Едва распахнулись двери больницы «Бет-Израиль», как Клэри вспомнила: до чего же она терпеть не может запах больниц. Стерильность, металл, старый кофе и хлорка, которая не в силах заглушить вонь болезни и отчаяния. Воспоминания о том, как мать лежала тут, опутанная трубками и проводами, ударили как пощечина. Клэри резко вздохнула, стараясь не прислушиваться к запахам.

– Тебе плохо? – Стянув с головы капюшон, Джослин встревоженно посмотрела на дочь.

Мотнув головой, Клэри чуть ссутулилась и огляделась: облицованный холодным мрамором, металлом и пластиком вестибюль; в регистратуре суетятся медсестры; таблички показывают, как пройти в отделение интенсивной терапии, радиологии, онкологии, педиатрии и прочее и прочее. Кафетерий Клэри нашла бы и во сне – в свое время перетаскала оттуда столько чашек тепловатого кофе для Люка, что хватило бы наполнить пруд в Центральном парке.

– Простите, – извинилась медсестра, везущая старичка в инвалидном кресле.

Колеса чуть не отдавили Клэри пальцы на ногах. Она посмотрела вслед медсестре и заметила... мерцание.

– Клэри, прекрати пялиться, – очень тихо предупредила Джослин.

Она взяла Клэри за плечи и развернула лицом в сторону кабинета сдачи крови. В дымчатом стекле приемной Клэри увидела отражения – свое и матери, и хотя Клэри по-прежнему оставалась на голову ниже Джослин, она очень на нее походила. Раньше Клэри лишь пожимала плечами, если кому-то случалось сказать, что, мол, Джослин красива, а дочь – нет. Однако разрез глаз и форма губ у них совершенно одинаковы, как и рыжие волосы, и зеленые глаза, и тонкие руки. Как вышло, что Клэри так мало досталось отцовских черт, тогда как Джонатан унаследовал их все: и светлые волосы, и пронзительные темные глаза? Впрочем, если присмотреться, то Клэри достался практически тот же волевой подбородок...

– Джослин, – произнесли за спиной.

Обе – дочь и мать – обернулись. Перед ними стояла давешняя медсестра. Стройная, молоденькая, смуглая, глаза темные... Пробившись сквозь маскирующие чары, Клэри увидела ту же девушку, только кожа у нее приобрела темно-синий оттенок, а собранные в узел на затылке волосы – белоснежный. Синева кожи поразительно контрастировала с розовой униформой.

– Клэри, – сказала Джослин, – это Катарина Лосс. Она заботилась обо мне, пока я тут лежала. Еще она друг Магнуса.

– Вы маг. – Клэри сама не заметила, как слова сорвались с губ.

– Тс-сс! – в ужасе шикнула на нее магичка. Она негодуяще посмотрела на Джослин. – Насчет вашей дочери мы не договаривались. Она еще ребенок.

– Кларисса умеет себя вести. – Джослин бросила на дочь строгий взгляд. – Умеешь ведь?

Клэри кивнула. Она уже насмотрелась на магов во время битвы за Идрис. У всех имелись какие-то аномалии во внешности: кошачьи глаза, как у Магнуса, крылья, перепончатые ступни или когти на руках. Но синяя кожа... Такое не спрячешь за контактными линзами или под безразмерной одеждой. Катарине Лосс ежедневно приходится наносить на себя маскирующие чары, чтобы просто выйти из дому. При ее-то работе в больнице примитивных.

Ткнув пальцем в сторону лифтов, магичка пригласила:

– Следуйте за мной. Уладим дело по-быстрому.

Клэри и Джослин поспешили за ней к лифтам.

Вошли в тот, что прибыл первым, и, едва двери с тихим шипением затворились, Катарина

нажала кнопку, помеченную единственной буквой «М». Рядом на панели отиснутое предупреждение гласило: на этаж, отмеченный как «М», попасть можно исключительно при наличии специального ключа. Катарине ключ не понадобился: с кончика ее пальца сорвалась синяя искорка, и кнопка «М» загорелась. Лифт поехал вниз.

Катарина покачала головой:

– Если бы не дружба с Магнусом, Джослин Фэйрчалд...

– Фрэй, – поправила ее Джослин. – Зови меня Джослин Фрэй.

– Оставили нефилимское имя? – Катарина изогнула в усмешке резко контрастирующие с синей кожей красные губы. – Как насчет тебя, девочка? Хочешь быть Сумеречным охотником, как твой отец?

Стараясь не показывать раздражения, Клэри ответила:

– Нет. Я собираюсь стать Охотницей, только не как отец. Кстати, меня зовут Кларисса, но вы обращайтесь ко мне Клэри.

Лифт остановился. Магичка некоторое время смотрела на нее, потом ответила:

– О, как тебя зовут, мне известно. Кларисса Моргенштерн. Девочка, остановившая большую войну.

– Примерно так. – Клэри вышла сразу после Катарины. – А вы были на той войне? Что-то я вас не видела.

– Была, – ответила за магичку Джослин, чуть сбившая дыхание от быстрой ходьбы. Они шагали по длинному и почти совершенно пустому коридору: ни окон, ни дверей, стены окрашены в бледно-зеленый цвет. – Катарина помогла Магнусу приготовить для меня зелье. Затем, когда Магнус возвратился в Идрис, она осталась сторожить Белую книгу.

– Сторожить книгу?!

– Белая книга очень важна, – сказала Катарина, шлепая по полу резиновыми подошвами туфель.

– А я-то думала, война важнее, – чуть слышно пробурчала Клэри.

Наконец они подошли к двери со вставкой из матового стекла и надписью большими черными буквами: «МОРГ». Взявшись за ручку, Катарина чуть насмешливо взглянула на Клэри:

– Я очень рано обнаружила у себя способности к целительству. Вкальваю здесь, в человеческой больнице, за гроши. Лечу примитивных, которые с воплями бросаются наутек, едва заведя меня в истинном обличье. Я могла бы сколотить состояние, продавая способности Охотникам и тупым примитивным, считающим, будто они знают о магии. Но... работаю здесь, потому и не нажила популярности, маленькая рыжая девочка. Известность не ставит тебя выше других, ты ничем не лучше меня.

Клэри залилась краской. Она прежде и не считала себя популярной.

– Да, вы правы, извините.

Магичка перевела взгляд голубых глаз на бледную и напряженную Джослин:

– Готовы?

Джослин кивнула и посмотрела на дочь – та тоже кивнула. Толкнув дверь, Катарина провела их в морг.

Клэри моментально ощутила жуткий холод и застегнулась. Из-под сильного запаха моющих средств пробивался сладковатый аромат гниения. С потолка лился желтоватый свет люминесцентных ламп, в центре стояло два больших секционных стола, тут же имелись мойка и весы для органов. Вдоль одной из стен шли ряды похожих на депозитные сейфы ящиков, только размером побольше. Подойдя к одному из них, Катарина потянула за ручку. Из пенала на полозьях выехала полка с трупом младенца.

В горле у Джослин что-то коротко булькнуло, и секундой позже мать встала сбоку от

Катарины. Клэри не торопилась подходить к холодильнику. Она, конечно, видела мертвых и прежде, видела мертвым Макса Лайтвуда, погибшего в возрасте девяти лет. Однако совсем другое дело – труп младенца...

Прикрыв рот ладонью, Джослин взирала на дитя потемневшим взглядом широко раскрытых глаз. Клэри ребенок – мальчик – показался нормальным: по десять пальцев на руках и ногах, – однако, присмотревшись внимательней, как следовало бы смотреть сквозь маскирующие чары, Клэри заметила изогнутые, острые когти, серую кожу и глядящие в пустоту совершенно черные глаза. Черными были не только радужки и зрачки – глазные яблоки целиком.

Джослин прошептала:

– Такие были глаза у Джонатана при рождении. Как два тоннеля. Потом они изменились, стали человеческими, но я помню...

Вздвогнув, она опрометью выбежала из морга.

Катарина оставалась бесстрастной.

– Доктора ничего не заметили? – спросила Клэри. – Глаз, когтей?..

Катарина покачала головой:

– Люди не видят того, чего видеть не хотят... – Она пожала плечами. – На ребенка наложено редкое заклятие. Попахивает магией демонов. – Катарина извлекла из кармана кусочек ткани в полиэтиленовом пакетики на «молнии». – Клочок ткани, в которую был завернут ребенок, когда его нашли. Тоже пахнет демонической магией. Отдай матери, пусть отнесет образчик Братьям молчания. Может, они найдут источник заклятия.

Едва Клэри задубевшими пальцами коснулась пакетика, как перед мысленным взором вспыхнула руна: переплетение линий и завитков – призрак магического символа. Он погас, стоило спрятать пакетик в карман.

Нет, Братья молчания увидят ткань лишь после того, как Клэри испытает на нем новую руну.

– Поговоришь с Магнусом? – спросила Катарина. – Расскажешь, что я устроила экскурсию в морг по запросу твоей мамы?

Клэри кивнула, как неживая, как кукла. Ей вдруг захотелось поскорее убраться из залитой желтым светом комнаты, подальше от запаха смерти и холодного тела младенца. Вспомнилось, как мать плакала над коробкой с игрушками Джонатана, над локоном его волос. Плакала по сыну, которого отняли, подменив тварью вроде этой, на холодильной полке морга. Не чудовище надеялась увидеть Джослин. Она до последнего надеялась, что появление подобных существ невозможно.

– Конечно, – только и пробормотала Клэри. – Передам.

* * *

Бар «Альто», типичная хипстерская забегаловка, располагался под мостом электрички «Бруклин – Куинс» в Гринпойнте. Правда, по субботам двери открывались для посетителей всех возрастов; хозяин – друг Эрика – разрешал группе проводить концерты почти каждую неделю, пусть даже ребята периодически меняли название и никак не могли собрать приличной толпы.

Кайл с ребятами уже вышли на сцену: готовили аппаратуру, проверяли ее последний раз перед концертом. Группа собиралась выступить со знакомым репертуаром в исполнении Кайла – новичок быстро выучил тексты, так что коллектив не волновался. До начала шоу Саймон согласился посидеть за кулисами, чем слегка порадовал стража.

Вампир выглянул из-за пыльного бархатного занавеса, пытаясь увидеть в зале хоть кого-нибудь подозрительного.

Некогда стильно оформленный (стены и потолок из прессованного металла, матовое стекло в духе ар-деко позади барной стойки), «Альто», как аналог подпольного заведения 30-х, давно сдал. На стенах постоянно темнели пятна от табачного дыма, опилки на полу склеились в катышки от пролитого пива, да и чего похуже.

Зато столики почти все были заняты. За одним из них Саймон заметил Изабель в серебристом, похожем на кольчугу, платье и убийственных ботинках. Волосы дочь Лайтвудов собрала в высокий спутанный узел, закрепив его серебряными заколками. (Каждая из них остра как бритва, запросто режет металл и кость.) Помаду Изабель выбрала ярко-красную, цвета свежей крови.

«Соберись», – велел себе Саймон. Нельзя думать о крови.

Блайт и Кейт – подружки Керка и Мэтта, соответственно, – сели рядом, заказав на двоих тарелку убогого вида начос. Подруги Эрика сидели чуть ли не по всему залу, как и его школьные приятели, – спасибо, заполнили пустоту. В уголке совершенно одна пристроилась Морин, единственная фанатка Саймона, миниатюрная блондинка, похожая на бродяжку. С виду ей было двенадцать, но Морин всем говорила, будто ей шестнадцать. Скорее всего, подозревал Саймон, ей примерно четырнадцать. Увидев, как он высунул голову из-за занавеса, Морин растянула рот в улыбке от уха до уха и принялась отчаянно махать рукой.

Саймон, черепашкой пряча голову, нырнул обратно.

– Эй, – позвал сидевший на перевернутой колонке Джейс. Охотник смотрел на экран сотового. – Заценишь новую фотку Алека и Магнуса? Из Берлина.

– Неохота.

– Магнус надел ледерхозен.

– Все равно неохота.

Спрятав телефон в карман, Саймон вопросительно посмотрел на Саймона:

– Что с тобой?

– Ничего, – соврал вампир, чувствуя головокружение, тошноту и стресс. Стараясь забыть о голоде, симптомы он списал на волнение от предстоящей ловли убийц. Ничего, с едой он разберется, и очень скоро. Жаль Клэри не придет: у нее кое-какие дела по поводу свадьбы. Саймон передал ее слова Джейсу, и тот, бедняжка, пережил одновременно облегчение и разочарование. Смотреть на него в тот момент было занято.

– Парни, парни! – Кайл нырнул за кулисы. – Вот-вот начинаем. – Он пристально посмотрел на Саймона: – Уверен, что справишься?

Саймон перевел взгляд с Кайла на Джейса:

– Вы двое просто созданы друг для друга.

Парни посмотрели на себя, потом друг на друга: оба в джинсах и черных футболках с длинными рукавами. Джейс, подергав себя за полу футболки, самоуверенно ответил:

– Эту я у Кайла занял. Моя уже пахла.

– Ого, да вы теперь одеждой меняетесь. Ну точно лучшие друзья.

– Чувствуешь себя третьим лишним? – спросил Кайл. – Футболку одолжить?

Саймон не стал утверждать очевидного: что подходит Кайлу и Джейсу, на нем, дистрофике, висеть будет мешком.

– Только, чур, штанами не меняемся.

– Простите, что отрываю от занимательного разговора, – просунул к ним голову Эрик. – Идемте. Пора начинать.

Кайл с Саймоном отправились на сцену, и Джейс поднялся на ноги. Под полкой футболки у него блеснул кинжал.

– Порвите зал, ребята, – со зловещей ухмылкой напутствовал Охотник. – Потом выйду я и

Рафаэля вызвали к закату, однако вампир заставил ждать себя почти три часа и только потом навел проекцию в библиотеку Института.

«Вампирская политика», – сухо отметил про себя Люк. Глава нью-йоркского клана вампиров, если нефилимы призовут, явится. Но к сроку ему прийти не позволит гордыня. Время Люк провел за чтением книг из библиотеки. Мариза, не настроенная на беседы, стояла у окна, потягивая из хрустального бокала красное вино и глядя на Йорк-авеню.

Она обернулась, когда в воздухе начала проявляться проекция – словно зарисовка мелом на полотне тьмы.

Сперва белые руки и лицо, затем черные одежда и волосы. И вот он стоял посреди комнаты, иллюзия живого присутствия. Глядя, как Мариза торопится ему навстречу, Рафаэль произнес:

– Вызывала, Охотница? – Переведя взгляд на Люка, он заметил: – И человек-волк здесь. Меня призвали на Совет?

– Не совсем. – Мариза отставила бокал на стол. – Ты в курсе недавних смертей, Рафаэль? Знаешь, что нашли тела мертвых нефилимов?

Рафаэль высоко поднял выразительные брови:

– Знаю. Правда, не подумал занимать этими новостями голову. Мой клан не при делах.

– Одно тело нашли на территории магов, второе – у волков, третье – у фей, – перечислил Люк. – Подозреваю, что вы на очереди. Некто пытается посеять раздор среди кланов нежити. Я по доброй воле хочу предупредить, Рафаэль, и показать, что не верю в твою причастность к убийствам.

– Какое облегчение, – произнес Рафаэль, однако взгляд его оставался напряженным и темным. – Откуда вообще подозрения на мой счет?

– Один из покойных указал на виновного, – осторожно произнесла Мариза. – Перед смертью он открыл, что за его гибель отвечает Камилла.

– Камилла? – Рафаэль неудачно попытался скрыть потрясение. – Невозможно.

– Почему же? – спросил Люк. – Камилла – руководитель твоего клана. Она древняя и сильная вампиресса с очень дурной репутацией, к тому же она пропала. В Идрис на войну не пришла, с новым порядком не согласилась. Охотники почти год о ней не слышали... до недавнего времени.

Рафаэль промолчал.

– Если Камилла что-то замыслила, – предупредила Мариза, – то надо сообщить Конклаву. И лучше тебе вовремя все рассказать. Соверши акт доброй воли.

– Акт, – повторил вампир. – Как в театре...

– Рафаэль, – недружелюбно одернул его Люк. – Ты не обязан защищать Камиллу. Если она тебе дорога...

– Дорога? – Проекция Рафаэля сплунула. Условного проявления эмоций хватило. – Я ненавижу ее. Просыпаясь по вечерам, желаю ей сдохнуть.

– Вот как, – деликатно отметила Мариза. – Тогда...

– Камилла руководила нами очень долго. Она была во главе клана, когда я стал вампиром. Пятьдесят лет назад. В Нью-Йорк она приехала из Лондона. Не прошло и нескольких месяцев, как она подняла руку на предыдущего главу. В прошлом году Камилла сделала меня своей правой рукой, а несколько месяцев назад я выяснил, что она убивает людей, пьет их кровь просто ради

забавы. Нарушает Закон. Порой вампиры становятся преступниками, и ничто им уже не поможет. Однако убийца – вождь клана?! Ему полагается быть умнее и лучше подданных. – Рафаэль умолк, погружившись в воспоминания. – Мы не волки, не дикари, не убиваем одного вожака, чтобы поставить на его место другого. Для вампира поднять руку на собрата, пусть он и преступник, худшее из преступлений. У Камиллы много сторонников, много приспешников, я побоялся биться с ней. И тогда я предупредил ее: пусть убирается прочь с Манхэттена... или обо всем узнает Конклав. Само собой, к Конклаву идти не хотелось: нефилимы обрушили бы свой гнев на весь клан. Утратив доверие, мы пошли бы под суд и опозорились перед братьями.

Марица нетерпеливо фыркнула:

– Есть вещи поважнее.

– Для вампира честь – вопрос жизни и смерти. – Голос Рафаэля чуть дрогнул. – Я поставил на то, что Камилла купится на угрозы. И она купилась, уехала. Оставалась загвоздка: Камилла не отреклась от власти, я не мог занять ее пост законно. Не мог сказать клану, почему уехал вождь, не объяснив истинной причины ухода. Пришлось соврать, будто Камилла отправилась странствовать по миру. Среди нашего брата страсть к путешествиям не редкость. Когда ты бессмертен, оставаться долгие годы на месте невыносимо, ты будто в унылой тюрьме.

– Сколько ты надеялся держать клан в неведении? – поинтересовался Люк.

– Сколько получится. Похоже, тайне пришел конец. – Отвернувшись, Рафаэль посмотрел в окно, на сверкающие в ночи огни.

Люк оперся спиной о книжную полку. Забавно, что книги на ней рассказывали почти только об оборотнях: ликантропах, нагах^[21], кицунэ^[22] и селках.^[23]

– Ты удивишься, но то же самое она рассказала о тебе, – произнес Люк, не упоминая, правда, кому именно Камилла рассказывала о предательстве Рафаэля.

– Ее нет в городе.

– Похоже, вернулась, – сказала Марица. – И крови людей Камилле становится мало.

– Ну что сказать? Я защищал свой клан, и, если Закон покарает меня, я смирюсь.

– Мы тебя карать не собираемся, Рафаэль, – успокоил его Люк. – Если только не откажешь в сотрудничестве.

Рафаэль посмотрел на него и Марицу. В глазах его пылал огонь.

– Ради чего?

– Мы хотим задержать Камиллу, – сказала Марица. – И допросить: зачем она убила Охотников? Почему именно тех, конкретных Охотников?

– У вас, должно быть, умный план? – В голосе Рафаэля прозвучали одновременно любопытство и презрение. – Вампиры хитры, но Камилла – коварна.

– План есть, – признался Люк. – И в нем участвует светолуб, Саймон Льюис.

Рафаэль скорчил гримасу:

– Не люблю его. Если он и правда участвует в деле, я предпочел бы остаться в стороне.

– Ну, и кому от этого хуже? – намекнул Люк.

* * *

Вот же дура, зонтик не взяла!

Клэри злилась на саму себя. Моросящий дождь, о котором мать предупреждала еще утром, перешел в полноценный ливень. Протолкавшись через толпу курящих у входа в «Альто», Клэри с облегчением вошла в теплый бар.

«Тысячелетние катышки» всю отжигали на сцене: парни рубились на инструментах, и

Кайл очень сексуально пел гроулингом. На мгновение Клэри преисполнилась гордости, ведь это благодаря ей в группу приняли нового фронтмена. И он не подвел.

Клэри осмотрелась в поисках Майи или Изабель – Саймон ни за что не пригласил бы их на один концерт вместе. Заметив стройную брюнетку, поспешила в ее направлении... и замерла на полпути. Не Изабель. Совершенно незнакомая женщина: подведенные черным карандашом глаза, строгий костюм с широкими плечами; незнакомка читала газету, не слушая музыкантов.

– Клэри! Сюда! – Обернувшись, она заметила Изабель. Та сидела за столиком поближе к сцене, в платье, сверкающем как серебристый маяк. Подойдя, Клэри устроилась рядом. – Под дождь попала?

Откинув со лба мокрые волосы, Клэри печально улыбнулась:

– С матерью-природой лучше не спорить.

Изабель выгнула темные брови:

– Ты вроде не собиралась приходить? Саймон сказал, у тебя дела по поводу свадьбы и тэ-дэ и тэ-пэ.

Саму Изабель подобные атрибуты романтических отношений нисколько не впечатляли.

– Маме нездоровится. Встречу перенесли.

Отчасти правда: вернувшись из больницы, Джослин заперлась у себя и заплакала. Дочь она впускать не захотела. Когда приехал Люк, Клэри с облегчением оставила мать на его попечение, а сама отправилась шататься по городу. Когда время пришло, поехала в «Альто» на концерт Саймона. Надеялась поговорить с другом, излить душу.

– А-а... – Изабель удовлетворилась сказанным. Порой невнимание к проблемам других людей – это дар божий. – Саймон твоему приходу обрадуется.

Клэри обернулась в сторону сцены:

– Как концерт?

– Прикольно. – Изабель задумчиво пожевала соломинку. – Солист просто красавчик. Он не занят? Я бы прокатила его по городу, как очень плохая лошадка...

– Изабель!

– Чего? – Глянув на Клэри, Изабель пожала плечами. – Я ж говорю: у нас с Саймоном несерьезно.

Тут и Саймон не сказал бы ничего в свое оправдание, но он друг, и надо его поддержать. Клэри глянула на сцену, и ее взгляд выхватил знакомую фигуру. Клэри моментально узнала ее. Узнала бы где и когда угодно.

Джейс в одежде примитивных: джинсы и черная кофта в облипочку, сквозь которую отчетливо видны накачанные мускулы; волосы светятся под огнями сцены. Девчонки украдкой поглядывали на необычного парня. Вот он прошел в противоположный конец подиума. Опершись плечом о стену, стал пристально всматриваться в передние ряды зрителей.

Сердце заколотилось. Клэри с Джейсом не виделись всего день, а казалось, что целую вечность. Перед Клэри будто возник совершенно чужой человек, отстраненный. Что он здесь делает? Джейсу не нравится Саймон, и он ни разу не посетил ни один из концертов.

– Клэри! – яростно воскликнула Изабель. Оказывается, Клэри случайно опрокинула бокал на шикарное серебристое платье. Схватив салфетку, Изабель окинула подругу мрачным взглядом. – Иди поговори с ним. Тебе же хочется, я вижу.

– Прости, – извинилась Клэри.

– Иди уже! – Изабель жестом руки прогнала Клэри.

Встав, Клэри оправила платье. Знала бы, что Джейс придет, надела бы нечто иное, не красные колготки с ботинками и винтажное ярко-розовое платье «Бетси Джонс». Пуговицы в форме цветочков, конечно, прикольные, однако чувствуешь себя не очень уверенно и не такой

продвинутой, как Изабель.

Перед сценой столпилась куча народу: кто-то приплясывал, кто-то просто пил пиво, слегка покачиваясь в такт музыке. Клэри невольно вспомнила, как впервые встретила Джейса в ночном клубе; Джейс стоял в противоположном конце танцпола: светловолосый, гордый, красивый... и совершенно не в ее вкусе. С такими парнями не ходят на свидания, они живут в отрыве от мира.

Джейс не заметил Клэри, пока она не приблизилась к сцене чуть не вплотную. Джейс, наверное, не спал несколько дней, сильно похудел. Привалившись к стене и сунув большие пальцы за шлевки джинсов, он внимательно следил за залом.

– Джейс, – позвала Клэри.

Вздвогнув, он уставился на нее. В его глазах вспыхнул и тут же угас привычный огонь; надежда Клэри умерла окончательно.

– Ты... – Джейс побледнел еще сильнее. – Саймон сказал, ты не придешь.

К горлу подступила тошнота, и Клэри, чтобы не упасть, уперлась рукой в стену.

– Ты пришел потому, что не ждал меня?

Джейс мотнул головой:

– Нет...

– Поговорить не хочешь? – Голос срывался на высокие нотки. Ногти впились в кожу ладоней. Диким усилием воли вернув себе спокойствие, Клэри продолжила: – Если хотел порвать со мной, предупредил бы. Зачем убегать? Чтобы я мучилась, гадала, в чем дело?

– Какого хрена все думают, будто я собираюсь порвать с тобой?! Сначала Саймон, теперь ты...

– Ты говорил о нас с Саймоном? – Клэри покачала головой. – Почему? Почему не со мной?

– Нельзя. Нельзя говорить с тобой, быть с тобой. Даже смотреть на тебя мне нельзя.

Клэри резко втянула обжигающий воздух:

– Что?

Осознав смысл сказанного, Джейс ошеломленно замер. Мгновение они с Клэри молча смотрели друг на друга. Затем девушка кинулась к выходу. Проталкиваясь сквозь ряды гостей – слепая и глухая ко всему, – она видела перед собой только дверь.

– А сейчас, – завопил в микрофон Эрик, – мы исполним нашу новую композицию. Совсем свежую. Посвящается моей девушке. Мы встречаемся всего три недели, но, черт меня задери, я люблю ее! Мы всегда будем вместе, детка. Песня называется «Трах-тибидох, наш ударник – бог!»

Раздались смех и аплодисменты. Эрик, говоривший на полном серьезе, не понял, что публика восприняла его речь как шутку. Он любил всех своих девушек и посвящал им совершенно нелепые песни. В иной раз Саймон посмеялся бы вместе с залом, однако он рассчитывал уйти со сцены еще минуту назад. Голова кружилась, на лбу выступил липкий пот, а во рту ощущался металлический привкус застарелой крови.

Музыка гремела, гвоздями вонзаясь в барабанные перепонки. Пальцы то и дело соскальзывали со струн. Вот уже и Эрик негодуя обернулся на Саймона, и вампир попытался сосредоточиться. Было чувство, что он пробует завести машину с севшим аккумулятором: в голове раздавалось глухое рычание, но искры так и не возникало.

Саймон невольно посмотрел в зал, пытаясь отыскать взглядом Изабель. Видя белые лица, Саймон вспомнил первую ночь в «Дюморе»: бледные морды вампиров возникали во тьме, словно распускающиеся в вакууме бумажные цветы. Желудок схватило болезненным спазмом. Саймон пошатнулся и выпустил из рук гитару. Пол под ногами пошел ходуном. Остальные члены группы увлеклись игрой и не заметили, как басист, бросив инструмент, выбежал за кулисы, и как раз вовремя, чтобы упасть на колени и согнуться от рвотного позыва.

Пустой желудок не изверг ничего. Встав, Саймон привалился к стене и накрыл лицо

ледяными ладонями. По-настоящему холод и жар он не чувствовал много недель. Сейчас же его словно охватила лихорадка, паника. Да что такое происходит?

«Ты вампир, и кровь для тебя – не просто еда. Кровь – это... кровь», – говорил Джейс. Из-за голода ли ухудшилось самочувствие? Саймон даже толком не хочет есть, его не мучает жажда. Он как будто бы умирает. Отравили? Может, Каинова печать не защищает от ядов?

Медленно Саймон двинулся к пожарному выходу. Сейчас глотнет холодного воздуха, и в голове прояснится. Во всем виноваты усталость и стресс.

– Саймон? – позвал тоненький, будто птичье чириканье, голосок.

С ужасом он увидел совсем рядом Морин. Вблизи она казалась еще меньше: тонюсенькие кости, копна светлых волос, ниспадающих на плечи из-под вязаной шапочки. На руках варежки в радужную полоску, а на белой футболке – принт с изображением Клубничной Куколки^[24]. Саймон застонал про себя.

– Ты не вовремя, Мо.

– Я только хотела тебя сфоткать на камеру мобильного, – сказала девчушка, нервно убирая локоны за уши. – Другьям покажу. Можно ведь, можно?

– Ладно. – В голове гроыхало. Глупо-то как. У группы почти нет фанов, точнее, Морин – единственная, к тому же она подружка сестренки Эрика, и прогонять ее неразумно. – Валяй. Фоткай.

Взяв Саймона в кадр, она щелкнула кнопкой. Затем, нахмурившись, произнесла:

– Есть один, теперь со мной.

Морин метнулась к нему, прижимаясь сбоку. Пахнуло клубничным блеском для губ, соленым потом и еще более соленой кровью. Подняв телефон на вытянутой руке, Морин улыбнулась: между передних зубов у нее имелась щербинка, а на шее при вдохе чуть набухла синяя жилка.

– Улыбочку.

В нижней губе полыхнули две точки боли – показались клыки. Морин ахнула, и телефон полетел прочь, когда Саймон развернул девчушку к себе и впился ей в горло.

Кровь взорвалась во рту небывалым вкусом. Как будто Саймон, изголодавшись по воздуху, вдыхал его полной грудью – такой холодный, свежий, напоенный чистым кислородом. Морин пробовала отбиваться, но вампир не обращал внимания на вялые попытки жертвы освободиться. Он даже не заметил, как она обмякла, и ее бездыханное тело притянуло своим весом к полу. Продолжая пить кровь, Саймон сжимал и разжимал свою хватку.

«Когда-нибудь ты попробуешь людскую кровь и вкуса ее забыть не сумеешь».

Клэри выбежала прямо в дождливую ночь. Вода лилась с неба сплошной стеной, и девушка моментально промокла. Глотая слезы вперемешку с дождевыми каплями и обогнув желтый фургончик Эрика, Клэри думала перебежать дорогу на красный свет, как вдруг ее схватили за руку.

Джейс развернул ее к себе. От дождя волосы его липли ко лбу, а черная футболка – к телу, словно тушь.

– Клэри, я звал тебя! Не слышишь?

– Пусти! – дрожащим голосом потребовала она.

– Нет. Пока не поговорим, не пущу. – Он оглядел улицу: капли, падая на мостовую, взрывались подобно бутонам цветов. – Идем.

Джейс за руку потащил Клэри сначала в обход фургона, затем – в переулок, граничащий с баром «Альто». Сквозь стекла высоких окон долетали приглушенные звуки музыки. Выложенный кирпичом переулок явно служил кладбищем погибшей музыкальной техники: тут валялись сломанные усилки, микрофоны... даже осколки пивных бокалов и сигаретные окурки.

Вырвавшись из хватки Джейса, Клэри развернулась к нему лицом:

– Если хочешь извиниться, даже не заморачивайся. – Она откинула со лба отяжелевшие мокрые волосы. – Слышать ничего не желаю.

– Я только хотел сказать, что помогаю Саймону. – Капли дождя слезами стекали с ресниц и по щекам Джейса. – Я в баре уже...

– Сразу сказать не мог? Эсэмэску прислать? Нет, погоди, ты не вернул сотовый! Дай сюда!

Джейс молча вытащил сотовый из кармана джинсов и отдал его Клэри. Вроде цел; девушка поспешила спрятать телефон в «почтальонскую» сумку, пока тот не промок под дождем. Джейс взирал на ее действия так, словно Клэри залепила ему пощечину. Оскорбленный вид лишь разозлил ее еще больше. Да какое право он имеет обижаться?!

– Я подумал, – медленно произнес Джейс, – что помочь Саймону – хорошее начало. Дурацкая идея: типа ты простишь меня, узнав, что я его охраняю...

Тут скопившийся гнев вырвался наружу обжигающей, неуправляемой волной.

– Мне плевать, что ты там себе думаешь, Джейс Лайтвуд! – закричала Клэри. – Простить тебя за то, что ты меня разлюбил? Если так, то не волнуйся...

Пятясь, Клэри наступила на сломанный микрофон. Взмахнув рукой для равновесия, она уронила сумку. Джейс метнулся вперед – подхватил девушку и, не прекращая движения, прижал ее к стене. Жадно впился губами в губы Клэри.

Разум говорил: оттолкни его, – но остальная часть ее существа поддалась. Клэри не могла сопротивляться, когда Джейс дарил ей поцелуй, за который и в ад пойти не жалко.

Впившись пальцами в мокрую ткань футболки и чувствуя под нею упругость мышц, Клэри ответила. Ответила со всем отчаянием последних дней, когда она не знала, что с Джейсом и где он пропадает. С чувством, будто вырвали кусочек сердца, без которого невозможно дышать полной грудью.

– Скажи, – попросила Клэри, скользя щекой по щеке Джейса. – Скажи, в чем дело?.. Ой!

Чуть отстранившись от нее, Джейс обнял Клэри за талию и поставил на разбитую колонку. Теперь их лица были почти на одном уровне. Прижав к ее щекам ладони, Джейс подался вперед. Тела юноши и девушки соприкоснулись... и только. От Джейса исходил лихорадочный жар. Положив руки ему на плечи, Клэри желала большего – чтобы он ее обнял, крепко-крепко.

– П-почему? – спрашивала она. – Почему ты не говоришь со мной? Не смотришь на меня?

Он заглянул ей в лицо. Обрамленные потемневшими от воды ресницами, его глаза невыносимо горели золотым.

– Потому что люблю тебя.

Не выдержав, Клэри притянула его к себе за шлевки джинсов. Джейс не стал сопротивляться; упираясь ладонями в стену, он прижался к Клэри. Они соединились: грудью, бедрами, ногами, словно кусочки головоломки. Руки Джейса скользнули Клэри на талию; он целовал ее долго, неотрывно, заставляя трепетать.

И вдруг Клэри оттолкнула его:

– Бред!

– Как и то, что ты делаешь. Но мне плевать. Я устал притворяться, будто могу прожить без тебя. Как ты не видишь? Я сам себя убиваю!

Клэри понимала: он не лжет. Видела это в его глазах, под которыми залегли глубокие тени, в том, как бьется пульс в жилке на шее. Страстное желание вывести правду боролось с желаниями куда более примитивными и древними. И проиграло.

– Поцелуй меня, – шепнула девушка, и он подчинился.

Их сердца стучали, словно сиюминутно вырваться наружу, навстречу друг другу – сквозь разделяющую их тонкую ткань одежды. Клэри тонула в этом чувстве, чувстве поцелуя, когда капли дождя свободно стекают по лицу, когда руки любимого свободно ласкают ее сквозь мокрое, облепившее тело платье – казалось, он гладит ее голую кожу. Грудь, бедра, живот. Приподняв подол платья, Джейс крепко ухватил Клэри за ноги и прижал к стене, а Клэри обняла его бедрами за талию.

Всхрипнув, Джейс впился пальцами в колготки, и те, разумеется, порвались, обнажая голую кожу. Клэри, не оставаясь в долгу, запустила руки Джейсу под свитер; ребра, кубики пресса, шрамы на спине, выступающие из-под пояса кости таза – все спешили исследовать ее руки. Джейс тихонько постанывал, целуя Клэри крепче и крепче. Казалось, ему все мало...

С громким лязгом сказочный сон прервался.

Ахнув, Клэри отстранила Джейса, и от неожиданности он ее выпустил. Клэри чуть не свалилась с колонки. Неуклюже приземлившись на ноги, она принялась оправлять платье. Сердце стучало в груди как таран; голова кружилась.

– Пипец! – В устье переулка стояла Изабель; мокрые волосы ниспадали ей на плечи, словно края капюшона. Пнув стоявший на пути мусорный бак, она пророкотала: – Бога ж ради, вы, двое! Глазам не верю! Чем спальни плохи? По-человечески уединиться не можете?

Вода стекала с Джейса ручьями, мокрые волосы, практически серебристые в свете далеких фонарей, липли ко лбу. Изабель – не Изабель, от одного взгляда на Джейса Клэри до боли захотелось прикоснуться к нему. Он смотрел на Иззи так, будто его выдернули из сна: ошалело, злобно, только-только начиная понимать, что происходит.

– Я искала Саймона, – попыталась оправдаться Изабель. – Он со сцены сбежал, понятия не имею куда. – Клэри даже не заметила, как закончила играть музыка. – Ладно, вижу, что здесь его нет. Удаляюсь, а вы продолжайте. Я всегда говорю: какой прок от кирпичной стены, если к ней некого приложить?

Засим она ушла в сторону бара.

Клэри и Джейс переглянулись. В любое другое время они рассмеялись бы над брюзжанием Изабель, но сейчас в глазах Джейса Клэри не увидела ни капли задора. Она моментально поняла: то, что произошло между ними – взорвалось ярким бутоном в краткий миг потери самообладания, – ушло. Во рту ощущался привкус крови. Сама ли Клэри прикусила губу или то вина Джейса?

– Джейс... – Она шагнула ему встречу.

– Не надо, – резко остановил он ее. – Нельзя.

И убежал – так быстро, как только мог. Расплылся вдали темным пятном еще прежде, чем Клэри успела его окликнуть.

* * *

– Саймон!

Злобный окрик заставил его опомниться. Саймон выпустил Морин – или подумал, что выпустил, – и в следующий миг его за запястья схватили сильные руки и отшвырнули в сторону. Бледный, взъерошенный и потный после выступления Кайл рывком поднял вампира на ноги.

– Какого черта, Саймон? Какого черта...

– Я не хотел, – хватая ртом воздух и не разбирая собственных слов, пролепетал Саймон. Он так и не научился разговаривать с торчащими наружу клыками. Из-за плеча Кайла он увидел Морин – девочка лежала, скорчившись, неподвижно. – Само собой получилось...

– Говорил же тебе, говорил, – повысив тон, Кайл с силой толкнул Саймона. Вампир попятился. Во лбу полыхнула боль, и Кайла отбросила на стену невидимая рука. Приземлившись по-волчьи на четвереньки, он с трудом встал. – Господи боже, Саймон...

Не слушая его, вампир припал на колени возле Морин и лихорадочно принялся искать пульс на шее. Ощувив слабенький удар сердца, он чуть не заплакал от облегчения.

– Прочь от нее, – велел Кайл, настороженно приближаясь. – Просто встань и отойди.

Неохотно поднявшись на ноги, Саймон посмотрел на Кайла. Тот склонился над неподвижным телом Морин в лучике света, проникавшем сквозь щель в занавесе. Слышно было, как на сцене ребята разбирают аппаратуру. В любой момент они вернутся за кулисы.

– Что ты сделал? – спросил Кайл. – Толкнул меня? Нет, ты вроде не двигался...

– Я не хотел, – жалостливо произнес Саймон. Последние дни он, казалось, только эти слова и повторяет.

Кайл покачал головой, тряхнув спутанными волосами:

– Лучше уйди. Дождись меня у фургона. Я с ней разберусь. – Он поднял Морин на руки, такую миниатюрную, словно кукла, на фоне его здоровенной фигуры. – Ступай. Надеюсь, чувствуешь ты себя и правда хреново.

Саймон вышел через пожарную дверь – сигнализация не сработала, потому что сломали ее давным-давно. Когда дверь за ним закрылась, Саймон привалился спиной к стене и задрожал всем телом.

Задняя часть бара выходила на узкую улочку, вдоль которой тянулись ряды складов. Через дорогу расположился пустырь, огороженный провисшим сетчатым забором. Сквозь трещины в мостовой проглядывали жесткие ростки травы. С неба лил дождь, вымачивая мусор и унося в сточный желоб пустые баночки из-под пива.

Ничего прекраснее Саймон в жизни не видел: ночь словно взорвалась отраженным в призме светом. Ячейки забора казались сверкающими серебристыми проводами, а каждая капля – платиновой слезой.

– Надеюсь, чувствуешь ты себя и правда хреново, – повторил Кайл.

Ничего подобного, все куда хуже: Саймон чувствовал себя как никогда живым. Людская кровь просто идеальна, создана для вампиров. По телу электрическим током прокатывались волны энергии. Саймон сейчас запросто одолел бы тысячемильный марафон.

И оттого ему сделалось дурно.

– Эй! Тебе плохо? – Это спрашивал человек образованный, нисколько не напуганный, даже напротив.

Обернувшись, Саймон увидел женщину в длинном черном тренчкоте, под ярко-желтым зонтом. Обновленному зрению вампира зонт представлял сверкающим подсолнухом. Сама женщина показалась Саймону красивой (как и все вокруг): сияющие черные волосы, красная помада. Незнакомка вроде сидела в зале во время концерта...

Не решаясь заговорить, Саймон мотнул головой. Для посторонних он, наверное, выглядит словно контуженный.

– Тебя как будто по голове ударили, – заметила женщина, указав Саймону на лоб. – Здоровый синяк. Точно помощь не нужна? Могу позвать...

Саймон поспешно скрыл Печать под челкой:

– Не надо, все хорошо.

– Ладно, как хочешь, – с легким сомнением в голосе ответила женщина. Она достала из кармана карточку и протянула ее Саймону. На визитке значилось имя: «Сатрина Кендалл», внизу небольшая приписка заглавными буквами: «ПРОДВИЖЕНИЕ МОЛОДЫХ ГРУПП», номер телефона и адрес. – Это я. Мне понравилось, как твои ребята играют. Хотите засветиться по-крупному – обращайтесь.

Она ушла, и Саймон, глядя ей вслед, подумал: страннее ночки не придумаешь.

Покачав головой – при этом с волос сорвался вихрь брызг, – Саймон прошлепал по лужам за угол, к фургону. Народ валил из бара, а парни из группы, Мэтт, Керк и их друзья, грузили аппаратуру в машину. Свет и краски по-прежнему казались неестественно яркими, однако призматическое видение начинало постепенно угасать. Подойдя ближе, Саймон заметил Изабель: девушка стояла, прислонившись спиной к борту фургона и упершись в него пяткой. Она была куда сильнее любого из группы (за исключением разве что Кайла) и могла бы помочь. Впрочем, Изабель не утруждает себя подобными мелочами.

Вампир подошел еще ближе, и она обернулась. Дождь немного стих, но было видно: Изабель простояла под ним прилично, волосы мокрым черным платком липли к ее спине.

– Нашелся, – сказала она, отходя от фургона и направляясь к Саймону. – Куда запропастился? Взял и умотал со сцены...

– А... – махнул рукой Саймон. – Плохо стало. Извини.

– Ну, раз тебе полегчало... – Изабель обняла его и улыбнулась. Ладно, хоть ее укусить не хочется. Правда, известно, по какой причине...

– Ты Джейса поблизости не видела?

Изабель закатила глаза:

– Наткнулась на него в переулке. Они там с Клэри обжимались. Уже ушли, наверное. И надеюсь, домой. Бомжики несчастные...

– Клэри приходила?!

Впрочем, чему удивляться? Должно быть, дела перенесли на другой день. Саймон даже не нашел сил разозлиться на то, какой из Джейса паршивый телохранитель. Тот и к своей жизни относится наплевательски. Оставалось надеяться, что Джейс и Клэри разобрались с личными проблемами.

– Фиг с ними, – улыбнулась Изабель. – Раз мы с тобой одни, сходим куда-нибудь и...

Из тени за ближайшим фонарем позвал очень знакомый голос:

– Саймон!

О нет, не сейчас. Только не сейчас.

Он медленно обернулся. Рука Изабель все еще лежала у него на талии (надолго ли?). Стоит зовущему выйти на свет...

И ведь вышла.

Майя. На лице крайнее изумление, кудряшки намокли и прилипли к голове, янтарные глаза выпучены, джинсовый костюм промок насквозь. В левой руке – свернутый в трубочку лист бумаги.

Саймон не заметил, как парни закончили грузиться и теперь откровенно пялились на него. Изабель убрала руку.

– Саймон? – спросила она. – В чем дело?

– Ты же сказал, у тебя срочные дела, – напомнила Майя. – А сегодня утром кто-то просунул вот это под дверь участка.

Волчица развернула флайер с объявлением о сегодняшнем концерте.

Изабель смотрела то на Саймона, то на Майю. До нее наконец дошло.

– Погодите, так вы встречаетесь?

Выпятив подбородок, Майя спросила в ответ:

– А вы?

– Да, – сказала Изабель. – Полтора месяца.

Майя прищурилась:

– Мы тоже. С сентября.

– Поверить не могу! – воскликнула Охотница. – Саймон, – развернулась она к вампиру и уперла руки в бока. – Объяснишь?

Ребята, завершив погрузку – барабаны скинули на задние сиденья, гитары и басы в грузовой отсек, – высунулись через задние двери и всю глазели на происходящее. Эрик, рупором приставив ладони ко рту, прокричал:

– Дамы, дамы! Только без рукоприкладства! Саймона хватит на всех!

Изабель метнула в него такой свирепый взгляд, что Эрик моментально заткнулся. Спрятавшись, парни закрыли двери, и фургон умчался вниз по дороге. Предатели... Хотя Саймона подбросит Кайл (его пикап припаркован за углом). При условии, конечно, что Саймон переживет эту ночь.

– Саймон, я доверяла тебе, – произнесла Майя. Как и Изабель, она уперла руки в бока. – О чем ты думал? Разве можно так врать?!

– Я не врал. Мы ни о чем не договаривались! – Он развернулся к Изабель: – С тобой тоже! Тем более ты сама встречалась с другими...

– С другими же! – разъяренно воскликнула Изабель. – Не с твоими знакомыми! Представь, если бы я пошла на свидание с Эриком!

– Ты б меня убила. Он не в твоём вкусе.

– Мы сейчас о другом. – Майя встала рядом с Изабель, и обе девушки посмотрели на Саймона так, что его словно придавило непробиваемой стеной женского гнева.

Все посетители покинули бар, и, кроме них троих, на улице больше никого не оставалось. Может, убежать? Нет, Майя – волчица, волки бегают резво. Изабель так вообще тренированный охотник на вампиров.

– Мне очень жаль, – сказал он. Шум в голове прошел, и то ладно. Головокружение, эйфория от выпитой крови тоже почти растаяли, и Саймон теперь ощущал панику. И как на грех, постоянно вспоминалась Морин. Хоть бы она отошла, уцелела. – Надо было вам признаться, девчонки. Просто... вы мне обе сильно нравитесь, и я не хотел ранить ваших чувств.

Вот же глупость сморозил. Стоит придурок, пытается оправдать свое придурочное поведение. Саймон всегда думал о себе иначе, ведь он парень хороший. Таких, как он, плохие парни, мачо, ни во что не ставят. Он почти гений-замарашка, которому и в голову не придет встречаться одновременно с двумя девчонками, лукавя и не говоря соперницам друг о друге.

– М-да... – выдохнул он. – Вот же я сволочь...

– Рада наконец услышать от тебя правду, – сказала Майя.

– Аминь, – подписалась Изабель. – Хотя и поздновато.

Через боковую дверь вышел Кайл. Саймон отметил серьезное выражение на лице Волчьего стража. Впрочем, не такое серьезное, как если бы с Морин случилось нечто поистине страшное.

Кайл спускался по крыльцу, дождь теперь едва капал. Майя с Изабель смотрели на Саймона, и гневные взгляды их испепеляли, точно лазерные лучи.

– Не жди, что мы впредь станем с тобой общаться, – предупредила Изабель. – Да, и я поговорю с Клэри. Seriously поговорю насчет ее выбора друзей.

– Кайл, – не в силах скрыть облегчения, позвал Саймон. – Как там... э... Морин? С ней...

Как спросить о самочувствии Морин, не вызвав подозрений у девушек?

Зря опасался: предложения вообще не получилось закончить. Слова застряли в горле. Майя и Изабель тем временем обернулись и посмотрели на Кайла: Изабель раздраженно, Майя – с удивлением. И едва волчице удалось присмотреться к Кайлу, глаза ее округлились и с лица сошла краска. Кайл в свою очередь смотрел на девушку так, словно пробудился от кошмара и понял: кошмар – это явь, и нет ему конца. Страж только немо шевелил губами, не в силах выдавить ни слова.

– Ого, – произнесла Изабель, глядя по очереди на Кайла и Майю. – Вы... знакомы?

Раскрыв рот, Майя какое-то время еще смотрела на Кайла. Саймон успел подумать, что на него-то она ни разу не смотрела с таким чувством, а в следующий миг Майя, прошептав «Джордан», кинулась на стража. Выпустила когти и вспорола ему горло.

Часть вторая

За каждую жизнь

*Ничто не дается даром,
за все приходится платить.
Приобретая в одном, в другом теряешь.
За жизнь платим смертью.
Даже твоя музыка, которая у всех на слуху,
потребовала своей цены.
Забрала твою жену.
Теперь ад насытился.*

Тед Хьюз, «Кости тигра»

Устроившись в кресле в гостиной у Кайла, Саймон слепо смотрел в экран телевизора, на застывший кадр из игры, в которую Джейс с хозяином квартиры резались утром: сырое подzemелье, куча трупов и весьма реалистичные лужицы крови. Саймон не нашел в себе сил и даже желания подняться и выключить «ящик». В голове проносились образы куда более страшные.

Льющийся в окно свет из водянистого рассветного стал просто бледным утренним. Саймон этого не заметил, он все еще вспоминал Морин: ее хрупкое неподвижное тельце на полу, запачканные кровью белокурые волосы. Как он сам, шатаясь, вышел в ночь и по его жилам струилась кровь бедной девочки. А потом Майя напала на Кайла, принялась рвать его когтями. Кайл даже не думал сопротивляться, и если бы не Изабель... Охотница оттащила Майю, прижала к земле. Саймон хотел броситься к ней. Изабель остановила вампира яростным взглядом и упреждающим жестом руки. Она продолжала сдерживать Майю, пока остатки гнева не покинули ее со слезами.

– Убирайся, – велела тогда Изабель. – И этого с собой заberi. Не знаю, что он сделал Майе, но явно ничего хорошего.

Правильно. Саймон слышал имя Джордан. Волком Майю сделал бывший парень. Подло напав, покусал ее и скрылся, оставил саму разбираться с ликантропией.

Его-то и звали Джордан.

Почему на табличке перед кнопкой звонка только имя Кайла? Потому что «Кайл» на самом деле фамилия. Волчьего стража зовут Джордан Кайл. Какой же Саймон идиот, сразу не догадался! Мало ему причин ненавидеть себя.

Как все оборотни, Кайл восстановился быстро. Когда Саймон грубо поднял его на ноги и проводил до машины, от ран на горле и под разорванной футболкой остались рубцы. Забрав у Кайла ключи, Саймон сел за руль. Вел машину молча. Молчал и Кайл, почти не шевелясь и глядя на свои окровавленные руки.

– С Морин все хорошо, – сказал он наконец, когда миновали Уильямсбергский мост. – Все не так плохо, как могло показаться. Ты еще не умеешь кусать людей: крови Морин потеряла немного. Я посадил ее в такси и отправил домой. Она думает, будто упала в обморок, ничего не помнит. Ей очень неловко.

Джордана стоило поблагодарить, но Саймон как-то не решался.

– Ты Джордан, – сказал он. – Бывший парень Майи. Ты покусал ее.

Доехав до Кенмар-стрит, Саймон повернул на север, к улице Бауэри, ее ночлежкам и круглосуточным магазинам.

– Да, – ответил Джордан. – Кайл – фамилия. Я сделал ее именем, когда присоединился к стражам.

– Если бы не Изабель, Майя бы тебя убила.

– У нее на то есть полное право.

Сказав так, Джордан умолк и не проронил ни слова, пока Саймон парковался, пока они шли вверх по лестнице до квартиры. Джордан сразу, не снимая окровавленной куртки и хлопнув дверью, закрылся у себя в спальне.

Собрав вещи, Саймон хотел уйти и... передумал. Бросил рюкзак у двери и упал в кресло, в котором и просидел всю ночь.

Позвонить бы Клэри, но пока слишком рано, да и Изабель предупредила: дескать, Клэри с

Джейсом ушли вместе. Не хотелось бы нарушать их уединение... И как там мама? Если б она видела Саймона этой ночью, с Морин, решила бы, что права: сын – чудовище до мозга костей.

Может, она не так уж и ошибалась?

Скрипнув дверью, в гостиную вышел Джордан, босиком, в джинсах. От шрамов на шее остались алые линии. Обыкновенно ясные и веселые глаза сегодня были мрачнее тучи.

– Думал, ты уйдешь.

– Собирался, если честно. Потом решил дать тебе шанс объясниться.

– Чего тут объяснять? – Прошлепав до кухни, Джордан принялся рыться в ящиках стола. Отыскал фильтр для кофеварки. – Что бы Майя ни сказала, все это наверняка правда.

– Она говорила, типа, ты ее ударил.

Не выходя из кухни, Джордан замер. Посмотрел на фильтр как на совершенно незнакомую деталь.

– Говорила, типа вы провстречались несколько месяцев, и все было зашибись. Потом ты вдруг озверел. Она потребовала объясниться, и ты ударил ее. Майя ушла. Однажды, когда она поздно ночью возвращалась домой, кто-то напал на нее и чуть не убил. А ты... исчез. Не извинился, не попрощался.

Отложив фильтр на стойку, Джордан спросил:

– Как она оказалась здесь? Как вышла на стаю Люка Гэрровэя?

Саймон покачал головой:

– Села на поезд до Нью-Йорка и отыскала местных волков. Майя очень мужественная, не сломалась. Другие на ее месте сразу бы сдались.

– Ты потому не ушел? Чтобы сказать, какой я урод? Я и сам это знаю.

– Я не ушел из-за того, что натворил ночью. Узнай я о твоём прошлом чуть раньше – точно не остался бы. Но Морин... – Саймон прикусил губу. – Я-то думал, что полностью себя контролирую, и вот нате: укусил невинного. Вот почему остаюсь.

– Типа, если я – не чудовище, то и ты – не монстр?

– Типа, хочу знать, как быть дальше. – Саймон подался вперед. – Ты был добр ко мне, ни разу не психанул, не подставил. Рассказывал, каким непутевым был до того, как примкнул к Волчьим стражам. Я подумал: может, нападение на Майю – из тех дел, за которые тебе стыдно?

– Признаюсь, грешен. И за Майю мне стыдно.

* * *

Сев за столом в свободной комнатухе у Люка, Клэри разложила перед собой кусочек материи из морга. Прижала ткань по краям карандашами и, взяв в руку стило, склонилась над ней. Попыталась припомнить новую руну.

Сосредоточиться никак не выходило, мыслями Клэри то и дело возвращалась к Джейсу, к прошлой ночи. Куда он пропал? Почему так несчастен? Ответ пришел только вчера, когда Клэри увидела, что Джейс страдает не меньше ее самой, и от горечи сердце чуть не разорвалось. Вернувшись домой, Клэри хотела позвонить ему и всякий раз себя одергивала. Если Джейс захочет обо всем рассказать – расскажет, заставлять его нельзя, такой уж он.

Закрыв глаза, Клэри силилась вспомнить магический узор. Не узор даже – узоры, и только один из них существует, да и то вряд ли занесен в Серую книгу. Форма и очертания руны говорили не напрямую, Клэри как бы видела их суть – нечто сокрытое, похороненное, с чего следует смахнуть прах, и тогда явится значение...

Стило дрогнуло в пальцах, и Клэри открыла глаза. На краю материи красовался знак в виде

кляксы. Глядя на расходящиеся в разные стороны отростки, Клэри нахмурилась. Неужели талант все-таки покидает ее? В этот миг полоска ткани замерцала, и в горячем мареве, как от нагретого асфальта, стали проявляться слова: «Собственность церкви Талто. Риверсайд-драйв, 232».

В голове аж загудело от возбуждения. Вот оно, улика, зацепка! Клэри сама отыскивала ее, без посторонней помощи!

Риверсайд-драйв, 232. Это в Верхнем Вест-Сайде, рядом с Риверсайд-Парк, через реку от Нью-Джерси. Не так уж и далеко. Церковь Талто... Обеспокоенно сдвинув брови, Клэри отложила стило. На самом деле, радоваться почти нечему. Подъехав на кресле к старенькому компьютеру Люка, она вышла в Интернет и вбила в строку поиска «церковь Талто». Понятно дело, поисковик ничего не выдал. Надпись в уголке материи – на языке демонов.

Что бы ни представляла собой церковь Талто, она явно тайная и добра не сулит. Если в ней превращают младенцев в когтистых тварей, настоящей религией тут и не пахнет. Интересно, мать, бросившая ребенка возле больницы, – из паствы? Знала ли она, кого родит?

Вздрогнув, Клэри потянулась за телефоном, однако звонить маме не стала. Джослин только-только успокоилась и согласилась пойти с Люком посмотреть кольца. И даже если Джослин способна принять правду, Конклав за несанкционированное расследование «спасибо» не скажет.

Люк? Он сейчас с Джослин, ему не позвонишь.

Мариза? Нет, страшно. Плюс – сколько ни закрывай глаза на факты, – Конклав махом заберет расследование себе. Клэри останется не у дел, на задворках тайны. К тому же получится, что она предаст мать.

Однако самой браться неизвестно за что... Да, Клэри тренируется, но недостаточно долго. И есть у нее дурная привычка сначала действовать, потом думать. Девушка неохотно взяла телефон и, помявшись немного, набрала эсэмэску: «РИВЕРСАЙД-ДРАЙВ, 232. ВСТРЕТИМСЯ НА МЕСТЕ, БЫСТРЕЕ. ВАЖНО!» Нажав «отправить», Клэри дождалась ответа: «ОК».

Вздохнув, отложила трубку и пошла за оружием.

* * *

– Я любил Майю, – признался Кайл. Он сидел на диванчике. Сварив наконец кофе, пить не стал, просто вертел в руках полную кружку. – Запомни это, прежде чем слушать дальше. Мы оба из задницы мира, выросли в городке в Нью-Джерси. Майя жила как в аду: отец черный, мать белая... и братец – полный психопат. Уж не знаю, рассказывала она тебе про него или нет.

– Да не особенно, – ответил Саймон.

– Майя не прогнулась под жизнь. Мы с ней познакомились в музыкальном магазине, она там покупала старые записи, еще на виниле. Мы разговорились, и я вдруг понял: передо мной самая клевая девчонка. Красивая, милая. – Взгляд Джордана уперся в пустоту. – Мы начали встречаться, и все было супер. Мы по уши влюбились, как влюбляются в шестнадцать лет. Потом меня покусали. Я часто дрался в клубах: меня били, пинали, но чтобы кусать... Я решил: парень псих – и со спокойной душой отправился в больницу. Мне наложили швы, и я забыл о драке.

Последствия проявились недели через три: волны неуправляемого гнева и агрессии. Я не соображал, что делаю. Однажды рукой пробил окно на кухне только потому, что заело ящик кухонного стола. Начал ревновать Майю к каждому фонарному столбу, думал, она... В общем, сорвался и ударил ее. Не помню как, просто знаю. Она рассталась со мной.

Джордан умолк. Сам не свой, он отпил глоточек кофе. Должно быть, он никому не рассказывал свою историю.

– Пару дней спустя я заглянул в один клуб и застал там Майю. Она целовалась с другим

парнем, словно желая доказать себе: между нами все кончено. Выбрала не самую лучшую ночь, хоть и не нарочно.

Было полнолуние, первое с того дня, как меня покусали. – Кайл так сильно сжал чашку, что побелели костяшки. – Я первый раз обернулся волком: кости ломало, плоть рвало в клочья, я бился в агонии, хотел вернуть Майю, но мог лишь выть. Потом, мчась по улицам, заметил ее. Она как раз выходила из парка перед домом.

– Ты напал на нее? – спросил Саймон. – И укусил?

– Да. – Джордан по-прежнему слепо смотрел перед собой, будто глядя в прошлое. – На следующее утро я все помнил. Захотел пойти к Майе, объясниться. На полпути к ее дому дорогу мне заступил один здоровяк. Сказал: типа, все обо мне знает, и ему жаль, что он не добрался до меня раньше. К Майе не пустил, сказал: я только хуже сделаю, а Волчьи стражи присмотрят за ней. Потом он дал понять: нападение на человека – серьезный проступок, и единственный шанс для меня избежать наказания – вступить в ряды стражей, научиться управлять своим гневом.

Я бы забил на предложение, плюнул бы в лицо тому амбалу. Я ненавидел себя, и очень сильно, думал: хотят наказать меня – пожалуйста. Когда же мне объяснили, что в качестве стража я смогу помогать таким, как я, предотвращать подобное тому, что произошло между мной и Майей, я увидел свет во тьме. Шанс исправить непоправимое.

– Понятно, – медленно произнес Саймон. – Значит, ты приписан ко мне, к бывшему парню девушки, которую ты покусал и сделал оборотнем. Странное совпадение, не находишь?

– Никакое это не совпадение. Твое досье я выбрал из целой пачки, как только увидел имя Майи. Вампир встречается с оборотнем. Та еще парочка. Я тогда первый раз полностью осознал, что Майя – волчица. Первый раз, как... сделал то, что сделал.

– Ты ни разу не навел о ней справки? Знаешь, это как-то...

– Я пытался. Надзиратель запретил, но я всеми силами искал сведения о Майе. Она бежала из дому. Правда, жизни ей там не давали, и эта новость ни о чем не говорила. К тому же государство не ведет переписи оборотней. Оставалось надеяться, что... Майя не обратилась.

– То есть ты взял мое дело из-за нее?

Джордан покраснел:

– Через тебя я надеялся узнать, как там Майя.

– Ты потому разозлился? Узнав, что я и с ней встречаюсь, и с другой? Хотел защитить ее?

Джордан глянул на Саймона:

– Ну, в общем да. По-дурацки вышло.

– Это ты подбросил ей флайер! – Саймон покачал головой. – Стражу положено и о личной жизни подопечного заботиться? Или ты из корыстных побуждений?

– Я нагадил Майе. Не хотел, чтобы ей нагадил кто-то еще.

– Ты не учел, что она может порвать тебя? Не опоздай она и застань тебя на сцене – порвала бы прямо в зале. Вот было бы шоу!

– Я не думал, что Майя ненавидит меня так сильно. В смысле, я простил того, кто покусал меня. Он не владел собой.

– У вас с ним ничего не было! Ты его знать не знал, а Майя тебя любила. Она-то думает: ты покусал ее из ревности. Она ненавидит тебя так же сильно, как когда-то любила.

Не успел Джордан ответить, как раздался звонок в дверь. Не по домофону, как если бы кто-то стоял на улице у парадной, а в дверь – значит, посетитель уже возле квартиры. Парни удивленно переглянулись.

– Ждешь кого-то? – спросил Саймон.

Покачав головой, Джордан отставил чашку. Вместе с Саймоном они вышли в маленькую прихожую, где страж вначале велел вампиру отойти назад и лишь потом открыл дверь.

В коридоре никого не оказалось. Только лежал на коврике с приветствием придавленный камнем лист бумаги. Подняв его и развернув, Джордан нахмурился.

– Тебе, – сказал он, отдавая записку Саймону.

Саймон озадаченно прочел накарябанное детским почерком послание:

Саймон Льюис, мы захватили твою подругу. Приходи до темноты к Риверсайд-драйв, 232. Или мы перережем ей горло.

– Розыгрыш, – сказал Саймон, тупо глядя на бумагу. – Я так думаю.

Не говоря ни слова, Джордан за руку оттащил Саймона в гостиную. Отыскал трубку беспроводного телефона, прижал ее к груди вампира и велел:

– Звони ей. Звони Майе, спроси, как она.

– Вдруг не ее поймали? – Саймон взглянул на трубку, и постепенно до него дошел весь ужас ситуации. Страх впился в мозг, не желая уходить, как не желает уходить от порога просящий выпустить его странник. Велев себе сосредоточиться и не паниковать, Саймон предположил: – Вдруг в записке сказано про Изабель?

– Господи! – простонал Джордан. – Еще подружки есть? Может, список составить?

Отняв у него трубку, Саймон отвернулся и принялся набирать номер.

Майя ответила со второго звонка:

– Алло?

– Майя... это Саймон.

Приветливости в ее голосе как не бывало.

– А-а... чего надо?

– Звоню убедиться, что с тобой все хорошо.

– Ну так все хорошо, – сдержанно ответила Майя. – У нас с тобой по-любому было несерьезно. Не то чтобы я счастлива, но жить буду. И да, ты – козел!

– Нет, погоди, я не то имел в виду.

– Ты про Джордана? – Имя бывшего она произнесла напряженно и злобно. – Ясно, вы двое уехали вместе. Дружбан твой? Передай ему: пусть держится от меня подальше. То же и тебя касается.

Майя повесила трубку. Гудок звучал как жужжание разгневанной пчелы.

Саймон посмотрел на Джордана:

– С ней все хорошо. Ненавидит нас обоих, но бояться нечего.

– Славно, – сухо ответил Джордан. – Звони Изабель.

Дозвониться до Иззи удалось только со второй попытки. Саймон уже начал паниковать, когда в трубке наконец прозвучал раздраженный голос:

– Надеюсь, мне звонят по важному поводу?

По телу прокатилась волна облегчения.

– Изабель, это Саймон.

– Боже ж ты мой! Чего надо?

– Хотел убедиться, что с тобой все хорошо...

– Ха... мне что, биться в истерике только потому, что ты оказался двуличным су...

– Нет. – Нервы натянулись до предела. – Ты цела? Невредима? Тебя не похитили?

После долгой паузы Изабель ответила:

– Саймон, я в жизни – слышишь? в жизни! – не слышала глупее повода позвонить девушке после расставания. Что с тобой?

– Сам не знаю, – ответил он и отключился, пока Изабель не отключилась первой. Передав

трубку Джордану, Саймон сказал: – И эта цела.

– Ничего не понимаю, – произнес сбитый с толку Джордан. – Зачем присылать пустые угрозы? Их так легко вычислить.

– Думают, наверное, что я тупой... – Саймон осекся. В голову пришла ужасная мысль, и он, отобрав трубку у Джордана, принялся набирать непослушными пальцами еще один номер.

– Кому звонишь? – спросил Джордан. – Кому?

* * *

Телефон зазвонил, как раз когда Клэри обогнула угол Девяносто шестой улицы и вышла на Риверсайд-драйв. Казалось, дождь смыл грязь с городских улиц; в чистом небе ярко светило солнце, и воды реки приобрели почти что голубой оттенок. Вдоль набережной тянулась зеленая полоска парка.

Отыскав в недрах сумки сотовый, Клэри открыла его:

– Алло?

В трубке голос Саймона воскликнул:

– О, слава б... – Вампир осекся. – Ты как? Тебя не похитили, не украли?

– Меня?! – Идя вдоль домов, Клэри следила за их номерами: 220, 224... Она сама толком не понимала, что искать. Церковь? Или замаскированное под руины здание? – Ты пьян?

– Рановато для выпивки. – Саймон не скрывал облегчения. – Просто... мне странное письмо прислали. Типа, захватили в заложники мою подругу.

– Которую?

– О-очень смешно. Я позвонил и Майе, и Изабель, у них все нормально. Потом я вспомнил о тебе, мы ведь много времени проводим вместе. Кто-то мог решить, будто ты моя девушка. Теперь не знаю, что и думать.

– Ну ты даешь. – Дом 232 возник перед Клэри внезапно: прямо по курсу выросло большое квадратное здание с остроконечной крышей. Когда-то в нем, может, и располагалась церковь, но только не сейчас.

– Вчера, кстати, Майя пересеклась с Изабель. Вышло неприятно. Ты была права, сказав, что я играю с огнем.

Большей частью в районе располагались дорогие жилища, со швейцарами. Фасад дома 232 несколько выделялся из окружения: высокие деревянные двери арочного типа, и ручки на них не стандартные круглые, а старинные, бронзовые.

– А... э... прости. Саймон. Девчонки с тобой разговаривают?

– Вроде нет.

Клэри толкнула дверь – та отворилась с тихим скрипом. Понизив голос до шепота, Клэри предположила:

– Может, они записку подбросили?

– Сильно сомневаюсь, – ответил искренне озадаченный Саймон. – Больше на Джейса похоже.

Услышав имя Джейса, Клэри чуть не задохнулась.

– Нет. Джейс и в гнев на такие фокусы не способен. – Отняв трубку от уха, Клэри просунула голову в дверь: самая что ни на есть обыкновенная церковь, и длинные ряды скамеек, и свечи на месте. Вреда не будет, если одним глазком поближе взглянуть. – Мне пора, Саймон. Позже перезвоню.

Захлопнув телефон, Клэри вошла.

– Уверен, что тебя разыгрывают? – Джордан метался по комнате, как тигр в клетке. – Н-да, по мне, так тоже дебильная шутка.

– Я не называл шутку дебильной. – Саймон посмотрел на лежащую на столе записку: корявые буквы видны были даже издалека. От одного взгляда на письмо с бессмысленной угрозой засосало под ложечкой. – Просто хотелось бы знать: кто ее затеял и для чего?

– Давай я на денек оставлю тебя и прослежу за ней? Так, на всякий случай.

– Имеешь в виду Майю? Намерения у тебя, конечно, благородные, но вряд ли ты ей нужен. Хоть в каком качестве.

Джордан стиснул зубы.

– Она меня даже не увидит.

– Ух ты-ы! Не разлюбил Майю, да?

– Несу за нее личную ответственность, – сухо проговорил Джордан. – Чувства тут ни при чем.

– Поступай как знаешь. Только...

В дверь снова позвонили. Парни переглянулись и спустя долю секунды бросились в прихожую. Опередив Саймона, Джордан схватил напольную вешалку.

Скинул с нее одежду и, замахнувшись как дротиком, распахнул дверь.

На пороге стоял Джейс. Моргнув, он спросил:

– Это что у тебя, вешалка?

Саданув ею о пол, Джордан вздохнул:

– Будь ты вампиром, она пригодилась бы.

– Угу, или будь я дед-во-сто-шуб-одет.

Высунувшись из-за Джордана, Саймон поспешил объяснить:

– Прости, утречко напряженное выдалось.

– Что ж, – сказал Джейс, – готовься: будет еще напряженнее. Я пришел сопроводить тебя в Институт, Саймон. Конклав желает говорить с тобой. И знаешь, ждать они не любят.

Закрыв дверь, Клэри ощутила себя в ином мире: шум и суeta Нью-Йорка остались позади, на улице. Помещение церкви было огромным: высокие потолки, длинный узкий проход между рядами скамеек и толстые бурые свечи в канделябрах на стенах. Клэри, привычной к яркому свету магических камней, здешнее освещение показалось тусклым.

Подошвы кроссовок мягко шоркали по пыльному камню полов. Ни единого окошка Клэри не заметила; в конце прохода имелась апсида: каменные ступеньки вели к подиуму с алтарем. Клэри прищурилась, поняв наконец, что, кроме окон, в церкви нет еще и крестов. Вместо распятия на алтаре возвышалась каменная табличка, увенчанная изображением совы. Надпись на ней гласила:

ДОМ ЕЕ – ОБИТЕЛЬ СМЕРТИ,
И ПУТЯМИ ЕЕ СТУПАЮТ МЕРТВЫЕ.
ПОШЕДШИЕ ЗА НЕЙ
НЕ ВОЗВЕРНУТСЯ БОЛЕЕ

Клэри часто-часто заморгала. Библейской мифологией она не особенно увлекалась и не могла, как Джейс, процитировать на выбор отрывок из Писания, однако при всем своем религиозном звучании текст на табличке не походил на церковный. Вздвогнув, Клэри подошла ближе к алтарю, где помимо таблички размещалась большая книга. Раскрыв ее, Клэри увидела отмеченный пассаж; то, что она поначалу посчитала закладкой, оказалось ножом: черная рукоять исписана магическими символами. Подобные ритуальные инструменты Клэри встречала на иллюстрациях в учебниках. Нож атаме частенько применяют для призыва демона.

По желудку разлился противный холодок. Клэри все же присмотрелась к отмеченному отрывку... и не поняла ни слова: шрифт стилизованный, плотный, сжатый, да и вообще язык не английский. Буквы угловатые, словно ошестинившиеся острыми шипами; Клэри таких прежде не видела. Над словами размещалась иллюстрация: круг для призыва, какой рисуют маги перед активацией заклинания. Подобные круги на полу притягивают и концентрируют магическую энергию. Этот узор, выполненный зелеными чернилами, представлял собой два концентрических круга и вписанный в них квадрат. В промежутке между кругами шли рунические строки. Знаки Клэри не поняла, но язык распознала всем своим естеством и вздрогнула. Язык крови и смерти.

Быстро перевернув страницу, Клэри судорожно втянула воздух.

Далее приводилась серия иллюстраций. На первой – женщина, на левом плече у нее ворон, злобная, коварная птица. На второй ворона уже нет, зато женщина изображена беременной. На третьей она возлежит на алтаре (точно таком, перед которым сейчас стояла Клэри). У алтаря – фигура в мантии, сжимающая в руке современный шприц, полный темно-красной жидкости. Женщину нарисовали кричащей, а значит, она понимает, что с ней творят.

На последней картинке женщина держала на коленях дитя: почти нормальное, только глаза полностью черные. Мать смотрела на чадо с ужасом.

Волосы на затылке зашевелились. Джослин права: кто-то пытается создавать детей, подобных Джонатану. То есть уже создает.

Клэри отступила от алтаря. Каждая клеточка в теле предупреждала: с этим местом что-то неладно, пора убираться отсюда. Лучше подождать снаружи, пока не прибдет кавалерия. Клэри, может, и нашла зацепку, но с тем, куда привела нить, ей не справиться.

Тут сверху зашелестело, тихо, словно во время прилива. Крепко сжав в руке атаме, Клэри подняла голову, да так и замерла: на втором этаже всю галерею занимали молчаливые фигуры: серые беговые костюмы и кроссовки. Они неподвижно стояли, положив руки на перила, и смотрели вниз, на Клэри. Она не видела лиц – мужских ли, женских? – под низко нахлобученными капюшонами.

– П-простите, – пробормотала Клэри. Голос отразился от стен громким эхом. – Я не хотела вторгаться и...

Ответом ей была давящая тишина. Сердце заколотилось быстрее.

– Так я пойду? – спросила Клэри, сглатывая сухой комок в горле.

Положив атаме на алтарь, уже хотела развернуться к выходу, как вдруг уловила знакомый запах гниющего мусора. Между Клэри и дверью, словно непреодолимая стена, возникла кошмарная мешанина чешуйчатой кожи, бритвенно-острых зубов и когтей.

Последние семь недель Клэри упорно училась встречать лицом к лицу демонов, даже таких огромных. Однако сейчас, в реальной жизни, ей удалось только выдавить из себя крик.

Демон кинулся на Клэри, и в тот же миг она перестала кричать. Отскочила назад и, сделав идеальное сальто, приземлилась на четвереньки позади алтаря. Вот бы Джейс видел! Чудовище врезалось в возвышение, и камень задрожал.

Клэри выглянула из-за укрытия. Демон оказался не таким уж и крупным, но и не маленьким, размером где-то с холодильник, с тремя головами на шеях-стеблях. Глаз чудовище не имело. Изо ртов нитями свисала зеленая слюна. Демон, подвывая, качал ушибленной левой башкой.

Серые фигуры тем временем наблюдали за происходящим с отстраненным интересом. Никто из них не двинулся с места. Окинув помещение диким взглядом, Клэри выходов не заметила, только парадные двери, но их загородил монстр. Понимая, что тратить время нельзя, Клэри схватила атаме, и буквально в следующий миг к ней потянулась голова на толстой шее. Юркнув в сторону от извивающегося черного языка, девушка с криком вонзила в шею демону нож. Освободила лезвие и вновь отскочила в сторону.

Запрокинув голову и брызжа черной кровью, тварь взвыла. Впрочем, рана оказалась не смертельной. Прямо на глазах черновато-зеленая плоть затягивалась, будто сшиваемая ткань. Ну конечно же нефилимы затем и бьются руническим оружием, чтобы нанесенные демонам раны не закрывались.

Выдернув из-за пояса стило, Клэри ушла от новой атаки. Получилось. Оступившись, кубарем покатила по ступенькам. Стукнулась о ряд скамеек. Демон похромал к ней. В падении Клэри чуть порезалась ножом, и спереди на одежде набухла кровавая клякса. Клэри перехватила нож левой рукой, в правую взяла стило и с отчаянной быстротой начертила на рукояти Руну Энкели.

Под действием ангельского Знака прочие символы словно растаяли и потекли. Тем временем чудовище, раззявив все три рта, почти настигло Клэри. Вскочив на ноги, она ударила его с размаху. Как ни странно, клинок по самую рукоять вошел точно в лоб средней головы. Заверещав, монстр дернулся – Клэри тут же ощутила душевный подъем, – а потом шея просто-напросто обмякла, и башка с отвратительным звуком шмякнулась о пол. Демон, Впрочем, не погиб. Волоча за собой поверженную голову, он продолжал наступать.

Сверху раздался топот множества ног – серые покидали свои места. Галерея внезапно опустела. Радости это не принесло, сердце все еще выбивало бешеный ритм, и Клэри опрометью кинулась к двери. Демон оказался проворней: хрюкнув от натуги, он перепрыгнул через девушку и загородил проход.

Шипя и вытягивая шеи с уцелевшими головами, он наступал...

Мелькнула серебристо-золотая молния. Демон дернул головами, зашипел громче, но все без толку: молния оплелась вокруг шей, стянула их и через мгновение сорвала с плеч. Брызнули фонтаны черной крови; Клэри откатилась в сторону, едва кожи коснулись обжигающие капли. Девушка съежилась в комок. Обезглавленное тело падало прямо на нее...

И вдруг оно растворилось, затянутое назад в родное измерение. Клэри осторожно приподняла голову – в открытых дверях стояла Изабель: ботинки, черное платье, в руке хлыст из электрума. Сведя брови и неспешно наматывая оружие на запястье, Изабель с любопытством оглядывала церковь. Заметив Клэри, она ухмыльнулась:

– Пипец, подруга. Во что ты вляпалась?

Саймон ощутил легкое прикосновение, похожее на касание льдистых крыльев. Он вздрогнул, когда раб сморщенными руками снял с его глаз повязку и после с поклоном отступил.

Оглядевшись, Саймон прищурился. Только что он стоял под ярким солнцем на пересечении Семьдесят восьмой улицы и Второй авеню (достаточно далеко от Института, чтобы не вызвать подозрений Камиллы). Теперь оказался в тускло освещенной комнате, просторной, с гладким мраморным полом и изящными мраморными колоннами до самого потолка. Вдоль левой стены тянулся ряд кабинок; на стеклянных дверцах крепились медные таблички с надписью «КАССА». Еще табличка на стене гласила: «НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК ДУГЛАСА». Пол и стойки, у которых люди когда-то подписывали чеки или документы на выдачу денег с депозита, давно покрылись толстым слоем пыли, а медная оправа ламп – зеленоватой паутиной.

В центре зала в кресле сидела Камилла: волосы распущены и серебристым дождем ниспадают на плечи; макияжа нет, только губы, красные-красные, кажутся единственным ярким пятнышком в сумрачном помещении.

– Обычно я днем никого не принимаю, светолуб, – сказала вампиресса. – Для тебя делаю исключение.

– Спасибо.

Сесть не предложили, и Саймон продолжал стоять. Не будь он нежитью, сердце бы сейчас колотилось с умопомрачительной скоростью. Согласившись помочь Конклаву, он и забыл, как сильно его напугала Камилла. Казалось бы, чем она опасна? Что сделает Саймону? И все же...

– Полагаю, ты обдумал предложение? И принимаешь его?

– Почему вы так решили? – спросил Саймон, надеясь не выдать глупым вопросом того, что он просто тянет время.

В глазах Камиллы отразилось легкое нетерпение.

– Ты хотел отказать мне лично? Побойся моего гнева.

– А стоит ли?

Улыбаясь, Камилла откинулась на спинку крылатого кресла, очень модного, современного и роскошного, в отличие от прочей обстановки банка. Должно быть, кресло утащили откуда-нибудь рабы (они сейчас стояли по обеим сторонам от Саймона, словно две колонны).

– Многие боятся, – ответила вампиресса. – Тебе, правда, незачем. Ты мне нравишься, и хотя протянул до последнего – я чувствую: решение ты принял верное.

Как на грех, зазвонил сотовый. Вампир подпрыгнул на месте и, чувствуя, что по спине стекает струйка холодного пота, выудил мобильник из кармана куртки.

– Извините, – сказал он, открывая «раскладушку». – Я отвечу.

В ужасе, Камилла предупредила:

– Не смей!

Поднимая трубку к уху, Саймон успел несколько раз сфотографировать интерьер.

– Я недолго.

– Саймон.

Нажав кнопку «отправить», он таки закрыл телефон:

– Извините, не подумал.

Хоть вампиры и не дышат, грудь Камиллы бурно вздымалась и опадала.

– От своих слуг я требую больше уважения, – гневно произнесла вампиресса. – Что б больше подобного не повторялось, или...

– Или – что? Ни вы, ни кто-либо другой не причинит мне вреда, и потом, вы обещали не

рабство, а партнерство. – Ох, не переборщить бы с наглостью. – Может, мне пересмотреть свое решение?

Взгляд Камиллы потемнел.

– Бога ради, не будь дурачком!

– Как вы смеее произносить это слово? – требовательно спросил Саймон.

Камилла выгнула тонкие брови:

– Которое? Не нравится, что тебя называли дурачком?

– Нет... да. Не нравится. Я о другом. Вы сказали: «Б... б...» – Голос Саймона надломился.

Он так и не сумел произнести «Бог».

– Просто я в Него не верю, глупыш. В отличие от тебя. – Наклонив голову набок, Камилла посмотрела на Саймона, как птичка – на червяка. – Пришла пора клятвы на крови.

– К-клятвы на крови? – спросил Саймон. Не послышалось ли ему?

– Я и забыла, как ограничены твои познания в традициях нашего рода. – Камилла покачала головой. – Ты собственной кровью подпишешь клятву верности, которую не сможешь нарушить. Считай это нашим... брачным контрактом. – Улыбнувшись, она блеснула клыками. – Подойди же.

Камилла властно щелкнула пальцами, и рабы, склонив седые головы, поспешили к хозяйке. Один из них протянул ей нечто вроде стеклянного пера с изогнутым металлическим наконечником.

– Придется тебе самому надрезать свою плоть, – сообщила Камилла. – Я бы и сама справилась, однако Печать не даст. Импровизируем.

Саймон не спешил. Он чувствовал западню, коварную ловушку. Достаточно узнав о мире сверхъестественного, юный вампир понимал: клятвы для нежити – не пустые слова, их не нарушишь. Обещание сковывают невидимыми цепями, и возможно, что, подписав клятву кровью, Саймон действительно останется верен Камилле. Навсегда.

– Ну же! – В ее голосе послышалась нотка раздражения. – Не время мешкать.

Сглотнув, Саймон шагнул ей навстречу, еще ближе. Дорогу заступил один из рабов, протянувший ему нож: отвратительный, с игольно-узким клинком. Приняв инструмент, Саймон занес его над запястьем и тут же опустил:

– Знаете, я вообще-то боли боюсь и ножей...

– Режь, – прорычала Камилла.

– Должен быть иной способ.

Полностью выпустив клыки, Камилла поднялась из кресла. Да она в бешенстве!

– Если не прекратишь тратить мое время...

Договорить ей не дал резкий звук. В зале будто разорвали гигантское полотно. В стене напротив образовалась большая мерцающая панель. Удивленная и пораженная, Камилла раскрыла рот. Узнала, что это – как и Саймон.

В банке открылся портал. И через него в помещение ввалилась дюжина Охотников.

* * *

– Вот так, – сказала Изабель, небрежным жестом отодвигая аптечку. Они переместились в одну из гостевых комнат Института. В каждом таком помещении имелись нехитрая мебель, маленькая ванная, гардероб, комод и, разумеется, аптечка и даже запасное стило. – Руна Иратце действует хорошо, но синяки исчезнут не сразу. И вот это, – Изабель провела пальцами по ожогам, – до завтра точно не пройдет. Впрочем, отдых поможет заживлению.

– Отлично. Спасибо, Изабель. – Клэри взглянула на руки: правая забинтована; рубашка порвана и все еще в пятнах крови, хотя исцеляющая руна уже заживила порезы. Клэри и сама могла бы нанести Иратце, но так приятно, когда о тебе заботятся. Пусть Изабель не самая нежная и чуткая из знакомых Клэри, она может быть доброй, если захочет. – И спасибо, что так вовремя прибежала и... ну, спасла от... той фигвины.

– Демон гидра, я же говорила. Голов у него много, а мозгов – ни шиша. И потом, до моего прихода ты неплохо справлялась. Здорово с атаме придумала, умеешь соображать в экстремальных ситуациях. Способность делать дырки в демонах – это не все навыки Охотника. – Изабель плюхнулась на кровать подле Клэри. – Пожалуй, стоит поискать сведения о церкви Талто, пока не вернулся Конклав. Может, выясним, что происходит. Больница, дети... бр-р-р... не нравится мне это.

Клэри успела подробно объяснить, зачем пошла в церковь Талто, рассказала даже про демонического младенца, умолчав, правда, об участии матери. Притворилась, будто ее одну терзают подозрения. Изабель чуть не вывернуло наизнанку от описания мертвого ребенка, его черных глаз и когтей.

– Похоже, кто-то пытается создать еще больше тварей вроде... моего брата. Провели опыт на какой-нибудь примитивной, – поделилась соображениями Клэри, – и та не сумела принять рожденного ею же ребенка. Сошла с ума. Не понимаю, кому такое нужно? Последователю Валентина? Не пойманному, продолжающему дело моего отца?

– Не исключено. Или опытами занимается какой-нибудь культ демонопоклонников. Таких много. Правда, и я ума не приложу, кому понадобились себастьянистые уроды. – Голос Изабель чуть дрогнул, искаженный ненавистью.

– Вообще-то моего брата звали Джонатан.

– Как и Джейса, – сдержанно напомнила Изабель. – Я не собираюсь называть этого монстра именем моего брата. Для меня он был и останется Себастьяном.

Изабель дело говорит, нельзя не признать. Клэри и сама с трудом привыкла к тому, что Себастьян – это Джонатан. Несправедливо, конечно, по отношению к настоящему Себастьяну, однако легче оставить за коварным сыном Валентина имя незнакомца, чем уподоблять его кому-то из близких.

– Как бы там ни было, спасибо за эсэмэску. – Изабель хоть и говорила непринужденно, разум ее активно работал, просчитывая возможные версии, варианты. – Я сразу поняла: готовится что-то неладное. И потом, мне скучно. Вся семья убежала на встречу с Конклавом, у них там какие-то секреты. Я не пошла, потому что и Саймона пригласили, а я его ненавижу.

– Саймона призвал Конклав? – поразила Клэри. И правда, Институт сегодня особенно пуст, и Джейса нет. Впрочем, последнего Клэри и не ожидала застать. – Я говорила с Саймоном, еще утром, и никуда он не собирался.

Изабель пожала плечами:

– Обсуждают вампирский вопрос. Большого мне не открыли.

– Саймону ничего не грозит?

– Хватит его опекать, Клэри! У Саймона Каинова печать. Его взрывай, расстреливай, топи, режь – ничего ему не сделается. – Изабель одарила Клэри тяжелым взглядом. – Странно, ты не спрашиваешь, почему я ненавижу Саймона. Знала, что он на два фронта работает?

– Знала. Прости.

Изабель отмахнулась от признания:

– Ты его лучший друг. Странно было бы, если бы он тебе не сказал.

– Надо было тебе настучать. Просто... я не думала, что у вас с Саймоном так серьезно.

– Правильно, что не думала, – нахмурилась Изабель. – Мне показалось, Саймон серьезно

воспринимает наши отношения. Ведь я не из его круга общения... Хотелось думать о нем лучше, чем о других парнях.

– Может, Саймону подыскать девушку из его круга? – Под взглядом Изабель Клэри покраснела. – Прости. Ваши отношения – не моего ума дело.

Изабель стянула волосы в узел на затылке. Нервничает.

– Определенно. Я бы тоже могла спросить, почему ты позвала к церкви меня, а не Джейса, но не спрашиваю. Знаю: у вас с ним что-то не так, несмотря на страстные обнимашки-целовашки в ночном переулке... – Она очень пристально посмотрела на Клэри: – Вы переспали?

Клэри покраснела еще гуще:

– Н-нет, не спали. При чем здесь это?

– Ни при чем. – Изабель прижала узел волос к затылку. – Из чистого любопытства спрашиваю. Чего ждете-то?

– Изабель... – Подтянув колени к груди, Клэри обхватила их руками и вздохнула. – Ничего. Просто не торопимся. Я ведь еще ни разу... ну...

– Зато Джейс успел. Я так думаю, точно говорить не берусь. Знай, если что-то понадобится... – Изабель многозначительно посмотрела на Клэри.

– Что мне может понадобиться?

– Средства защиты. На всякий пожарный. – Говорила Изабель жутко практично, словно о запасных пуговицах. – Ангелу бы создать особую руну для контроля рождаемости, но фиг вам. Надо предохраняться.

– Да что уж я, совсем неграмотная?! – пролепетала Клэри. Щеки который раз налились румянцем. – Хватит! Ты меня в краску вгоняешь.

– Обычный девичий разговор. Ты краснеешь потому, что все детство дружила с одним Саймоном, а с ним о Джейсе не поболтаешь. Вот это уже будет неловко.

– Джейс тебе ничего не говорил? Что его беспокоит? – шепотом спросила Клэри. – Точно?

– Ему и не надо было ничего говорить. При том, как ты себя вела последнее время и как Джейс ходил с траурной миной, только слепой бы не догадался: что-то не так. Почему ты раньше ко мне не обратилась?

– У него хотя бы все в порядке? – тихонько спросила Клэри.

Встав с кровати, Изабель посмотрела на подругу сверху вниз:

– Нет. Ничего-то у него не в порядке. А у тебя?

Клэри мотнула головой.

– Так и думала, – сказала Изабель.

* * *

Как ни странно, Камилла даже не стала отбиваться. Она с криками бросилась к двери, у которой и замерла – снаружи-то день, и солнце испепелит ее. Съездившись, Камилла обнажила клыки и глухо зашипела.

Саймон отступил, давая дорогу Сумеречным охотникам. Они устремились вперед, как стая черных воронов, и среди них Джейс: лицо бледное и неподвижное, словно высеченное из мрамора. Походя он пронзил палашом одного из рабов, будто отмахнулся от мухи. Мариза клинком серафима скосила второго слугу. (Ее черные волосы развевались, совсем как у Изабель.) Выставив перед собой оружие, она пошла на Камиллу, бок о бок с высоким нефилимом, чьи предплечья украшала черная руническая вязь.

Остальные нефилимы рассредоточились по залу, проверяя помещение странными

пгуковинами – сенсорами – на предмет демонической активности. На слуг, лежащих в лужах остывающей крови, внимания не обращали. Точно так, как не обращали внимания на Саймона, будто он неживая колонна.

– Камилла Белькур, – произнесла Мариза, и ее голос эхом отразился от мраморных стен. – Ты нарушила Закон и подлежишь наказанию. Сдаешься или будешь сражаться?

Камилла плакала, совершенно не стыдясь слез, – окрашенные кровью, они оставляли на белом лице алые дорожки.

– Уокер, – задыхаясь, произнесла вампиресса. – И мой Арчер...

Мариза озадаченно посмотрела на стоящего рядом Охотника:

– О чем она, Кадир?

– Полагаю, оплакивает смерть слуг.

– Законом запрещено обращать в слуг человеческих существ, – отмахнулась Мариза.

– Я обратила их до того, как вы навесили на нежить свои проклятые Законы, сука. Арчер и Уокер служили мне двести лет. Они были мне как дети.

Мариза плотнее стиснула рукоять оружия.

– Да что ты знаешь о детях? – прошептала она. – Твой род умеет лишь разрушать.

На мгновение заплаканное лицо Камиллы озарилось триумфом.

– Поверь, знаю. Что бы ты ни говорила, как бы ни оболгала меня, ты ненавидишь мой род.

Выражение лица у Маризы сделалось жестче.

– Взять ее. Отвести в Святилище.

Джейс и Кадир зашли с обеих сторон и крепко взяли вампирессу под руки.

– Камилла Белькур, ты обвиняешься в убийствах людей, – объявила Мариза, – а также в убийствах нефилимов. Тебя проводят на допрос. Наказание за убийство нефилима – смертная казнь, однако чистосердечное признание может сохранить тебе жизнь. Понятно?

Вызывающе вскинув голову, Камилла ответила:

– Я стану говорить только с одним человеком. Если он не придет, я ничего не скажу. Убивайте меня, казните – и ничего не узнаете.

– Будь по-твоему. Кого ты хочешь видеть?

– Магнуса Бейна, – обнажила зубы Камилла.

– Магнуса Бейна?! Высшего мага Бруклина? Зачем он тебе?

– Только он услышит от меня ответы. Он или никто.

Больше вампиресса не сказала ни слова. Саймон, глядя ей вслед, отнюдь не чувствовал себя победителем. Напротив, внутри ощущалась странная пустота, и как-то болезненно скрутило желудок. Саймон глянул на трупы рабов; они ему нравились не больше хозяйки, но они и не выбирали способа существования. Как и Камилла, наверное. Хотя для Охотников она была и будет монстром. Не потому что убила других нефилимов, просто иначе о вампирах они думать не могут.

Втолкнув Камиллу в портал, Джейс нетерпеливо махнул Саймону рукой:

– Идешь, нет?

«Что бы ты ни говорила, как бы ни оболгала меня, ты ненавидишь мой род...»

– Иду, – ответил Саймон и неохотно пошел к переходу.

– Как по-твоему, для чего Камилле Магнус? – спросил Саймон.

Они с Джейсом стояли у дальней стены Святылища, большой комнаты, соединенной с Институтом узким коридором. По сути, Святылище – не часть Института, его намеренно не освятили, дабы держать здесь вампиров и демонов. Святылища, по словам Джейса, вышли из моды с изобретением Проекций, однако время от времени и им находилось применение. Похоже, настал именно такой, исключительный момент.

Потолок подпирали колонны, а в коридор до Института вели широкие двойные двери. Огромные выбоины в полу говорили о том, что тварей в Святылище помещали не мирных и довольно крупных. Саймон невольно задумался: сколько еще просторных помещений с колоннами предстоит посетить? У одного из столбов стояла Камилла; двое Охотников заломили ей руки за спину. Мариза расхаживала взад-вперед, то и дело обмениваясь фразами с Кадиром. Видимо, пытаются выработать план действий.

Окон, по понятной причине, предусмотрено не было. Всюду горел ведьмин огонь, заливая комнату причудливым беловатым свечением.

– Не знаю, – ответил Джейс. – Может, хочет взять уроки моды?

– Ха-ха... А кто это рядом с твоей матерью? Лицо знакомое...

– Кадир. Ты, наверное, встречал его брата, Малика. Он погиб при штурме корабля Валентина. Кадир – второй после мамы член Конклава. Мариза на него очень полагается.

Кадир завел Камилле руки за колонну и заключил ее в цепи. Вампиресса коротко вскрикнула.

– Освященный металл, – бесцветным голосом заметил Джейс. – Он их обжигает.

«Их»... В смысле «вас». Саймон – родич Камиллы, общение с Джейсом не делает его особенным.

Кадир отступил, бесстрастно глядя на хнычущую вампирессу. Черные руны на его смуглых руках вились до самой шеи. Нефилим бросил Маризе несколько слов, среди которых Саймон разобрал три: «Магнус» и «огненное послание».

– Снова Магнус, – проговорил Саймон. – Он ведь путешествует.

– И Магнус, и Камилла долгожители. Неудивительно, что они знакомы. – Джейс равнодушно пожал плечами. – Магнуса в любом случае призовут. Мариза хочет слышать ответы, очень хочет. Камилла высушила нефилимов не ради крови. Ради пищи не обязательно так напрягаться.

Мельком вспомнив о Морин, Саймон почувствовал себя дурно.

– Ну, – как можно спокойнее и хладнокровнее сказал он, – заодно и Алек вернется. Разве не здорово?

– Еще как, – безжизненно ответил Джейс. Его внешний вид оставлял желать лучшего: от беловатого свечения ведьминог огня скулы проступили еще острее. Джейс сильно похудел; ногти его были обкусаны до мяса, под глазами темнели неизменные синяки.

– Хотя бы план твой сработал, – добавил Саймон, пытаясь добавить огонька в беседу. Именно Джейс придумал сфотографировать логово Камиллы – чтобы навести портал. – Хорошая идея.

– Я и не сомневался. – Комплимент ему нисколько не польстил.

Тут распахнулись двери, и в Святылище влетела Изабель: черные волосы развеваются, ботинки стучат по каменному полу. Оглядевшись и почти не обратив внимания ни на Камиллу,

ни на Охотников, она сразу направилась к Джейсу и Саймону:

– Зачем выдергивать бедных Магнуса и Алека? У них билеты в оперу пропадают!

Уперев руки в бока и не глядя на Саймона, Изабель выслушала объяснения Джейса.

– Ясно, – сказала она. – Глупая затея: Камилла просто тянет время. Чего ради ей нужен Магнус? – Изабель обернулась к вампирессе, которую успели привязать к колонне серебристо-золотой цепью; металлические звенья пересекали тело нежити на груди, ногах и даже лодыжках. – Освященный металл?

Джейс кивнул:

– Наручники имеют подкладку, но если Камилла начнет дергаться... – Он издал шипящий звук.

Саймон, вспомнив, какую боль ему причиняла Звезда Давида на тюремной решетке в Идрисе, чуть не ударил Джейса.

– Ну, пока вы ловили вампиров, я успела смотаться на окраину города и замочить там Гидру, – поделилась Изабель. – На пару с Клэри.

– С Клэри? – встрепнулся Джейс. – Ты взяла ее с собой на охоту? Изабель...

– Все не так. К моему приходу она уже билась с демоном.

– Тогда откуда ты...

– Клэри прислала мне сообщение. – Изабель полюбовалась идеальными ногтями.

– Сообщение? – Джейс схватил Изабель за руки. – С ней все хорошо? Она не пострадала?

Изабель опустила взгляд на свои запястья и снова посмотрела Джейсу в лицо. Больно ей было или нет, Саймон сказать не мог, но взглядом девушка могла бы разрезать стекло. Не менее острый сарказм сквозил в ее голосе:

– Нет, Клэри наверху, истекает кровью. Я не сказала сразу, потому что люблю нагнетать саспенс.

Джейс, опомнившись, отпустил ее:

– Клэри здесь?

– Наверху, – повторила Изабель. – Отдыхает...

Джейс, не дослушав, выбежал из Святилища. Глядя ему вслед, Изабель покачала головой.

– А чего ты от него ждала? – произнес Саймон.

Какое-то время Изабель молчала. По ходу дела, твердо решила его игнорировать.

– Ежу понятно, – ответила она вдруг. – Просто хотелось бы знать, что у них с Клэри за беда.

– По-моему, они и сами не знают.

Изабель беспокойно прикусила нижнюю губу. В этот миг она словно помолодела, и вместе с тем на лице у нее отразилась непривычная внутренняя борьба. Что-то с ней происходит. Саймон терпеливо дожидался, пока Изабель обернется к нему.

– Не дай бог мне такого. Идем, поговорить надо.

И она зашагала по направлению к дверям в Институт.

– Серьезно, что ли?!

Изабель посмотрела на Саймона испепеляющим взглядом:

– Прямо сейчас – да. Правда, не обещаю, что настроение продлится долго.

Саймон примирительно поднял руки:

– И мне надо поговорить с тобой, Из. Только мне в Институт нельзя.

Между бровей Изабель залегла тонкая складка.

– Это еще почему? – Осекшись, девушка глянула на двери, на Саймона, на Камиллу, снова на Саймона. – А... да, вспомнила. Как же ты сюда прошел?

– Телепортировался. Джейс говорит: здесь есть коридор и несколько дверей, ведущих наружу. Для вампиров.

Саймон указал на узкую дверь в нескольких футах от него. Дверь была заперта на ржавую задвижку, и, судя по всему, этим выходом давно не пользовались.

Пожав плечами, Изабель согласилась:

– Пошли.

Заскрежетала щеколда. С нее легким красноватым облачком слетели хлопья ржавчины. За дверью оказалась небольшая комната с голыми каменными стенами, вроде монастырской ризницы: несколько дверей, ведущих, скорее всего, наружу; никаких окон; застоявшийся холод, от которого Изабель в коротком платишке вздрогнула.

– Послушай, – сказал Саймон, решив, что бремя вины обязывает его начать разговор первым. – Мне правда очень жаль. Невозможно простить...

– Согласна. Раз уж ты начал, объясни: в честь какого праздника ты тусуешься с типом, заразившим Майю ликантропией?

Саймон как можно беспристрастнее пересказал историю Джордана. Важно объяснить Изабель, что он не знал, кто такой этот Джордан, и что сам Джордан раскаивается в содеянном.

– Не то чтобы он теперь белый и пушистый, просто...

«...Просто все мы совершаем ошибки», – хотел закончить Саймон, но про Морин он рассказать не может. Только не сейчас.

– Знаю, – ответила Изабель. – И про Волчьих стражей я слышала. Если они приняли в свои ряды Джордана, значит, парень – не фигня какая-нибудь. – Она пристально посмотрела на Саймона. – Впрочем, это не объясняет, на кой ляд тебе защитник. Есть же... – Она указала Саймону на лоб.

– Я не собираюсь терпеть покушения до конца дней своих и чтобы Печать рвала на части каждого неудачника. Хочу знать, зачем на меня нападают. Джордан предложил помочь с расследованием. Джейс тоже.

– Думаешь, Джордан и правда тебе помогает? Конклав может повлиять на стражей, и если хочешь – заменим Джордана.

– Да, – нерешительно ответил Саймон. – Джордан и правда помогает. А на Конклав все время полагаться нельзя.

– Ладно. – Изабель привалилась спиной к стене. – Ты никогда не задумывался, почему я так отличаюсь от братьев? В смысле, от Алека и Джейса.

Саймон удивленно моргнул:

– Отличаешься? Помимо того, что ты девушка, а они... нет?

– Ты не так понял, болван. У моих братьев нет проблем с личной жизнью, они влюблены. Типа, навечно. Для них все ясно: Джейс любит Клэри так, как больше никого не полюбит. У Алека то же самое. Макс... Не знаю, как обстояли бы дела у него, но мелкий всем доверял. Я же не верю никому.

– Все мы разные, – как можно участливее произнес Саймон. – Это не значит, что другие счастливей тебя...

– Еще как значит! По-твоему, я слепая? – Изабель окинула Саймона тяжелым взглядом. – Ты ведь знаешь моих родителей.

– Не особенно. – Ни Роберт, ни Мариза не горели желанием знакомиться ближе с кровососущим ухажером дочери, и чувство Саймона, будто он – очередной нежеланный кандидат, лишь усиливалось.

– Они оба состояли в Круге. Правда, отец никогда полностью не разделял идей Валентина, присоединиться к нему предложила мать. Когда членов Круга объявили вне закона и родители поняли, как испортили себе жизнь, отец во всем обвинил ее. Но родился Алек, на подходе была я, и потому отец не ушел из семьи. Когда Алеку исполнилось девять, отец встретил кое-кого.

– Опа! Твой папа изменял маме? Это... ужасно.

– Мама раскрыла тайну, когда мне исполнилось тринадцать. Отец порвал с той женщиной, едва узнав, что мама беременна Максом. Остался с нами. Имени его любовницы мама не назвала, просила только сохранить историю в секрете. И наказала никогда не доверять мужчинам на все сто.

– Скелет так и остался в шкафу?

– До сего дня.

Саймон представил маленькую Изабель, хранящую от братьев страшный секрет.

– Нельзя было тебя об этом просить! – разозлился вдруг он. – Мариза поступила нечестно.

– Может, и так. Я считала себя особенной, не видя, как меняюсь. Смотрела, как братья открывают сердца, и думала: «Ведь сердце так легко разбивается! Даже когда оно заживет, прежним тебе не быть».

– Можно стать лучше. Я считаю, что изменился в лучшую сторону.

– Ты о Клэри? Она разбила тебе сердце.

– На мелкие кусочки. Когда тебя предпочитают собственному брату, это пожестче простого обмана. Я надеялся, что однажды Клэри откажется сблизиться с Джейсом, поймет бессмысленность таких отношений и вернется ко мне. Потом стало ясно: ей никогда не разлюбить Джейса, и если Клэри придет ко мне от отчаяния, то лучше пусть совсем не приходит.

– Я и не знала, что ты порвал с ней. Думала...

– Что у меня нет чувства собственного достоинства? – Саймон кисло улыбнулся.

– Что ты по-прежнему любишь Клэри, и остальные девчонки для тебя – временное увлечение.

– Ты сама выбираешь парней, для которых ты – временное увлечение. Чтобы потом было проще расстаться.

Изабель сверкнула глазами, но вслух не ответила.

– Ты мне небезразлична, – признался Саймон. – И всегда была мне интересна.

Изабель шагнула к нему, и Саймон услышал, как она дышит, как бьется ее пульс. Ощутил запах шампуня, пота, духов с ароматом гардении и крови Сумеречного охотника.

При мысли о крови Саймон вспомнил Морин и напрягся. Разумеется, Изабель заметила. Она воин, а воин натренирован замечать малейшие телодвижения. Сжав челюсти, она отстранилась:

– Ладно, хорошо, что поговорили.

– Изабель...

Но Изабель ушла. Саймон последовал за ней в Святилище – и не успел: девушка шагала чересчур быстро. К тому времени, как Саймоном затворилась дверь ризницы, она уже покинула Святилище. Следовать за ней Саймон не решился.

* * *

Клэри села на кровати и мотнула головой, прогоняя сонливость. Она не сразу сообразила, где находится. В окошко лился синий свет сумерек. Клэри, съжившись, лежала на простыне; одежда была рядом, аккуратно сложенная в стопочку на стуле. И тут же сидел Джейс, словно девушка вызвала его во сне. Взъерошенный, в боевом облачении, будто только из битвы. В тусклом свете хорошо виднелись синяки под глазами, височные впадины и скулы, как на портрете работы Модильяни^[25]: сплошь вытянутые черты и заостренные углы.

Протерев глаза, Клэри сморгнула сонную муть:

– Который час? Сколько я...

Джейс притянул ее к себе и поцеловал. Вспомнив, что на ней из одежды только нижнее белье и тонкая футболка, Клэри, тем не менее, обмякла в руках Джейса. Растаяла и чуть не растеклась по постели. Так и должно быть, все вернулось на круги своя, и Джейс неизменно рад ее видеть. Но стоило ему приподнять края футболки, и Клэри схватила его за руки:

– Нет. Перестань тискать меня при каждой встрече. От разговора не отвертишься.

Судорожно вздохнув, Джейс произнес:

– Почему ты позвала Изабель, а не меня? Угодила в неприятности...

– Она пришла бы, сто процентов. Насчет тебя я сомневалась. И сейчас сомневаюсь.

– Если бы с тобой что-нибудь случилось...

– Ты бы в конце концов все узнал, соизволив наконец взять трубку телефона. – Отпустив руки Джейса, Клэри отодвинулась подальше. Как тяжело видеть любимого и не касаться его! Тем не менее усилием воли Клэри прижала ладони к бокам. – Либо говори, что не так, либо уходи.

Еще никогда она не разговаривала с Джейсом столь грубо. Раскрыв рот, он некоторое время молчал.

– Прости, – произнес наконец Джейс. – Веду себя так, что меня и слушать не стоит, и приходиться к тебе не надо было, просто... Изабель сказала: ты ранена, – и я не удержался.

– Так себе, мелкие ожоги. Ничего особенного.

– Для меня особенно все, что касается тебя.

– Тогда понятно, почему ты не ответил на звонок и последний раз, когда мы виделись, убежал. Я будто с призраком встречаюсь.

Уголок губ Джейса дернулся вверх.

– Не совсем. Вот Изабель однажды встречалась с призраком. Попроси – расскажет...

– Я говорю образно. Сам понимаешь.

Помолчав немного, Джейс спросил:

– Дашь взглянуть на ожоги?

Клэри вытянула руки: на внутренних сторонах запястий краснели следы от черной крови. Нежно взяв ее за руки, Джейс взглядом испросил разрешения и только потом осмотрел их более тщательно. Клэри вспомнила, как он первый раз искал Знаки, которых она не носила.

– Кровь демона, – констатировал Джейс. – Следы пройдут за пару часов. Болит?

Клэри покачала головой.

– Я не знал, – произнес Джейс. – Не знал, что нужен тебе.

Дрожащим голосом Клэри ответила:

– Ты мне всегда нужен.

Джейс поцеловал один ожог, и по руке аж до самого низа живота пронеслась волна жара.

– Я не понимал. – Джейс коснулся губами другого ожога, на предплечье, еще одного, чуть выше, постепенно поднимаясь к плечу и наваливаясь на Клэри, опрокидывая ее на постель. Опершись на локти, дабы не придавить ее своим весом, Джейс посмотрел на Клэри сверху вниз.

Глаза у него темнели при поцелуях, словно страсть изменяла их природу. Джейс коснулся звездообразной метки на плече у Клэри, точно такой же, как и у него самого, – следа ангельского дара.

– Я странно вел себя в последнее время, но тому виной не ты. Я люблю тебя, и моя любовь не пройдет.

– Тогда в чем дело?

– Я постоянно вспоминаю Идрис: Валентина, Макса. Ходжа... Себастьяна. Сколько ни пробовал избавиться от мыслей о них, не отпускают. Мне... помогут, я исправлюсь, вот увидишь.

– Обещаешь?

– Ангелом клянусь. – Он поцеловал ее в щеку. – А... к черту! Клянусь нами.

Вцепившись в рукава его футболки, Клэри спросила:

– Почему нами?

– В нашу любовь я верю как ни во что иное. – Джейс наклонил голову набок. – Если бы мы поженились... – Ощутив, как напряглась Клэри, Джейс улыбнулся. – Без паники, я еще не делаю тебе предложение. Просто хотел знать, насколько хорошо ты разбираешься в наших обычаях.

– Ну, кольцами вы не обмениваетесь. – Клэри погладила Джейса по нежной коже на шее. – Только рунами.

– Одна наносится здесь... – Джейс указал ей на руку, прямо на шрам. – Вторая здесь. – Он нежно провел кончиком пальца вверх, вдоль ключицы, и скользнул на грудь, остановившись прямо над бешено заколотившимся сердцем. – Ритуал почерпнули из «Песни песней Соломона»: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь». [\[26\]](#)

– Наша посильнее будет, – прошептала Клэри, вспомнив возвращение Джейса с того света. Заметив, как глаза его потемнели, она притянула его к себе, поцеловала.

Они целовались долго, пока свет не угас. Джейс не решался коснуться Клэри, ждал разрешения.

Следующий шаг предстояло сделать ей самой. Если она, конечно, не против, а она очень даже не против! Джейс признал: ему плохо, однако дело не в ней. Прогресс, положительный прогресс, и Джейсу полагается награда! Легкая улыбка тронула уголки ее губ. Кого Клэри обманывает? Сама же хочет большего, потому что с ней Джейс и она его любит. Он такой великолепный, что порой хочется его ущипнуть – просто из желания убедиться, не фантом ли он.

И Клэри его ущипнула.

– Ай! За что?

– Снимай футболку, – прошептала она и потянулась к полам одежды.

Джейс опередил ее: стянул футболку через голову и отбросил, не глядя, на пол. Тряхнул волосами: того и гляди, в темноте разлетятся золотые звездочки.

– Сядь, – мягко сказала Клэри, и Джейс медленно выпрямился, увлекая ее за собой.

В таких ситуациях Клэри всегда брала на себя роль лидера. Она села ему на бедра, и Джейс вздохнул резко и глубоко. Потянулся снять футболку с Клэри, но она его вновь остановила. Провела пальцами по его торсу: по груди, по рукам, по накачанным бицепсам и черным Знакам, по звездообразному родимому пятну. Указательный палец Клэри скользнул по широкой груди, по плоскому, рельефному животу и остановился на пуговице джинсов. Оба – и Джейс, и Клэри – бурно дышали; Джейс не двигался, предоставив ей полную свободу действий.

Сердце бешено колотилось. Стянув с себя футболку, Клэри пожалела, что не надела бюстгальтер поэротичнее; сейчас на ней был простой белый лифчик. Однако, заметив выражение на лице Джейса – раскрытый рот, темные, практически черные глаза, в которых Клэри видела свое отражение, – она поняла: будь на ней хоть белое, хоть черное, хоть неоновозеленое белье, Джейс не заметит.

Она положила его руки себе на талию, словно бы говоря: ласкай меня всю. Запрокинув ему голову, она яростно впиалась губами в его губы – это было как вспышка огня. Руки Джейса лихорадочно метались по ее телу: по волосам, по спине; вот он наклонил ее, укладывая на смятые простыни, и Клэри с внезапной ясностью поняла: их с Джейсом разделяют всего лишь джинсы и нижнее белье. Она запустила пальцы ему в спутанные шелковистые волосы и держалась за них, пока он, постепенно опускаясь все ниже, целовал ее в шею. Какая-то небольшая часть рассудка спрашивала:

«Как далеко мы зайдем? Что мы делаем?!», тогда как остальная часть кричала ей: «Молчи!»

Клэри хотела ласкать Джейса, хотела, чтобы он держал ее, такой настоящий. Он здесь, никуда не уйдет.

Вот он нащупал застежку лифчика. Клэри напряглась. В темноте глаза Джейса светились, на губах медленно расцвела улыбка.

– Можно? – спросил он.

Клэри кивнула. Дыхание участилось. Еще никто не видел ее обнаженной, ни один парень. словно бы ощутив напряжение девушки, Джейс бережно коснулся ладонью ее щеки, дразняще легко провел губами по ее губам, и Клэри затрепетала в предвкушении. Длинные пальцы Джейса прошлись, унимая напряжение, по щеке, по шее и плечу. Клэри все ждала, когда он вернется к застежке лифчика, однако Джейс завел руку за себе спину... Что задумал?

Вспомнилось предупреждение Изабель: дескать, не забывай предохраняться. Ах вон оно что. Чуть сжавшись, Клэри немного отстранилась:

– Джейс, я пока не...

Сверкнула серебристая вспышка, и руки коснулось нечто холодное. Потом пришла боль. Отодвигаясь и щурясь, Клэри увидела струйку крови на предплечье: от локтя до запястья руку пересекал тонкий надрез.

– Ай! – воскликнула она со смесью удивления и злобы в голосе. – Что ты...

Джейс отскочил от нее – и тут же оказался в середине комнаты, голый по пояс и жутко бледный.

Зажимая рану, Клэри попыталась сесть:

– Джейс, ты что...

Она осеклась, заметив у него в руке кинжал с серебряной рукояткой. Тот самый, который она видела в шкатулке. Клинок был в крови.

Глянув себе на руку, Клэри снова посмотрела на Джейса:

– Не понимаю...

Выронив кинжал, Джейс готов был броситься бежать – как тогда, у бара. Но на сей раз он лишь опустил на пол и уронил голову на руки.

* * *

– Чудная девочка, – заметила Камилла, когда за Изабель закрылись двери. – Напоминает меня.

Саймон обернулся к вампирессе. Даже в сумраке он прекрасно видел Камиллу: она по-прежнему стояла в кандалах, прикованная цепью к колонне. У дверей оставили стража, но тот либо не слышал пленницу, либо ее слова его не тронули.

Саймон чуть приблизился к ней. Оковы и цепь заворачивали. Освященный металл, говорите? Цепь мягко поблескивала на фоне бледной кожи вампирессы, а из-под оков на запястьях сочилась кровь.

– Изабель совсем на вас непохожа.

– Тебе так кажется. – Камилла чуть склонила голову набок. Волосы, хоть и растрепались, очень недурно обрамляли ее лицо. – Ты без ума от своих друзей Охотников. Как сокол – от хозяина, который держит его слепым, на привязи.

– Мои друзья не такие. Нефилимы и нежить – не враги.

– Тебя даже не пускают в их дом, держат снаружи. Ты встанешь на их сторону против своего рода?

– Вы – не мой род. Я не из ваших и я не из их числа. Хотя, пожалуй, встану рядом с ними, не

с вами.

– Ты один из нас. – Поерзав, Камилла охнула от боли. – Там, в банке, я забыла кое-что сказать. – Она улыбнулась сквозь боль. – От тебя пахнет человеческой кровью. Ты недавнопил кровь примитивного.

Внутри у Саймона что-то оборвалось.

– Мне...

– ...понравилось, правда? – Ее красные губы изогнулись в усмешке. – Первый раз ты сумел утолить голод.

– Ошибаетесь.

– Лжешь, – убежденно возразила вампиресса. – Нефилимы заставляют нас сражаться против нашей природы. Они принимают нас, только если мы притворяемся, перестаем быть охотниками, хищниками. Твои друзья любят тебя не за то, кто ты, а за то, кем ты прикидываешься. Они ради тебя на такие жертвы не пойдут.

– Не знаю, какая ваша печаль, но что сделано – то сделано. Я вас не отпущу, сделка меня не интересует.

– Пока – нет, – мягко ответила Камилла. – Потом заинтересует. Обязательно.

Двери отворились, и страж отступил в сторону. В Святилище вошли Мариза и двое, которых Саймон сразу узнал: Алек, старший сын Лайтвудов, и его любовник Магнус Бейн, маг.

Алек был одет в скромный черный костюм, Магнус, к удивлению Саймона, точно так же, правда, он не забыл добавить к костюму длинный шарф из белого шелка, с кисточками на концах, и белые перчатки. Волосы у мага, как обычно, стояли ежиком, правда, на сей раз не блестя. При виде Магнуса Камилла сразу притихла.

Магнус, впрочем, не заметил ее, он слушал Марицу. Та, довольно неловко, приветствовала новоприбывших, говоря, как мило с их стороны откликнуться столь быстро.

– Мы ожидали вас, самое ранее, завтра.

Алек приглушенно фыркнул. Он вовсе не радовался возвращению. Впрочем, старший сын Лайтвудов мало изменился: те же темные волосы, цепкие синие глаза, – только в позе нет бывшего напряжения, словно Алек внутренне вырос.

– К счастью, недалеко от Венского оперного театра имеется портал, – ответил Магнус, изящным жестом перебрасывая через плечо кончик шарфа. – Мы поспешили к нему, едва прибыло послание.

– Я все равно не понимаю: при чем здесь мы? – спросил Алек. – Ну, поймали вампира, натворившего делов... почти все они преступники.

У Саймона свело желудок. Он оглянулся посмотреть, не смеется ли Камилла, – нет, вампиресса не сводила пристального взгляда с Магнуса.

Заметив Саймона, Алек резко покраснел. На его бледной коже румянец всегда проступал очень заметно.

– Прости, Саймон, я не тебя имел в виду. Ты – иной.

Сказал бы он то же, увидев, как Саймон кусает четырнадцатилетнюю девочку? Промолчав, он лишь кивнул Алеку.

– Она главный подозреваемый по делу об убийстве трех наших, – сообщила Мариза. – И говорить она будет только с Магнусом Бейном.

– Серьезно? – Алек озадаченно глянул на Камиллу. – Исключительно с Магнусом?

Проследив за взглядом Алека, Магнус впервые прямо посмотрел на Камиллу. Уголки его губ изогнулись в задумчивой улыбке. Между магом и вампирессой словно пробежала искра.

– Да, – подтвердила Мариза. Она просто не могла не заметить, как Магнус смотрит на Камиллу. – Если, конечно, Магнус не возражает.

– Нисколько, – ответил маг, снимая перчатки. – Ради вас я поговорю с Камиллой.

– Камилла? – Вздернув брови, Алек посмотрел на любовника. – Ты ее знаешь? Или... она знает тебя?

– Мы с ней знакомы. – Магнус пожал плечами, совсем легонько, словно бы говоря: ну что тут поделаешь? – Когда-то мы встречались.

Девушка, найденная мертвой

– Встречались?! – изумился Алек, а вместе с ним и Мариза. На Саймона слова Магнуса впечатления не произвели. – Ты встречался с вампиром? Вампирессой?

– Сто тридцать лет назад, – ответил Магнус. – С тех пор мы не виделись.

– Почему ты не сказал мне?

Магнус вздохнул:

– Александр, я живу несколько сотен лет и успел перевстречаться с мужчинами, женщинами, феями, магами и вампирами. Даже с джиннами. – Он искоса глянул на пребывающую в легком шоке Маризу. – Я вас загрузил, да?

– Ничего, все в порядке, – соврала мать Алека. – Надо кое-что обсудить с Кадиром, я на минуточку.

Вместе с Кадиром она вышла за двери. Саймон тоже предпочел отойти в сторонку и притвориться, будто его жутко заинтересовало одно из матовых окон. Впрочем, вампирский слух позволял слышать, о чем перешептываются Алек и Магнус. Камилла, безусловно, слышала все то же самое: чуть наклонив голову и прикрыв глаза, она внимательно ловила каждое слово.

– Сколько у тебя до меня было? – спрашивал Алек. – Приблизительно?

Магнус покачал головой:

– Не сосчитать, да и какая разница? Важно то, как я отношусь к тебе.

– Больше сотни? – настаивал Алек. Видя невыразительное лицо Магнуса, он спросил: – Две сотни?

– Поверить не могу, что мы обсуждаем мою личную жизнь сейчас, – сам себе пожаловался маг.

От души с ним согласный, Саймон пожелал не слышать спора.

– Куда так много? – В сумраке синие глаза Алека казались очень яркими, и непонятно было, злится он или нет. Он замкнутый и эмоций почти не выказывает. Возможно, Алек даже в гневе. – Ты так быстро устаешь от любовников?

– Я бессмертен, – тихо ответил Магнус. – Не все мои партнеры жили так долго.

Алека словно ударили.

– То есть ты живешь с кем-то до его смерти и потом находишь другого?

Магнус молча посмотрел на любовника светящимися кошачьими глазами:

– Ты бы предпочел вечность провести в одиночестве?

Губы у Алека слегка дрогнули.

– Схожу за Изабель, – сказал он и вышел из Святилища.

Магнус смотрел ему вслед, и в глазах его читалась грусть – не человеческая грусть, а печаль, настоящая веками жизни. Печаль, острые углы которой время стирает и делает глаже, как вода стачивает острые грани стекла.

Словно учуяв мысли Саймона, маг обернулся к нему:

– Подслушиваешь, вампир?

– Бесит, когда меня так называют. У меня имя есть.

– Запомню. Пройдет сто лет, двести, и в конце концов останемся мы с тобой... – Магнус задумчиво посмотрел на Саймона. – Только мы с тобой и останемся.

Саймон будто оказался в кабине лифта, который падает вниз с высоты в тысячу этажей. Невозможно было поверить, что он навсегда застрянет в шестнадцати годах, а все знакомые и близкие: Клэри, Джейс – вырастут, обзаведутся детьми, состарятся и умрут. Саймон просто

отмахивался от этой мысли.

Только сначала кажется, что оставаться шестнадцатилетним круто. Стоит лишь призадуматься, как перспектива перестает быть радужной.

Глаза Магнуса приобрели ясный золотисто-зеленый оттенок.

– Не очень-то весело смотреть в лицо вечности, правда?

Ответить Саймон не успел – вернулась Мариза.

– Где Алек? – Она озадаченно огляделась.

– Отправился за Изабель, – сказал Саймон, опередив Магнуса.

– Хорошо. – Мариза разгладила несуществующие складки на жакете. – Если не возражаете...

– Я поговорю с Камиллой, – произнес Магнус. – Наедине. Если хотите, после загляну в Институт.

– Ты знаешь, о чем ее спрашивать? – нерешительно спросила Мариза.

Даже глазом не моргнув, Магнус ответил:

– Я знаю, как с ней говорить. Если она и хочет что-то сказать, то скажет это мне.

И он, и Мариза, казалось, забыли про Саймона.

– Мне тоже уйти? – спросил он, прерывая зачинающийся спор.

– Ах да, – опомнилась Мариза. – Спасибо, что помог, Саймон. Ты больше не нужен, иди домой, если хочешь.

Магнус не сказал ничего. Пожав плечами, Саймон направился к ризнице и у самой двери обернулся. Мариза с Магнусом вновь о чем-то заговорили, в то время как страж, готовый уйти, приоткрыл двойные двери.

Лишь Камилла помнила о присутствии Саймона. Уголки ее губ слегка приподнялись, а в глазах мерцал многообещающий блеск.

Выйдя из Святилища, Саймон прикрыл за собой дверь.

* * *

– И так каждую ночь. – Сидя на полу, Джейс подтянул колени к груди и свесил руки. Кинжал валялся на кровати, и Клэри на всякий случай – больше для спокойствия самого Джейса – накрыла рукоять ладонью. Силы, казалось, покинули Джейса, голос звучал сухо, да и сам он будто говорил с Клэри издалека. – Снится, как ты приходишь ко мне, и мы... начинаем то, что не закончили сейчас. А потом я режу тебя, душу, колю, и ты умираешь, глядя на меня своими зелеными глазами. И твоя жизнь утекает у меня сквозь пальцы.

– Это просто сон, – нежно ответила Клэри.

– Который только что сбылся. Я в полном сознании взял оружие.

Чистая правда.

– Боишься, что сходишь с ума? – спросила Клэри.

Медленно покачав головой, Джейс убрал упавшую на глаза челку. Волосы у него отросли, совсем за собой не следит. И верно, когда ему? Клэри не обращала внимания на синяки под глазами у Джейса, на обгрызенные ногти, изможденный вид. Ее куда больше занимало, любит он ее или нет.

– О своем рассудке я не больно забочусь. Больше боюсь навредить тебе. Боюсь, что яд, отравляющий мои сны, просочится в явь, и... – В горле у него будто замкнуло.

– Ты не сможешь причинить мне боль.

– Я взял в руки оружие! – Джейс мельком глянул на Клэри. – Если раню тебя... Нефилимы

часто гибнут молодыми, это всем известно. Ты хочешь стать Охотницей, и я не могу тебе запретить. Не мне отговаривать тебя, потому что я сам рискую жизнью. Врать, будто мне можно рисковать, а тебе – нет? Кем бы я был! И вот порой я стал задумываться: что будет, если тебя не станет? Спорю, ты задумывалась о том же.

– Я знаю, что будет, – ответила Клэри, вспомнив берег озера Лин, меч и песок, пропитанный кровью Джейса. Он погиб, и, хоть Ангел возвратил его, Клэри пережила самые страшные минуты своей жизни. – Я хотела умереть и в то же время знала: сдавшись, я бы тебя подвела.

Джейс изобразил бледное подобие улыбки:

– Те же мысли посещали и меня. Одному мне не жить, но руки я на себя не наложу, потому что желаю быть с тобой и после смерти. С самоубийцей ты не заговоришь ни в одной из жизней. Я бы продолжал земной путь, стараясь жить как можно полнее, до самой встречи с тобой. Однако, если я сам причиню тебе боль, если стану причиной твоей гибели, от самоубийства меня не удержит ничто.

– Не говори так. – Клэри до самых костей пробрал озноб. – Почему сразу не признался?

– Я не мог рассказывать о таком, – не терпящим возражений тоном ответил Джейс.

– Почему?

– Я считал себя Джейсом Лайтвудом, надеялся вытравить из себя отцовское воспитание. Теперь думаю, что люди не меняются, и я навсегда останусь Моргенштерном, сыном Валентина. Он растил меня десять лет, подобные пятна из жизни вывести невозможно.

– По-твоему, всему виной отец? – спросила Клэри, припомнив слова Валентина в пересказе Джейса: «Любовь убивает». Странно называть Валентина отцом Джейса, ведь кровного родства между ними нет. В ее, Клэри, жилах есть кровь Валентина, хотя себя она никогда не считала его дочерью. – И это ты хотел от меня утаить?

– Кроме тебя, мне никого и ничего не нужно. Может, Джейс Лайтвуд и заслуживает желаемого, зато Джейс Моргенштерн – нет. Где-то в глубине души я знаю это, иначе не пытался бы разрушить наше счастье.

Сделав глубокий вдох, Клэри медленно проговорила:

– Я с тобой не согласна.

Глянув на нее, Джейс удивленно моргнул:

– То есть?

– Ты списываешь кошмары на психологию, будто проблема у тебя в мозгу. На самом деле кто-то наложил на тебя проклятие.

– Я не...

– Итуриил посылал мне видения. Так может, кто-то посылает тебе кошмары?

– Итуриил помогал тебе, вел к истине. Какой смысл посылать мне кошмары? Они глупые, бессмысленные, извращенские!

– Смысл есть. Просто ты не там ищешь. Или через кошмары тебе пытаются причинить боль.

– Кому такое выгодно?

– Твоим врагам... – намекнула Клэри, прогоняя из головы образ королевы Благословенного двора.

– Может быть, – тихо произнес Джейс, глядя на руки, – Себастьяну...

Вот и Джейс не называет Джонатана по имени. Правильно, ведь Джонатаном зовут его самого.

– Себастьян мертв, – чересчур резко напомнила Клэри. – И потом, будь у него способность насылать кошмары, он пользовался бы ею при жизни.

На лице Джейса отразилась смесь надежды и сомнения.

– Есть еще кто-то? Еще враги?

Сердце колотилось о ребра. Клэри, не до конца уверенная в собственной правоте, очень хотела, чтобы подозрения оправдались. Но давать Джейсу – и себе самой – ложную надежду...

Когда Джейс последний раз хоть на что-то надеялся?

– Надо в Город молчания, – сказала Клэри. – Братья выяснят, если кто-то покопался у тебя в голове. Они ведь изучали мою память.

Открыв рот, Джейс тут же закрыл его.

– Когда отправляемся? – только и спросил он.

– Сейчас же. Не хочу ждать, а ты?

Джейс молча вскочил на ноги. Схватив футболку, посмотрел на Клэри и почти что улыбнулся.

– Если идем в Город, тебе лучше одеться, – сказал он. – Мне, конечно, нравится, когда ты в нижнем белье, но Братья такой вид вряд ли оценят. Их и без того мало осталось, еще помрут от перевозбуждения.

Поднявшись, Клэри запустила в Джейса подушкой – от громадного облегчения. Надела футболку и только тут снова заметила на постели кинжал. Оружие мерцало серебристым пламенем.

* * *

– Камилла, – произнес Магнус. – Давненько не виделись.

Вампиресса улыбнулась. Ее кожа стала блее, под ней проступила паутинка вен; волосы по-прежнему хранили оттенок воздушного серебра, а глаза оставались по-кошачьи зелеными. Красоты Камилла ничуть не утратила. Глядя на нее, Магнус вновь перенесся в Лондон: газовые фонари, дым, грязь и лошади, серо-стальной туман и цветы в Кью-Гарденз. Магнус вновь видел мальчика-брюнета, синеглазого, как Алек; скрипичная музыка разливалась серебристым ручейком. Магнус видел девушку с вьющимися каштановыми локонами и серьезным взглядом. В мире, где бессмертный маг ничего не может удержать при себе, она стала тем немногим, что никогда не уйдет.

А потом появилась Камилла:

– Я соскучилась, Магнус.

– Неправда. – Магнус присел на каменный пол. Сквозь одежду чувствовался пронизывающий холод. Маг лишний раз порадовался, что надел шарф. – Зачем звала? Тянешь время?

– Нет. – Камилла подалась вперед. Слышно было, как шипит кожа в местах, где ее касается освященный металл. – До меня дошли слухи, будто ты в фаворе у нефилимов. Снискал любовь одного из них, мальчика, с которым только что беседовал. Впрочем, твои вкусы никогда не отличались постоянством.

– Сплетни обо мне слушаешь, а лично пообщаться не судьба? Все эти годы я жил в Бруклине и ни разу не получил весточки. Ты не приходила на мои вечеринки. Между нами всегда стояла стена из льда, Камилла.

– Не я ее воздвигла. – Зеленые глаза вампирессы расширились. – Я всегда тебя любила.

– И бросила. Поиграла, как со зверушкой, и бросила. Будь любовь съедобной, я умер бы с голоду на тех костях, что ты мне кидала. – Говорил Магнус равнодушно – столько воды утекло!

– У нас впереди была вечность. Я бы вернулась к тебе...

– Камилла, – бесконечно терпеливо произнес Магнус. – Чего тебе нужно?

Грудь вампирессы взметнулась и опала – всего лишь жест, ведь вампиры не дышат.

– Нефилимы к тебе прислушиваются. Поговори с ними от моего имени.

– Сторговаться насчет тебя?

Камилла метнула в Магнуса острый взгляд:

– Ты всегда обладал прискорбно современной дедукцией.

– Говорят, ты засушила трех нефилимов. Это правда?

– Они входили в Круг, – предупредила Камилла. Нижняя губа у нее дрожала. – Было время, когда они истязали и изводили мой род...

– Так ты действовала из мести? – Камилла умолкла, и Магнус продолжил: – Знаешь, какая кара ждет убийцу нефилима?

Глаза вампирессы блеснули.

– Заступись за меня, добудь неприкосновенность. Пусть Конклав даст письменное обещание: жизнь и свобода в обмен на информацию.

– Тебя не отпустят.

– Тогда не узнают, за что приговорили их соратников.

– Приговорили? Интересный оборот, Камилла. Выходит, в деле есть двойное дно? Месть – лишь прикрытие, я прав?

Вампиресса умолкла, замерев в театральной позе, и только грудь ее вздымалась и опадала. Все в ней было показное: то, как струились по плечам серебристые волосы, как изогнулась шея, даже то, как стекала по запястьям кровь.

– Если хочешь, чтобы я выступил парламентаром, – заговорил Магнус, – то просто обязана раскрыть мне хотя бы малую часть правды. Прояви добрую волю.

Камилла лучезарно улыбнулась:

– Я знала, Магнус, что ты не подведешь. Что прошлое для тебя еще не умерло.

– Не умерло, но и не живо. Правду, Камилла.

Облизнув нижнюю губу, вампиресса сказала:

– Передай им: убивая нефилимов, я действовала по приказу. Я не сожалею о содеянном, потому что покойные истребляли моих сородичей. Однако я никогда не выпила бы Охотников по собственной воле. Мне приказали. Приказал кое-кто посильнее меня.

Сердце Магнуса забилося чуть быстрее. Слова Камиллы ему очень не понравились.

– И кто же?

Покачав головой, Камилла напонила:

– Неприкосновенность, Магнус.

– Камилла...

– Меня пронзят осиновым колом и выставят на солнце. Вот как поступают с убийцами нефилимов.

Поднявшись на ноги, Магнус скорбно посмотрел на запылившийся шарф:

– Сделаю все, что в моих силах, Камилла, но ничего не обещаю.

– Иного не жду, – пробормотала вампиресса, прикрыв глаза. – Подойди, Магнус. Подойди ко мне.

Магнус не любил ее, призрак из прошлого. Маг приблизился к ней на расстояние вытянутой руки.

– Помнишь? – тихо спросила вампиресса. – Помнишь Лондон? Вечеринки у де Куинси? Помнишь Уилла Эрондейла? Знаю, что не забыл. Этот твой мальчик, Лайтвуд... они с ним похожи.

– Правда? – искренне удивился Магнус.

– Милые мальчики – твоя погибель. Что может дать тебе смертное дитя? Десять лет,

двадцать? А после старость примется за него. Сорок лет, пятьдесят? А после – поцелуй смерти. Я же подарю тебе вечность.

Магнус коснулся ее щеки. Пол в Святилище был и то теплее.

– Ты дала мне прошлое, но Алек – мое будущее.

– Магнус...

Двери в Институт распахнулись. На пороге стояла Мариза, и в спину ей бил резкий свет ведьминог огня. Рядом с ней возник, скрестив руки на груди, Алек. Слышал ли он разговор Магнуса с Камиллой? Скорее всего, нет.

– Магнус, – сказала Мариза. – Есть соглашение?

Опустив руку, Магнус ответил:

– Вряд ли наш уговор можно назвать соглашением. – Он обернулся к Маризе: – Однако есть что обсудить.

* * *

Одевшись, Клэри отправилась за Джейсом в его комнату. Там он, словно готовясь к переезду, сложил в небольшую парусиновую сумку пару клинков серафимов, стило и – чуть подумав – кинжал (очищенный от крови). Надев черную кожаную куртку, Джейс застегнулся и выправил из-под воротника пряди волос. Глядя на Клэри, он слегка улыбнулся. Стал виден скол на левом резце – та неотъемлемая и восхитительная черта, без которой облик любимого казался бы чересчур совершенным. Клэри, чуть не задохнувшись от счастья, отвела взгляд.

Протянув руку, Джейс позвал:

– Идем.

Братьев молчания не призовешь, и потому Джейс и Клэри взяли такси до пересечения Хаустон-стрит и Мраморного кладбища. Казалось бы, Клэри посещала Город костей и может навести портал, однако Джейс предупредил: насчет телепортации к Братьям существуют строгие правила, и орден не любит, когда их нарушают.

Сидя рядом с Клэри на заднем сиденье, Джейс держал ее за руку и водил пальцем по тыльной стороне ладони. Было приятно, и Клэри не думала почти ни о чем – не в силах, впрочем, отвлечься от рассказа о делах Саймона, Джордана, о том, как пленили Камиллу, и об условии вампирессы говорить только с Магнусом.

– Саймон не пострадал? – озабоченно спросила она. – Были вместе в Институте, а я даже не повидалась с ним...

– В сам Институт Саймон не заходил, остался в Святилище. Он, кстати, неплохо держится. Для того, кто недавно был примитивным.

– Ваш план – сумасшествие. Камилла... она же совсем чокнутая.

Джейс провел пальцем по костяшкам ее кисти:

– Забудь примитивного Саймона, он теперь нежить. Спасать его не требуется, ему даже навредить нельзя. Ты не видела, как действует Каинова печать, зато видел я: воистину гнев Божий нисходит на землю. Можешь гордиться собой.

Клэри вздрогнула:

– Сомневаюсь. Печать – это проклятие, как ни крути, и я пометила Саймона, потому что выбора не оставалось. Он мне ничего не говорил. Я в курсе, что Изабель и Майя узнали друг о друге, но про Джордана я не слышала. Он вроде бывший парень Майи?

«Просто не спрашивала, – упрекнула себя Клэри. – За Джейса тряслась. Нехорошо».

– Ты не раскрывала Саймону планов? – спросил Джейс. – Он-то с тобой откровенен.

– Нет, о своих приключениях я никому не рассказывала. – Клэри поведала о походе в Город костей с Маризой и Люком, о находке в морге «Бет-Израиль» и вылазке в церковь Талто.

– Первый раз слышу. Изабель права, в городе полно придурков-демонопоклонников. Почти никто, конечно, демона вызвать не может, а твои друзья преуспели.

– Думаешь, мы убили демона, которому поклонялись в церкви Талто? И секта исчезнет?

Джейс покачал головой:

– Вы завалили цепного пса, привратника. По мне, так алтарь посвящен демону женского рода, вспомни: «Дом ее – обитель смерти, и путями ее ступают мертвые». Над детьми издеваются именно в культах демионизма, чьи служители помешаны на плодородии и младенцах. – Откинувшись на спинку сиденья, Джейс прикрыл глаза. – Конклав обыщет церковь, но – двадцать к одному – ничего не найдут. Лишившись демона-стража, сектанты уничтожат улики. Надо выждать, пока они не откроют новую лавочку.

– А как... – Желудок у Клэри сжался. – Как же ребенок? Картинки в книге? Вдруг серые создают детей вроде... Себастьяна?

– Ничего не выйдет. Сектанты накачали дитя кровью демона, чем и убили его. Кровь демона требуется вливать в ребенка нефилима. – Он ободряюще сжал руку Клэри. – Серые – психи, однако вряд ли они повторят неудачный опыт.

Скрипнув тормозами, такси остановилось на углу Хаустон-стрит и Второй авеню.

– Счетчик сломан, – сказал таксист. – Десять баксов.

Джейс, который при других обстоятельствах не упустил бы шанса состричь, молча отдал водителю десятку и выбрался из салона. Придерживав для Клэри дверцу, он спросил:

– Готова?

Клэри кивнула, и Джейс повел ее к кованым воротам.

– Не сказать, что последний визит в Город костей выдался приятным, но да, я готова. – Девушка взяла Джейса за руку. – Пока ты со мной, я ничего не боюсь.

Братья молчания встретили их у входа в город. Клэри узнала брата Захарию – вместе с остальными членами ордена он преграждал дальнейший путь.

«Зачем пришли, дочь Валентина и сын Института? – Кто именно задал вопрос? Брат Захария или все братья в унисон? – Дети не приходят в Город молчания без сопровождения».

Эпитет «дети» больно ранил самолюбие, однако, по законам Охотников, любой несовершеннолетний нефилим – ребенок, на которого распространяются свои правила.

– Нам нужна ваша помощь, – ответила Клэри, заметив, что Джейс говорить не собирается. Он с умеренным любопытством разглядывал братьев, будто больной, получивший от разных докторов кучу терминальных диагнозов и ожидающий вердикта от очередного специалиста. – Разве не таков ваш удел, помогать нефилимам?

«Мы не слуги, не прибегаем по первому зову. И не всякая беда – нашего ума дело».

– Эта точно касается вас, – твердо заявила Клэри. – Кто-то залез к Джейсу в разум, кто-то очень могущественный, и вмешивается в его мысли, в сны. Толкает на поступки, которых Джейс совершать не хочет.

«Гипномантия, – ответил один из братьев. – Магия сновидений. Доступна лишь самым сильным и великим из магов».

– Или ангелам? – догадалась Клэри и услышала в ответ пораженное молчание.

«Возможно, – ответил наконец Захария, – вам стоит пройти к Говорящим Звездам».

Он не приглашал – он приказывал. Не дожидаясь Джейса и Клэри, братья пошли назад, в сердце Гор од а.

В зале Говорящих Звезд братья заняли места за столом из базальтовой плиты. Позади них висел на своем месте Меч смерти, сверкающий, словно крыло серебряной птицы. Пройдя в

центр комнаты, Джейс упер взгляд в рисунок из металлических звезд на выложенном красными и золотыми плитами полу. Клэри с болью смотрела на любимого: его задор, энергия ушли, будто свет – из задыхающегося под слоем пепла ведьминогo огня.

Подняв взгляд, Джейс заморгал. Значит, братья приступили к мысленным расспросам. Вот Джейс мотнул головой и ответил:

– Не знаю, я думал, это просто кошмары. – Он поджал губы. О чем его спрашивают? – Видения? Вряд ли. Да, я и правда встречал Ангела, но пророческие сны являлись не мне, Клэри.

Она напряглась. Братья вот-вот узнают о происшедшем на берегу озера Лин, об этом-то Клэри и не подумала. Интересно, что видит Брат молчания, забираясь тебе в голову? Только искомое или все сразу?

Джейс кивнул:

– Отлично, я готов, начинайте.

Он закрыл глаза, и Клэри немного расслабилась. Должно быть, такой же она представлялась Джейсу, когда Братья молчания впервые погрузились в ее мысли. Она не видела себя со стороны, ибо отрешилась от мира и перешла в воспоминания, в сердце паутины разума: своего и Братьев.

Джейс подобрался, словно монахи дотронулись до него физически, запрокинул голову. Стиснул и разжал кулаки, когда звезды на полу заструились ослепительным серебристым светом. Смахнув слезы и проморгавшись, Клэри присмотрелась к Джейсу: был виден только темный силуэт на фоне бледного полотна света, будто Джейс вступил в самое сердце водопада. По залу разлился невнятный, тихий шепоток.

Сердце Клэри сжалось, когда Джейс упал на четвереньки. Клэри от вмешательства Братьев едва не грохнулась в обморок, но ведь Джейс сильнее! Он медленно согнулся пополам, перехватил себя руками поперек талии. Каждая черточка лица выдавала агонию, однако Джейс молчал, не позволяя себе вскрикнуть. Клэри, не в силах ждать, метнулась к нему, прямо в круг слепящего света. Упала рядом на колени, и Звезды яростно вскрикнули, когда Джейс обернулся к Клэри. Глаза его, омытые сиянием, превратились в две мраморные монетки; губы прошептали ее имя.

И вдруг все: свет и звуки – исчезло. Клэри с Джейсом повалились на каменный пол в окружении тишины и полумрака. Джейс дрожал. Из-под ногтей у него выступила кровь. Едва сдерживая гнев, Клэри посмотрела на Братьев. С тем же успехом можно злиться на врача, прописавшего болезненное, но спасительное лечение. Когда дело касается любимого, трудно судить здраво.

«Ты кое-что от нас утаила, Кларисса Моргенштерн, – сказал Захария. – Вы оба утаили секрет».

Сердца Клэри будто коснулась ледяная рука.

– О чем вы?

«Этого юношу пометила смерть», – сказал другой монах. Кажется, Енох.

– Смерть? – обыденным тоном переспросил Джейс. – Я умру?

«Ты был мертв. Душа твоя отделилась от тела, и ты перешел в юдоль теней».

Клэри с Джейсом переглянулись.

– Ангел Разиил... – сглотнув, начала было Клэри.

«Да, и он отметил юношу, – бесстрастно подтвердил Енох. – Есть два способа вернуть мертвых в наш мир. Первый – некромантия, черная магия, путь колокола, книги и свечи. Он возвращает лишь подобие жизни. И только ангел, десница Бога, способен поместить отошедшую душу обратно в тело, вдохнуть жизнь в почившего, как на заре времен вдохнули жизнь в первого из людей. – Брат покачал головой. – Равновесие между жизнью и смертью, добром и злом – хрупкая вещь, юные Охотники. И вы его нарушили».

– Разиил – Ангел! – напомнила Клэри. – Он всемогущ. Вы и сами ему поклоняетесь, разве нет? Если он решил...

«Решил? – произнес третий Брат молчания. – Сам ли?»

– Я... – Клэри обернулась к Джейсу и подумала: «Я могла просить чего угодно: мира во всем мире, здоровья для всех, вечной жизни. Но мне нужен лишь ты».

«Мы знаем о ритуале Орудий смерти, – сказал брат Захария. – Ангел исполняет одну просьбу их владельца, Повелителя Орудий. Разиил не мог тебе отказать».

Гордо вскинув голову, Клэри ответила:

– Что сделано, то сделано.

Джейс чуть слышно рассмеялся:

– Меня запросто могли убить снова. Вернуть равновесие.

Клэри стиснула его руку:

– Не говори ерунды. – Голос ее прозвучал тонкотонко. Клэри напряглась; когда брат Захария неслышно приблизился к Джейсу и за подбородок приподнял его голову, Клэри едва преодолела желание оттолкнуть его руку. Пальцы у монаха были длинные, гладкие. Выходит, Захария еще молод. Клэри никогда не задумывалась о возрасте Братьев молчания, представляя их априори старыми и мудрыми существами.

Не поднимаясь с колен, Джейс смотрел в лицо монаху: слепое, лишенное эмоций. Клэри невольно вспомнила средневековые изображения святых: лик обращен к небу, вокруг головы золотистый нимб.

«Будь я рядом с тобой, пока ты рос, – неожиданно теплым голосом заговорил монах, – я увидел бы правду в твоём лице, Джейс Лайтвуд, и узнал, кто ты».

Озадаченный, Джейс не шевелился.

Обернувшись к Братьям, Захария мысленно произнес:

«Мы не смеем причинять вреда этому юноше. Наш орден и семья Эрондейлов связаны старыми узами, и мы должны ему помочь».

– В чем? – тут же спросила Клэри. – Вы нашли что-нибудь в разуме Джейса?

«Когда рождается Охотник, над ним свершают обряд: Братья молчания и Железные сестры накладывают на ребенка защитные чары».

Железные сестры – женский орден, аналогичный Братьям молчания, даже более закрытый. В обязанности им вменяется производить оружие для нефилимов.

Тем временем брат Захария продолжил:

«Умерев и воскреснув, Джейс родился повторно, лишенный защиты, открытый, словно незапертая дверь, для всякого магического вмешательства».

Клэри облизнула пересохшие губы:

– Он одержим?

«Нет, под влиянием. Подозреваю, что некая демоническая сила нашептывает тебе, Джонатан Эрондейл. Ты силен и борешься с нею, но она подтачивает твои силы, как морская волна точит камень».

– Джейс, – прошептал Джейс, едва шевеля бледными губами. – Я Джейс Лайтвуд, не Эрондейл.

Клэри никак не могла унять и продолжала спрашивать:

– Откуда вы знаете, что это демон? Как его прогнать?

Енох задумчиво ответил:

«Следует повторить ритуал, наложив защитные чары. Как будто Джейс только родился».

– Вы проведете обряд?

Захария склонил голову:

«Это в наших силах. Надо подготовиться, вызвать сюда одну из сестер, создать амулет... И еще: Джейс должен пока оставаться с нами. Здесь для него безопаснее».

Клэри посмотрела Джейсу в лицо, пытаясь прочесть хоть какие-то чувства: надежду, облегчение, радость... Однако лицо его оставалось бесстрастным.

– На сколько мне остаться? – спросил Джейс.

Раскинув тощие руки, Захария ответил:

«День, может, два. Обряд предназначен для младенцев, придется его менять под взрослого. Совершеннолетнего было бы не спасти, но сейчас перед нами всего лишь сложная задача. Юношу спасти еще не поздно».

Спасти еще не поздно... Не такого ожидала Клэри. Она-то надеялась услышать, что проблему решить легко. Джейс оставался на коленях, склонив голову; волосы падали ему на глаза. Сердце Клэри сжималось от боли.

– Хорошо, – тихим голосом ответил Джейс. – Остаемся...

«Нет, – в унисон возразили братья. – Ты остаешься один. Подготовка к обряду не терпит вмешательства».

Джейс напрягся. В прошлый раз его несправедливо заключили в темницу; у него на глазах Валентин перебил монахов. Вряд ли второй визит в кельи покажется приятным.

– Джейс, – прошептала Клэри. – Для тебя все что угодно. Если хочешь уйти...

– Я остаюсь. – Подняв голову, он чистым и сильным голосом произнес: – Остаюсь. Я согласен на все условия, только позвони Иззи и Алеку. Скажи, что я у Саймона, охраняю его. Встречусь с ними завтра или послезавтра.

– Но...

– Клэри. – Джейс бережно взял ее за руки. – Ты права, беда исходит извне. Что-то мешает нам. Понимаешь, что это значит? Если... если вылечусь, то смогу без страха оставаться с тобой. Да я тысячу дней готов провести среди Братьев молчания!

Позабыв о присутствии монахов, Клэри наклонилась и быстро поцеловала Джейса.

– Я вернусь, – прошептала она. – Завтра, сразу после вечеринки, навещу тебя.

От надежды в его глазах сердце чуть не разорвалось.

– Может, меня к тому времени уже вылечат?

Она провела кончиками пальцев по его щеке:

– Может быть.

* * *

Измученный кошмарами, Саймон проснулся. Перевернувшись на спину, посмотрел в единственное окно.

Интересно, если спать днем, сон улучшится? Пусть солнечный свет и не вредит Саймону, ночь манила его в свои объятия: что-то тянуло под черное небо, усыпанное мерцающими звездами. Некая часть Саймона стремилась жить в тени, и свет причинял ей острую, словно лезвие ножа, боль. Та же часть требовала крови.

С трудом поднявшись и одевшись, Саймон вышел в гостиную. Пахло тостами и кофе. Джордан, как всегда лохматый, ссутулившись, сидел за стойкой.

– Привет, – сказал Саймон. – Как сам?

Джордан, бледный, обернулся и ответил:

– У нас проблема.

Саймон удивленно моргнул. Вернувшись вчера из Института, он, изможденный, рухнул на

матрас и заснул. Джордана дома не было, и Саймон решил, будто сосед-оборотень снова курьерит. И вот на тебе, новости.

– В чем дело?

– Вот это просунули нам под дверь. – Джордан подвинул ему по стойке утренний выпуск газеты. На одной из страниц, под самой шапкой, имелась зернистая фотография трупа девушки на мостовой: худенькие конечности изогнуты под неестественным углом; тело, как почти все мертвые тела, мало походило на человеческое. Саймон уже хотел спросить: мол, при чем здесь эта несчастная? – как вдруг в глаза бросился текст статьи:

*ДЕВУШКА,
НАЙДЕННАЯ МЕРТВОЙ*

На данный момент полиция ищет следы убийцы четырнадцатилетней Морин Браун, чье тело обнаружили в воскресенье, в одиннадцать вечера. Неизвестный спрятал труп в мусорный контейнер у продуктового магазина «Биг эппл» на Третьей авеню. Коронер пока не сделал официального заявления относительно причин смерти, однако владелец магазина Майкл Гарза утверждает, что жертве вскрыли горло. Орудие убийства пока не найдено.

Не в силах читать дальше, Саймон тяжело опустился на табурет. Он узнал Морин: ее радужные варежки и идиотскую розовую футболку. Хотелось сказать: «Господи... боже мой...», но слова не шли на язык.

– В записке говорилось, – вспомнил Джордан, – что, если ты не явишься по указанному адресу, твоей девушке перережут горло. Вроде так?

– Нет, – прошептал Саймон. – Быть не может. Нет...

В памяти всплыли слова: «Подружка кухни Эрика. Как там ее? Она по Саймону сохнет. Приходит на все наши концерты и говорит, типа, она его подружка».

Вспомнился ее телефон: розовый, весь в наклейках. Морин фотографировалась с Саймоном. Положила руку ему на плечо, такую легкую, невесомую, словно бабочка. Ей было всего четырнадцать... Саймон перехватил себя руками поперек груди и сжался. Будто надеясь уменьшиться и стать невидимым.

С тяжелым сердцем Джейс опустился на койку в отведенной ему келье. Неизвестно, где ночуют Братья молчания, и вряд ли тайна когда-то раскроется, но Джейсу выделили комнату под Городом, где обычно держат пленников. Дабы не смущать гостя, монахи оставили дверь открытой.

Воздух в келье был плотный и горячий. Сняв футболку, Джейс улегся на кровать поверх одеяла, в одних джинсах. И все равно вспотел. Прямо над изголовьем на серой каменной стене кто-то вырезал буквы «Д» и «Г». Зачем бы? Из убранства, кроме ложа, имелись треснутое зеркало, в котором Джейс видел собственное искаженное отражение, и мойка.

Стоит ли говорить, какие воспоминания навевала обстановка?

Ночью выжатого как лимон Джейса много раз посещали мысли о Братьях молчания: они такие скрытные, не скажут, есть прогресс или нет. Приняли Джейса без особой радости. Да и когда они вообще радовались?

Настоящим испытанием для него станет ночь. Что она принесет?

Перевернувшись на живот, Джейс зарылся лицом в согнутые руки. Еще одного кошмара об убийстве Клэри он не перенесет. От одной мысли о сумасшествии бросало в дрожь. Умереть не так страшно, как сойти с ума. Однако спать надо. И Джейс заставил себя уснуть.

Пришел сон, а вместе с ним и грезы.

Он перенесся в долину, где сражался с Себастьяном и чуть не погиб. Была осень, не позднее лето, как в прошлый раз. Листья окрасились желтым, бурым, оранжевым и красным. Джейс стоял на берегу речушки, даже скорее ручья, разделяющего долину напополам. Вдалеке показалась чья-то фигура. Некто уверенной походкой шел прямо к Джейсу.

Себастьян? Нет, он был высок, выше Джейса, а этот человек ниже на две головы и худ: узкие детские плечики, из-под коротких не по размеру рукавов рубашки торчат костлявые запястья.

Макс.

Джейс упал на колени как от удара. Боли не почувствовал, во сне все иначе. Макс посмотрел на него привычным взглядом взрослого ребенка... который уже никогда не вырастет.

– Макс. Макс, мне так жаль.

– Джейс. – Он остановился. Ветерок смахнул каштановую челку с очень серьезных глаз. – Я пришел не по своей воле и не за тем, чтобы взывать к твоей совести.

«Правильно, – подсказал внутренний голос. – Макс тебя любил, брал пример, считая тебя прекрасным человеком».

– Твои сны – послания.

– От демона, – ответил Джейс. – Братья молчания говорят...

– Они ошибаются, – быстро перебил его Макс. – Братьев осталось очень мало, их сила ослабла. Сны говорят с тобой, только ты их не понимаешь. Они не велят вредить Клэри. Ты уже вредишь ей.

Джейс медленно покачал головой:

– Не понимаю.

– Ангелы прислали меня, потому что я тебя знаю, – сказал Макс чистым, ясным голосом. – Знаю, как ты относишься к любимым... и что ты никогда не причинишь им вред. Но ты не уничтожил в себе наследие Валентина, в твоем разуме звучит шепот его воли. Сны говорят: пока не убьешь в себе ту часть, что слушается Валентина, с Клэри тебе не быть.

– Тогда я уничтожу ее, сделаю все, что от меня требуется. Только скажи как.

Макс светло улыбнулся и... протянул Джейсу кинжал с серебряной рукояткой, оружие Стивена Эрондейла. Джейс моментально признал его.

– Возьми. Часть тебя в этом сне должна умереть. Та часть, что проснется, очистится.

Джейс принял клинок, и Макс вновь улыбнулся:

– Отлично. По эту сторону бытия много тех, кто беспокоится о тебе. И твой отец здесь.

– Только не Валентин...

– Твой родной отец. Он просил отдать тебе кинжал, лезвие которого вырежет из твоей души все гнилое.

Макс ангельски улыбнулся, и Джейс направил острие кинжала себе в сердце. В последнюю секунду он передумал: слишком похоже на то, как убил его Валентин. Мечом в грудь. Развернув кинжал, Джейс провел лезвием вдоль предплечья, от локтя до запястья. И совсем не больно. Перехватив кинжал другой рукой, он надрезал второе предплечье. Хлынула кровь. Нереально яркая, рубиновая, она полилась на траву.

Тихонько вздохнув, Макс окунул в нее пальцы правой руки, и они стали алыми. Макс шагнул к Джейсу и принялся вырисовывать у него на груди, над самым сердцем руну, какой Джейс прежде не видел: углы внахлест, странные изгибы граней... Вблизи Джейс разглядел лицо Макса: чистая детская кожа, почти прозрачные веки, глаза... какие-то темные. Странно.

Закончив, мелкий отошел. Наклонил голову набок и оценивающе, словно художник, посмотрел на свою работу. Внезапно грудь пронзило копье боли. Кожа горела. Поигрывая пальцами окровавленной руки, Макс смотрел на Джейса и улыбался.

– Больно, Джейс Лайтвуд? – спросил он не своим голосом, хрипловатым и очень знакомым.

– Макс, – прошептал Джейс.

– Ты причинял боль, так познай ее сам, – произнес Макс, лицо которого, замерцав, стало меняться. – Ты причинял горе, так познай его сам. Теперь ты мой, Джейс Лайтвуд. Мой.

Ничего не видя, Джейс впал в агонию. Хватаясь за грудь, он нагнулся вперед и ухнул во тьму.

* * *

Спрятав лицо в ладони, Саймон сидел на кровати. Разум гудел.

– Это я виноват. Проще было сразу убить Морин, выпить ее досуха. Она из-за меня погибла.

Джордан развалился в кресле напротив. Одетый в джинсы и зеленую футболку поверх терморукавиц, он просунул большие пальцы в отверстия на рукавах и беспокойно теребил манжеты. На шее у него поблескивала золотой медальон Волчьего стража.

– Брось, ты ничего не знал заранее. Я посадил Морин в такси, живую и здоровую. Ее перехватили по пути домой.

Голова закружилась.

– Я ее укусил. Морин не воскресить? Вампиром она не станет?

– Нет, Саймон, ты не хуже меня знаешь: Морин следовало напоить твоей кровью, вот тогда она воскресла бы, а мы торчали бы на кладбище с лопатами наготове. Должен бы помнить.

В горле ощущался привкус прокисшей крови.

– Морин приняли за мою подружку. Пригрозили, что, если я не приду, ей перережут горло. Я не пришел, и ее убили. Она, бедная, поди, ждала меня весь день, надеялась...

Живот скрутило, и Саймон согнулся пополам. Задышавшись, он боролся с тошнотой.

– Да, – кивнул Джордан. – Вопрос: кто ее похитил? – Он исподлобья посмотрел на Саймона. – Думаю, пора просить о помощи Институт. Охотники мне не нравятся, но у них, я

слышал, обширные архивы. Может, отыщем что-нибудь про адрес из записки?

Саймон не спешил соглашаться.

– Давай, – подбодрил его Джордан. – Ты работал на них, пусть проявят благодарность.

Пожав плечами, Саймон направился в спальню, забрать телефон. Уже в гостиной набил номер Джейса. После второго гудка трубку взяла Изабель:

– Опять ты?

– Прости, – неловко извинился Саймон. Разговор в Святилище не смягчил гнева девушки. – Мне бы Джейса, но думаю, и с тобой поговорить можно...

– Ты как всегда само очарование. Джейс у тебя, разве нет?

– Нет. – Саймон почувствовал неладное. – Кто тебе сказал, будто он у меня?

– Клэри. Они, наверное, вдвоем заныкались где-нибудь. – В голосе Изабель не слышалось ни капли тревоги. Правильно, Клэри – последний человек, который станет лгать, если у Джейса проблемы. – Ну и ладно. Он, кстати, мобильник забыл. Увидишь Джейса – передай: сегодня вечеринка у оборотней. Если он ее пропустит, Клэри его убьет.

Саймон чуть не забыл: его тоже пригласили!

– Верно, – сказал он. – Слушай, Изабель, у меня проблема.

– Валяй, люблю проблемы.

– Вряд ли тебе такая понравится, – с сомнением произнес Саймон и изложил ситуацию.

Изабель коротко ахнула, когда он дошел до укуса. В горле у Саймона перехватило.

– Саймон, – прошептала Изабель.

– Знаю, знаю, ты думаешь, мне не жаль. Так и есть, мне просто ОЧЕНЬ жаль.

– Убив Морин, ты стал бы преступником, вне Закона. Мне пришлось бы тебя казнить.

– Вот только убил ее не я, – чуть дрожащим голосом напомнил Саймон. – Джордан клянется: когда он сажал Морин в такси, с ней все было хорошо. Тем более в газетах написано: Морин перерезали горло. Я всего лишь укусил ее. Кто-то хочет добраться до меня, вот и взял Морин в заложники.

– Мы еще вернемся к этому вопросу, – строго пообещала Изабель. – Прочти записку вслух.

Услышав требования неизвестных, Изабель резко втянула воздух.

– Знакомый адрес. Мы с Клэри наведались по нему вчера. Это церковь в спальном районе, штаб каких-то демонопоклонников.

– На кой ляд я дался культу демонопоклонников?!

Тут Джордан, который не слышал Изабель, с любопытством посмотрел на Саймона.

– Ты вроде светолуб, у тебя сил немерено, – напомнила Изабель. – За тобой так и будут гоняться разные психи да маги темные. – Хоть бы каплю сочувствия проявила! – Ты ведь идешь на вечеринку? Встретимся – поговорим с глазу на глаз. Я пока все расскажу о твоей ситуации маме. Институт уже занялся церковью Талто, возьмем на заметку твоих покушителей.

– Да, спасибо, – вяло согласился Саймон. На вечеринку идти хотелось в последнюю очередь.

– Бери Джордана. Телохранитель пригодится.

– Ему со мной нельзя. Майя тоже придет.

– Предоставь ее мне. – Такой уверенности и твердости Саймон от Изабель не ожидал. – До встречи.

Изабель отключилась, и Саймон обернулся к Джордану: улегшись поперек дивана, Волчий страж положил голову на декоративную подушку.

– Все слышал? – спросил Саймон.

– Ну, понял, что ты идешь на вечеринку. Я не член стаи Гэрровэя, поэтому не приглашен.

– Будешь моим «плюс один». – Саймон спрятал телефон в карман.

– В своей маскулинности я уверен, – ответил Джордан и, когда Саймон отправился к себе в спальню, крикнул вдогонку: – Надо подобрать тебе одежду попрличнее. Хочу, чтобы ты выглядел красиво.

* * *

Пока Лонг-Айленд-сити не превратился из центра промышленности в скопление художественных галерей и кофеен, «Айронворкс» была текстильной фабрикой. Теперь она представляла собой гигантскую кирпичную раковину, внутренности которой пусты, но не лишены обаяния: полы из квадратов матовой стали внахлест, под потолком – изящные металлические балки, облепленные лампочками дневного света; лестницы из кованого железа взвиваются к обвешанным растениями подиумам; через массивный консольный потолок из стекла видно ночное небо. Снаружи – терраса над Ист-Ривер с впечатляющим видом на мост на Пятьдесят девятой улице. Тот копьём резного льда проходит над головой, связывая Куинс и Манхэттен.

Готовясь к празднику, стая Люка превзошла себя: оборотни искусно обставили помещение оловянными вазами с белыми цветами на длинных стеблях, накрыли белыми скатертями столы, идущие вокруг сцены – на ней играл классическую музыку струнный квартет оборотней.

«Жалко, нет Саймона», – думала Клэри. Ему бы понравилось название группы «Струнный квартет оборотней».

Клэри ходила от стола к столу, доделывая давно завершённые дела, поправляя цветы и перекладывая столовое серебро, которое и без того лежало как надо. Гости прибыли ещё не все (и среди них ни одного человека). Мать с Люком встречали их у дверей. Люк в костюме чувствовал себя неуютно, зато Джослин в сшитом на заказ синем платье выглядела ослепительно. Клэри радовалась, видя, что после напряжения последних дней мать ещё способна радоваться, хотя какая-то часть веселья напускная. Губы Джослин оставались напряжены. Интересно, улыбается она искренне или через силу?

Клэри отлично понимала свою мать. Что бы ни происходило, тревога за Джейса не ослабевала ни на минуту: как с ним обращаются Братья молчания? больно ли ему? поможет ли обряд, избавит ли от демона? Ночью накануне Клэри почти не спала, весь вечер сидела у окна, глядя в ночь, пока ей в буквальном смысле не сделалось плохо.

Больше всего сейчас хотелось, чтобы Джейс видел её в праздничном наряде: бледно-золотистом платье, очень плотно облегающем фигуру. Джейсу бы понравилось, хотя невелика беда, если он не оценит стараний Клэри. Ради его благополучия она согласилась бы остаток жизни проходить в бочке. К тому же он всегда говорит, какая Клэри красивая, не жалуясь на её привычку надевать исключительно джинсы и кроссовки.

Вертясь перед зеркалом, Клэри почти ощущала себя красавицей. Джослин всегда рассказывала, что поздно вошла в цвет. Так может, и для Клэри не все потеряно? Доской её не назовешь: в этом году она перешла на лифчики размером побольше, и если прищуриться, то можно – ну точно же, можно! – разглядеть изгиб бедер. Небольшой, правда, но надо же с чего-то начинать.

Украшения Клэри выбрала скромные. Очень.

Она коснулась кольца Моргенштернов на шее. Надела его утром... как молчаливый жест уверенности в Джейсе, знак непреходящей верности. Клэри решила не снимать кольцо до новой встречи с Джейсом.

– Кларисса Моргенштерн? – произнес из-за плеча тихий знакомый голос.

Удивленная Клэри обернулась и увидела высокую стройную девушку лет двадцати. Молочно-белая кожа, сквозь которую просвечивали сочно-зеленые прожилки, светлые волосы того же зеленоватого оттенка. Глаза сплошного синего цвета, словно мраморные шарики. На девушке было очень легкое синее платье, в котором сама Клэри давно бы замерзла. Постепенно, мало-помалу она вспомнила.

– Кэли! – Официантка-фэйри из «У Таки». Она не раз обслуживала и ее, Клэри, и Лайтвудов. У Кэли с Джейсом вроде была интрижка, которая на фоне происходящего показалась недостойной внимания. – Я и не думала, что ты знаешь Люка.

– Ошибаешься, если считаешь меня гостем, – ответила Кэли, сделав неопределенный жест рукой. – Госпожа прислала меня не праздновать, а поговорить с тобой. – Она оглянулась через плечо. В ее глазах читалось любопытство. – Впрочем, я и представить не могла, что твоя мать выйдет замуж за оборотня.

Клэри выгнула брови:

– И?..

Кэли чуть насмешливо оглядела ее с головы до пят:

– Госпожа предупреждала, что, несмотря на малый рост, ты обладаешь суровым нравом. При Благословенном дворе на тебя смотрели бы свысока, в буквальном смысле.

– Мы не при Благословенном дворе и не в «У Таки». Ты на моей территории, и у тебя пять секунд – выкладывай, с чем тебя прислали. Твоя госпожа мне не по душе, как и ее игры.

Указав заостренным зеленым ногтем на шею Клэри, фэйри спросила:

– Госпожа интересуется: зачем ты носишь кольцо Моргенштернов? В память об отце?

Рука Клэри непроизвольно метнулась к шее.

– Нет, ради Джейса. Кольцо подарил он. – Слова сорвались сами собой, и Клэри тихонько ругнулась. С Дивным народцем и его королевой болтать лишнее опасно.

– Джейс не из Моргенштернов, – напомнила Кэли. – Он Эрондейл, у него свой герб – летящие цапли. Джейсу больше соответствует образ души, парящей, словно птица, нежели падшей, как Люцифер.

– Кэли, – процедила сквозь зубы Клэри. – Что нужно королеве?

Фэйри рассмеялась:

– Будет тебе! Мне велено передать вот это. – Она протянула подвеску в виде серебряного колокольчика с петелькой, через которую можно было продеть цепочку. Колокольчик издал легкий, мелодичный, словно дождик, звон.

Клэри подалась назад:

– Не нужно мне подарков от твоей госпожи. В придачу к ним идут обман и ожидания, а я не хочу быть должна королеве.

– Это не подарок, – нетерпеливо произнесла Кэли. – Госпожа прощает тебе упрямство и передает средство призыва. Скоро настанет время, когда тебе понадобится ее помощь, и госпожа желает ее предоставить. Только попроси. Нужно лишь позвонить в колокольчик, и явится слуга – он отведет тебя к королеве.

Клэри покачала головой:

– Я не воспользуюсь им.

– От тебя взамен ничего не просят, – пожала плечами Кэли. – Просто возьми колокольчик.

Словно во сне Клэри увидела, как ее рука тянется к ладони Кэли и пальцы раскрываются над колокольчиком.

– Ты на все пойдешь ради спасения Джейса, – слащавым голосом пропела фэйри, – чего бы оно ни стоило, чего бы рай и ад от тебя ни потребовали.

В памяти зазвучали давние намеки: «Ты не задумывалась, какую неправду могла утаить твоя

мать? Что и почему она скрыла? Все ли о себе ты знаешь?»

Мадам Доротея предупреждала: Джейс полюбит не т у.

«Он еще не потерян, но спасти его будет сложно».

Когда колокольчик с мелодичным звоном перекочивал в ладонь Клэри, фея улыбнулась. Ее синие глаза блестели, как две стеклянные бусины.

– Мудрый выбор.

Опомнившись, Клэри хотела швырнуть колокольчиком в лицо посланнице королевы. И тут ее окликнули. Клэри обернулась: через толпу ей навстречу шла мать. Девушка ничуть не удивилась, не застав Кэли на прежнем месте. Фея исчезла среди гостей, растаяла как утренний туман.

– Клэри, – позвала Джослин. – Я тебя потеряла. Люк сказал, что видел тебя здесь, совсем одну. Ты как?

Совсем одну? Джослин способна смотреть сквозь любые маскирующие чары, но Кэли она не заметила...

– Все хорошо, мам.

– Где Саймон? Я думала, он придет.

Ну конечно, о Саймоне Джослин думает в первую очередь и только потом – о Джейсе. Пусть даже последний официально приглашен и в качестве кавалера Клэри должен был прийти пораньше.

– Мам... – Клэри помолчала и нерешительно добавила: – Джейс тебе так и не нравится?

Взгляд матери потеплел.

– Клэри, я заметила, что его нет. Правда, не ожидала, что ты о нем заговоришь.

– Я не в том смысле, – упрямо возразила дочь. – Может, ему как-то заслужить твою симпатию?

– Есть один способ: осчастливить тебя. – Мать легонько коснулась лица дочери, и та сжала в кулаке колокольчик.

– Я счастлива. Просто Джейс не может всего предусмотреть. Порой случается... – Как объяснить, что Клэри огорчает не Джейс, а приключившаяся с ним беда? К тому же саму беду надо сохранить в тайне!

– Ты так сильно его любишь, – мягким голосом заметила Джослин. – Я боюсь, ведь мне всегда хотелось тебя защитить.

– И посмотри, к чему привела опека. – Одернув себя, Клэри снизила обороты. Не время спорить с матерью и обвинять ее. Только не тогда, когда Люк смотрит на Джослин влюбленным, взволнованным взглядом. – Узнала бы ты Джейса поближе... – немного безнадежно произнесла Клэри. – Хотя так, наверное, все девчонки говорят о своих парнях.

Немало удивив ее, Джослин ответила:

– Ты права, я толком не знаю Джейса. Глядя на него, я отчего-то вспоминаю его мать, хотя Джейс на нее не похож, разве что столь же красив и слишком открыт, уязвим...

– Уязвим?! – Только Клэри способна думать об уязвимости Джейса.

– Еще как. Я хотела ненавидеть Селин за то, что Стивен ушел к ней от Аматис, но ее все время хотелось опекать. Глядя на Джейса, я испытываю те же чувства, – глубоко задумчиво произнесла Джослин. – Или во мне говорит страх за прекрасное, которое так легко уничтожить. – Она опустила руку. – Ладно, забудь. Со своими воспоминаниями я должна бороться одна, незачем Джейсу принимать их тяжесть. Скажу лишь одну вещь: не люби тебя Джейс так, как любит – а это заметно по взгляду, каким он на тебя смотрит, – я бы его и секунды рядом с тобой не потерпела. Вспоминай об этом всякий раз, когда будешь на меня злиться.

Клэри хотела было возразить: дескать, ничего она не злится, – но Джослин понимающе

улыбнулась и погладила дочь по щеке. Дала напоследок знак идти развлекаться и отправилась к Люку. Кивнув, Клэри молча смотрела вслед матери; колокольчик жег ладонь, словно горящая спичка.

* * *

Вокруг «Айронворкс» располагались в основном склады и художественные галереи. С наступлением ночи улицы здесь стремительно пустели, так что место для парковки Джордан отыскал быстро. Выбравшись из кабины, Саймон наткнулся на оценивающий взгляд оборотня (тот уже стоял на тротуаре).

Саймон не прихватил с собой гражданской одежды: ничего, кроме отцовской летной кожанки, назвать приличным язык не поворачивался. Пришлось до вечера вместе с Джорданом промотаться по Ист-Виллиджу в поисках достойной обновки. В комиссионном магазине под названием «Любовь спасет», где продавали главным образом блестящие туфли на высоком каблуке и шарфики «Пуччи» из эпохи 1960-х, сыскался подходящий костюмчик «Зенья». (Должно быть, здесь Магнус и одевается.)

– Ну? – спросил Саймон, непроизвольно оттягивая вниз манжеты рукавов. Пиджак оказался мал, но Джордан заверил: если не застегиваться, то косяка не заметят. – Видок у меня препаршивый, да?

Джордан пожал плечами:

– Зеркало не расколешь. Я тут подумал: ты не вооружен. Возьмешь кинжал? – Он чуть приоткрыл полу пиджака, и на подкладке блеснула длинная полоска металла.

– Понятно, как вы с Джейсом так быстро спелись. Вы – два бешеных ходячих арсенала.

Саймон устало покачал головой и направился к «Айронворкс»: над входом выставили широкий золотистый навес, у дверей расстелили красный ковер с золотым оттиском волка. Забавненько.

У одной из опор навеса ждала Изабель: высокая прическа, красное платье с длинным боковым разрезом, на правом предплечье золотистые кольца – на первый взгляд браслеты, но Саймон-то знал: это собранный хлыст из электрума. Все тело Изабель: руки, бедра, шею и грудь – покрывали Знаки. Больших трудов стоило оторвать взгляд от ну очень глубокого декольте.

– Привет, Изабель.

Джордан, также борющийся с соблазном, промямлил:

– Э-эм... привет. Я Джордан.

– Встречались, – холодно ответила Изабель, не обращая внимания на протянутую для пожатия руку. – Майя чуть не сняла с тебя голову. И правильно бы сделала.

– Она здесь? – заволновался Джордан. – Как у нее дела?

– Майя здесь, да. Только дела ее тебя не касаются...

– Я чувствую ответственность.

– Чем? Нижепоясом? – поддела стража Изабель, вызвав у того сильное негодование. – Слушай, – отмахнулась она, – твои косяки в прошлом. Ты Волчий страж, и я объяснила Майе, что это значит. Она согласилась терпеть твое присутствие, и только. Будешь докучать ей: приставать, даже смотреть в ее сторону, – поломаю и сложу. Волчье оригами из тебя сделаю, понял?

Саймон фыркнул.

– Отставить смех. – Изабель ткнула пальцем в сторону вампира. – С тобой Майя тоже не разговаривает. Она сегодня чертовски сексапильна, и будь я лесби, приударила бы за ней. Но вам к Майе подходить запрещается. Усекли?

Глядя под ноги, словно школяры, которых заслуженно вызывают к директору, парни кивнули.

– Вот и славно. – Изабель отлепилась от опоры. – Идем внутрь.

Интерьер «Айронворкс» оживляли нити разноцветных гирлянд. Гости разделились на тех, кто, утомившись, присел за стол, и тех, кто еще стоял на ногах, цедя из бокалов бледноватый пузырящийся напиток. В толпе сновали официанты – тоже, кстати, из стаи, – предлагая выпить. Саймон от угощения отказался. После злопамятной вечеринки у Магнуса он больше не рисковал пить то, что не приготовил сам. К тому же неизвестно, что еще, помимо крови, желудок примет.

У одной из кирпичных колонн Майя весело щебетала с двумя оборотнями. На ней было узкое платье из оранжевой блестящей материи, выгодно оттеняющее смуглую кожу; лицо обрамлял беспорядочный нимб буро-золотистых кудряшек. Заметив Саймона и Джордана, девушка демонстративно отвернулась. Треугольный вырез платья открывал практически всю спину, захватывая татуировку в виде бабочки на пояснице.

– Раньше ее не было, – заметил Джордан. – Татушки.

Он буквально ел глазами свою бывшую, рискуя получить по мордасам от Изабель. Опасаясь расправы, Саймон похлопал Джордана по спине:

– Идем, поищем наши места.

Следившая за ними из-за плеча Изабель по-кошачьи улыбнулась:

– Умница.

Протолкавшись к столу, Саймон с Джорданом заметили, что его наполовину заняли: Клэри сидела одна, глядя на бокал для шампанского, наполненный, скорее всего, имбирной шипучкой. Рядом с ней разместились Магнус и Алек, в тех же костюмах, в которых вернулись из Вены. Магнус поигрывал бахромчатым кончиком шарфа, тогда как Алек, уперев в пустоту яростный взгляд, держал руки скрещенными на груди.

При виде Саймона и Джордана Клэри, явно обрадованная, аж подскочила на месте. В скромном платье из золотистого шелка и сандалиях с застежкой она выбежала поприветствовать Саймона. Без каблуков, заметил он, Клэри казалась такой миниатюрной. Кольцо Моргенштернов поблескивало у нее на шее. Привстав на носочки, Клэри обняла Саймона и пробормотала:

– У Алека с Магнусом, похоже, война.

– Я заметил, – пробормотал в ответ Саймон. – Где же твой кавалер?

Тут Клэри разомкнула объятия:

– Его заперли в Институте. – Она повернулась к Джордану: – Привет, Кайл.

Страж неловко улыбнулся и поправил ее:

– Если честно, я Джордан.

– Слышала. – Клэри указала в сторону стола: – Присядем? Скоро начнут пить за молодых, ну и, надеюсь, подавать блюда.

Когда все расселись, повисла неловкая тишина.

– Значит, – сказал Магнус, проводя длинным бледным пальцем по ободку бокала, – Джордан? До меня дошел слух, будто ты из Волчьих стражей. У тебя на шее их медальон. Что на нем выгравировано?

Джордан кивнул. На его щеках расцвел румянец, глаза блестели. Внимание оборотень лишь частично сосредоточил на беседе, потому что взглядом следил за Майей. Бессознательно теребя кромку скатерти, он ответил:

– Beati bellicosi, блаженны воины.

– Славная организация, – одобительно произнес Магнус. – Я знал ее основателя, познакомились еще в тысяча восемьсотом году. Вузли Скотт, из старинной и уважаемой семьи

оборотней.

Рыкнув, Алек спросил:

– С ним ты тоже переспал?

– Александр! – Кошачьи глаза Магнуса округлились.

– Я совсем не знаю о твоём прошлом. Да и ты не спешишь рассказывать: оно, мол, не имеет значения.

Сохраняя бесстрастное выражение лица, Магнус, впрочем, не без гнева ответил:

– То есть всякий раз, услышав об очередном моём знакомом, ты станешь спрашивать, не спали я с ним?

Упрямая мина Алека не обманула Саймона: в синих глазах читалась боль. Жаль парня.

– Не исключено.

– Я как-то видел Наполеона, – сообщил Магнус, – и у нас с ним ничего не было. Для француза он оказался изрядным ханжой.

– Ты видел Наполеона? – довольно удивленно для человека, не следящего за разговором, спросил Джордан. – Значит, о вас, магах, говорят правду?

Одарив его очень неприятным взглядом, Алек в свою очередь спросил:

– Какую ещё правду?

– Александр, – холодно одернул его Магнус. Клэри через стол посмотрела на Саймона широко раскрытыми глазами, как бы говоря: «Ой-ей!» – Будешь грубить всякому, с кем я разговариваю?

Сделав широкий жест рукой, Алек ответил:

– Почему нет? Обломаю тебе малину. Вдруг ты хотел пофлиртовать с мальчиком-оборотнем? Он симпатичный, если в твоём вкусе лохматые, широкоплечие парни с точеным профилем.

– Перестань, – мягко перебил его Джордан.

Магнус уронил голову на руки:

– Кстати, симпатичных девушек здесь тоже полно. Твои пристрастия ведь и на них распространяются? Тебе хоть что-нибудь или кто-нибудь не нравится?

– Русалки, – сквозь пальцы ответил Магнус. – От них тинной пахнет.

– Не смешно, – разозлился Алек и, выскочив из-за стола, отправился к толпе гостей.

– И почему прошлому придают такое значение? – проворчал Магнус, не отнимая от лица ладоней.

Как ни странно, ответил Джордан:

– Прошое многое значит. Так говорят всем новобранцам в Волчьей страже. Ошибки прошлого нельзя забывать, иначе ничему не научишься.

Магнус сверкнул на него золотисто-зелеными глазами сквозь пальцы и иглы торчащих волос:

– Тебе сколько лет? Шестнадцать?

– Восемнадцать, – слегка испуганно ответил Джордан.

«Алеку столько же», – подумал Саймон и подавил улыбку. Ссора Магнуса и Алека забавной не казалась. Занятно было видеть мину Джордана. И смех и грех: Джордан вдвое крупнее стройняшки Магнуса, но боится его. Саймон хотел обменяться молчаливой усмешкой с Клэри, однако та смотрела совершенно в ином направлении. Бледная как полотно, она выронила салфетку и, пробормотав «Прошу простить», буквально вылетела из-за стола.

Вскинув руки, Магнус произнес:

– Никак массовая миграция началась?

Грациозно поднявшись, он закинул шарф за плечо и отправился искать Алека.

Джордан снова пялился на Майю: та весело болтала с Люком и Джослин, то и дело откидывая назад кудрявые волосы.

– Даже не думай, – сказал Саймон и, встав, ткнул в Джордана пальцем. – Сиди тут.

– Чем заняться прикажешь?

– Чем в таких ситуациях занимаются Волчьи стражи? Медитируй, созерцай свою джедайскую силу. На выбор. Отлучусь на пару минут, и лучше тебе дожидаться моего возвращения.

Негодующе скрестив руки на груди, Джордан откинулся на спинку стула. Забыв про него, Саймон побежал вслед за Клэри – мелькающим в толпе пятнышком золотого и рыжего.

Догнал ее Саймон у одной из увешанных гирляндами колонн. Похлопал Клэри по плечу, и та испуганно обернулась: глаза распахнуты, рука поднята в угрожающем жесте.

– Ну напугал! – воскликнула девушка, расслабившись.

– Вижу. В чем дело-то? Чего так напряглась?

– Я... – Опустив руку, Клэри пожала плечами. Попыталась придать лицу беззаботное выражение, однако бьющаяся жилка на шее выдавала тревогу. – Показалось, что Джейса увидела.

– Я так и подумал. Только...

– Что «только»?

– Уж больно сильно ты напугана.

Саймон сам не понял, почему выдал именно эту фразу. Что он надеялся услышать в ответ? Клэри прикусила губу. Нервничает. И отстраненный взгляд Саймон тоже узнал моментально: ему всегда нравилось, как легко Клэри умеет уйти в иллюзорный мир грез и фантазий, отгораживаясь от мира реального, где нет проклятий и сказочных принцев, предназначения и колдовства. Когда-то и Саймону подобное удавалось: он мог уйти в воображаемый мир, такой волнующий своей безопасностью, нереальностью. Теперь, когда реальность и вымысел столкнулись, Клэри, наверное, тоскует по прошлому, по нормальной жизни. Нормальность – это нечто вроде зрения и тишины. Ее не замечаешь, пока она есть.

– Джейсу очень нелегко, – понизив голос, призналась Клэри. – Я за него боюсь.

– Знаю. Не из праздного любопытства спрашиваю: он выяснил, что не так? Ему помогли?

– Джейс... здоров. Борется с памятью о Валентине. Ну, ты понимаешь... – Конечно же Саймон все понимал. Как и то, что Клэри лжет. Клэри, которая почти ничего от Саймона не скрывает. Под его тяжелым взглядом она продолжила: – Джейсу снятся кошмары. Боимся, что на его разум влияет демон...

– Демон?! – Про кошмары Джейс признавался, а вот про демонов умолчал.

– Выходит, есть такая порода демонов, что действуют на тебя во сне, – извиняющимся тоном проговорила Клэри. – Уверена, дело пустяковое. Кошмары всем снятся. – Она накрыла руку Саймона своей. – Сбегаю, проведу Джейса. Скоро вернусь.

Взгляд Клэри скользнул мимо Саймона в сторону террасы. Вампир кивнул, давая Клэри пройти и глядя, как она исчезает в толпе. Такая маленькая – почти как тогда, когда Саймон в первом классе проводил ее домой. Клэри, очень уверенная, поднималась по ступеням крыльца, и коробочка для школьного завтрака била ее по коленкам. Остывшее сердце вампира сжалось от боли. Нет ничего горше, чем невозможность защитить любимых.

– Тебе плохо? – спросил знакомый хриловатый голос. – Переживаешь, какая ты сволочь? – За спиной, прислонившись к колонне, стояла Майя. Она обмотала вокруг шеи гирлянду с белыми огоньками; лицо волчицы покраснелось от шампанского и тепла. – Или какой ты паршивый вампир? Хотя так выходит, что ты просто не умеешь быть вампиром.

– Я и не умею. Кавалером быть тоже не получалось.

Майя криво усмехнулась:

– Бэт советует смягчить гнев. Говорит, что, когда дело доходит до девушек, парни по-страшному тупят. Особенно ботаны, у которых прежде не особенно ладилось с женщинами.

– Он прямо душу мою читает.

Майя покачала головой:

– На тебя вообще трудно злиться. Но я над собой работаю.

Сказав так, она отвернулась.

– Майя, – позвал Саймон. Голова болела, кружилась. Если с Майей не поговорить сейчас, то уже никогда не получится. – Пожалуйста, не уходи.

Развернувшись, Майя вопросительно вздернула брови.

– Прости, – сказал Саймон. – Мне очень жаль. Знаю, говорил уже... Мне, честно, очень жаль.

Майя совершенно невыразительно пожала плечами.

Борясь с головной болью, Саймон сглотнул.

– Наверное, Бэт прав, – согласился он. – Только не до конца. Я хотел быть с тобой, потому что ты позволяла мне чувствовать себя нормальным. Каким я был прежде. Наверное, я эгоист?..

– Я оборотень, Саймон. Не совсем нормальная.

– Ты... ты... – Саймон не находил что сказать. – Ты настоящая, искренняя. Таких людей не часто встретишь. Ты приходила ко мне играть в «Halo», мы болтали с тобой про комиксы, концерты, ходили на дискотеки. Жили нормальной жизнью. И ты обращалась со мной как с нормальным. Ни разу не назвала светолубом или вампиром. Я для тебя просто Саймон.

– Так поступают друзья, – ответила Майя, прислоняясь к колонне. В ее глазах мерцал приглушенный блеск. – Не девушки.

Саймон молча смотрел на нее. Боль в голове пульсировала в такт биению сердца.

– Потом ты привел Джордана... о чем ты думал?

– Так нечестно, – возразил Саймон. – Я не знал, что он твой бывший...

– Да, Изабель рассказала. Все равно хочется тебя взгреть.

– Правда? – Саймон глянул в сторону Джордана: страж сидел за круглым столиком, будто юноша, которого продинамили со свиданием. Внезапно вампир ощутил жуткую усталость. Он замучился переживать за всех и вся, чувствовать вину за проступки, прошлые и будущие. – Джордан нарочно взял мое дело. Он подбирался к тебе. Ты бы знала, как он переживает. Как произносит твое имя. Черт, едва он узнал, что я изменяю тебе, он на меня накинулся...

– Ты мне не изменял. У нас с тобой было несерьезно. Измена – дело особое...

Не договорив, Майя покраснела, и Саймон улыбнулся:

– Я рад, что ты его так ненавидишь. Если что, будешь за меня против Джордана.

– Прошло много времени, – напомнила Майя. – Джордан даже не пытался связаться со мной. Ни разу.

– Еще как пытался. Ты знаешь, что он укусил тебя в свое первое полнолуние?

Серьезно глядя на Саймона, Майя покачала головой:

– Нет, я думала, он знает...

– О своей волчьей натуре? Ошибаешься. Джордан видел, как теряет контроль над собой, но ему и в голову не пришло, что он превращается в волка. Утром после той ночи он отправился искать тебя, и его перехватил страж. Джордана не подпускали к тебе. Запрет, конечно, не мешал его поискам. Думаю, и дня не проходило, чтобы он не вспоминал...

– Зачем ты защищаешь его? – прошептала Майя.

– Ты должна знать правду. Я облажался, за мной должок. Джордан не думал тебя бросать. Он взял мое дело только потому, что в моем досье значилось твое имя.

Раскрыв рот, Майя покачала головой. Ожерелье из огоньков у нее на шее замерцало, будто

нить из звезд.

– И что мне с этим делать, Саймон? Что делать?

– Не знаю. – Саймону будто заколачивали гвозди в череп. – За советом по поводу отношений ко мне лучше не обращаться. – Прижав ладонь ко лбу, он добавил: – Пойду-ка подышу воздухом. Джордан вон за тем столиком, если надумаешь поговорить.

Махнув рукой в нужном направлении, Саймон развернулся и пошел прочь – прочь от вопросительного взгляда Майи, от взглядов всех собравшихся, от смеха и громких голосов. Шатаясь, вампир направился к дверям.

* * *

Распахнув двери террасы, Клэри подставила лицо волне холодного воздуха. Вздогнув, она пожалела, что не прихватила куртку. Однако не возвращаться же к столику.

На широкой, вымощенной плитняком и окруженной металлическими перилами террасе горели факелы-тики в оловянных держателях. Их пламя ничуть не грело, наверное, поэтому на террасу никто, кроме Джейса, выходить и не думал. Стоя у перил, он смотрел на реку.

Клэри с трудом поборолла желание броситься к нему. В черном костюме и белой сорочке, чуть отвернувшись в сторону, Джейс выглядел старше и каким-то чужим. Ветер трепал его светлые волосы, открывая отметины от клыков Саймона. Джейс разрешил укусить себя – ради спасения Клэри.

– Джейс, – позвала она.

Он улыбнулся, оборачиваясь. Улыбка растопила лед внутри, и девушка подбежала, кинулась Джейсу на шею. Он приподнял ее над полом и надолго зарылся лицом в ее волосы.

– Ты здоров, – сказала она, когда Джейс наконец опустил ее. Яростно смахнув слезы, Клэри поправилась: – В смысле, Братья молчания не отпустили бы тебя, не избавив от демона. Хотя постой, они говорили, что обряд займет много времени. Несколько дней, разве нет?

– Ошиблись. – Обхватив ее лицо ладонями, Джейс улыбнулся. У него за спиной мост Киунсборо изгибался над рекой светящейся аркой. – Сама знаешь: Братья молчания любят раздуть из мухи слона. Обряд очень простой. – Джейс ухмыльнулся. – Он предназначен для младенцев, и я чувствовал себя по-дурацки. Спасла мысль, что чем скорее пройду через ритуал, тем скорее увижу тебя в сексуальном вечернем платье. – Он окинул ее взглядом с головы до пят. – Позволь заметить, я не разочарован. Выглядишь шикарно.

– Да и ты недурен. – Клэри тихонько хихикнула сквозь слезы. – Не знала, что у тебя есть костюм.

– Прикупил по случаю. – Джейс провел большими пальцами по ее мокрым от слез щекам. – Клэри...

– Зачем ты вывел меня сюда? Холодно. Может, вернемся ко всем?

Джейс покачал головой:

– Надо поговорить, с глазу на глаз.

– Тогда быстрее, – полушепотом поторопила Клэри. Нестерпимо желая объятий, она положила его руки себе на талию. – Что-то не так? Ты поправишься? Прошу, не скрывай ничего. Сам знаешь, я готова принять сколь угодно дурную весть. – Из-за нервов слова выстрелили пулеметной очередью. Сердце, казалось, бьется со скоростью тысяча ударов в минуту. – Лишь бы ты поправился, – как можно спокойнее добавила Клэри.

Взгляд Джейса помрачнел.

– Я постоянно роюсь в отцовской шкатулке и ничего не чувствую. Письма, фотографии...

люди на них для меня ничего не значат, они какие-то нереальные. Валентин, вот он кажется настоящим.

От неожиданности Клэри часто-часто заморгала.

– Должно пройти время, ты не забыл?..

Джейс ее как будто не слышал.

– Ты бы любила меня, окажись я Моргенштерном? Ты любила бы Себастьяна?

Стиснув его пальцы, Клэри ответила:

– Ты все равно отличался бы от Валентина.

– А если бы он сотворил со мной то же, что и с Себастьяном?

Зачем он спрашивает? Да еще с таким жаром?

– Ты не был бы собой.

Джейс затаил дыхание, словно ответ его ранил. Почему? Она говорит правду. Джейс совсем не похож на Себастьяна. Он... неповторимый!

– Сам не знаю, кто я, – сказал Джейс. – В зеркале вижу Стивена Эрондейла, веду себя, как Лайтвуд, а говорю, как отец, Валентин. Поэтому стараюсь не обмануть твоих ожиданий, быть таким, каким ты меня видишь. Ты веришь в светлый образ, и эта вера придает мне сил.

– Ты и есть тот светлый образ. Всегда им был. – Клэри показалось, будто говорит она с пустым местом. Джейс не слышал ее, да и не услышал бы, даже признайся она ему в любви миллион раз. – Понимаю твои чувства, неопределенность. Но я знаю, кто ты. Придет день, и ты сам это узнаешь. Хватит беспокоиться обо мне, я никогда тебя не оставлю.

– погоди. – Джейс посмотрел ей в глаза. – Дай руку.

Удивленная Клэри протянула ему руку. Вспомнила, как Джейс первый раз просил о том же: тогда он искал руну – и не нашел. Теперь на тыльной стороне предплечья у Клэри чернела первая постоянная Метка, бдящее око. Джейс оголил нежную кожу, и Клэри вздрогнула – ветер с реки пронизывал до костей.

– Джейс, что ты задумал?

– Помнишь рассказ о свадьбах нефилимов? Мы не обмениваемся кольцами, мы помечаем друг друга Знаками любви и верности. – Джейс посмотрел на Клэри широко раскрытыми, доверчивыми глазами. – Я отмечу тебя, Клэри, и руна свяжет нас навсегда. Знак небольшой, но постоянный. Хочешь?

Клэри не спешила соглашаться или отказывать. Постоянный знак? В столь юном возрасте? Мать придет в ярость. Ну, раз никакие слова убедить Джейса не могут, так, может, руна верности его удовлетворит? Молча Клэри протянула Джейсу свое стило; принимая пишущий стержень, он нежно коснулся пальцами ее ладони. Холод крепчал, Клэри дрожала заметнее, все тело мерзло, за исключением руки, за которую удерживал ее Джейс. Он бережно провел стило по коже и, не встретив сопротивления, нажал сильнее. Жар, исходящий от кончика стержня, замерзшая Клэри приняла почти с благодарностью. Она терпеливо следила, как Джейс выводит узор из прямых линий и острых углов.

Чутье забило тревогу: линии знака говорили отнюдь не о любви. Руна несла в себе нечто темное, подавляющее и поработажующее. В ней читались утрата и мрак. Неужто Джейс рисует не ту руну? Да нет, не мог он напутать... И все же странное онемение поползло к плечу, по нервам пробежал тревожный импульс. Голова закружилась, земля поплыла под ногами...

– Джейс, – высоким, испуганным голосом позвала Клэри. – Джейс, ты не ошибся?..

Он выпустил ее руку. Держа стило с уверенной небрежностью – как и оружие, – Джейс произнес:

– Прости, Клэри. Я и правда хочу привязать себя к тебе. Лгать о таком я не посмел бы.

Она открыла было рот, желая спросить, о чем он, – и тут ее заволокла тьма. Уже в падении

Проболтавшись, казалось, целую вечность среди гостей на ужасно скучной вечеринке, Магнус наконец отыскал Алека. Юноша сидел за столиком в углу, позади букета из искусственных белых роз, в компании забытых полупустых бокалов. Сам Алек выглядел точно таким же, забытым, потерянным. Положив подбородок на руки, он пялился в пустоту и не поднял взгляда, даже когда Магнус изящно присел рядом на поставленный задом наперед стул.

– Хочешь, вернемся в Вену? – спросил маг.

Алек, продолжая смотреть перед собой, не ответил.

– Или едем в другое место? Куда хочешь? В Таиланд? Южную Каролину? Бразилию? Перу? Ой нет, в Перу мне путь заказан, совсем забыл. Долгая история, но можем вместе над ней посмеяться.

Судя по выражению на лице Алека, смеяться он настроен не был. Юноша демонстративно отвернулся в сторону струнного квартета, притворяясь, будто зачарован музыкой.

Обделенный вниманием, Магнус для развлечения принялся менять цвета напитков: шампанское в одном бокале стало синим, в другом – розовым. Магнус почти закончил перекрашивать третий бокал, и тут Алек шлепнул его по руке:

– Прекрати. Люди смотрят.

Магнус посмотрел на руки: с кончиков пальцев срывались голубые искорки. Да, заметно. Сжав пальцы, он заметил:

– Надо же спастись от тоски смертной. Ты вот со мной не разговариваешь.

– Правильно. В смысле, не разговариваю.

– О-о... Я предлагал вернуться в Вену или рвануть на Таиланд, на Луну, а ты не соизволил удостоить меня хоть каким-нибудь ответом.

– Я сам не знаю, чего хочу.

Понуриив голову, Алек играл с чьей-то пластиковой вилкой. Даже сквозь полуопущенные, тонкие, как лист пергамента, и бледные ресницы виднелись его глаза, светло-синие. Магнусу всегда нравились люди, больше всех других живых созданий. Он часто задавался вопросом: почему? Их век короток, как предупреждала Камилла. Однако смертность делает людей людьми, заставляя гореть, светить ярко, хоть и недолго. Как говорил поэт, смерть – мать красоты^[27]. Интересно, Ангел не думал подарить своим слугам, нефилимам, бессмертие? Несмотря на мощь, силу, во все века в битвах они гибли и гибнут как обычные люди.

– Снова этот взгляд, – проворчал Алек. – Ты словно видишь то, чего не вижу я. Камиллу вспоминаешь?

– Нет. Что из нашей беседы тебе удалось подслушать?

– Почти все. – Алек ткнул вилкой в скатерть. – Я стоял под дверью, и мне хватило...

– Сомневаюсь, что ты нас понял. – Магнус взглядом притянул к себе вилку и накрыл ее ладонью. – Хватит изводить себя. Что из сказанного мною Камилле тебя так беспокоило?

Алек посмотрел на мага:

– Кто такой Уилл?

Магнус выдохнул, издав подобие тихого смешка:

– Уилл! Боже правый! Сколько воды утекло... Он был нефилимом и внешне походил на тебя, это правда, но ты на него не похож. Джейс и то больше напоминает Уилла, характером по крайней мере. И наши с Уиллом отношения даже близко не стоят с тем, что у нас тобой. Я

удовлетворил твоё любопытство?

– Надеюсь, я не тень твоего мертвого любовника?

– Это слова Камиллы, не мои. Камилла – умелый интриган и опытный манипулятор.

– Но ты не возразил ей.

– Нельзя поддаваться на её уловки. Прикроешь одну сторону – она нападет с другой.

Единственная защита – притвориться, будто тебя её речи не трогают.

– Она говорила, что милые мальчики – твоё погребение. Отсюда вывод: я лишь один из длинного списка. Ушел или умер один – приходит другой. Я ничто, я... галочка напротив пункта.

– Александр...

– И это, – продолжал Алек, глядя в стол, – особенно несправедливо, ведь ты для меня не просто очередной любовник. Ради тебя я изменил жизнь, вот только ты не меняешься. Все вы, бессмертные, такие. Для вас ничто не важно.

– Говорю же, ты мне важен...

– Белая книга, – сменил тему Алек. – Отчего ты так страстно желал заполучить её?

Магнус озадаченно посмотрел на него в ответ:

– Сам знаешь, Белая книга – сборник очень мощных заклинаний.

– Который понадобился тебе с конкретной целью, я прав? – Алек судорожно вздохнул. – Можешь не отвечать, по твоему лицу вижу, что прав. Ты искал... заклятие, способное меня обессмертить?

– Алек, – прошептал потрясенный до глубины души Магнус. – Нет. Я... на такое не решусь.

Алек пристально взглянул на него своими синими глазами:

– Почему? Почему за все прожитые годы ты ни разу не пытался обессмертить любимого? Разве не хотелось бы тебе видеть меня рядом вечно?

– Конечно хотелось бы! – Магнус чуть не сорвался на крик. Заставив себя понизить тон, маг добавил: – Пойми, ничего не дается даром. Цена бессмертия...

– Магнус, – подбежала, размахивая телефоном, Изабель, – Магнус, надо поговорить.

– Изабель. – Вообще-то сестра Алека Магнусу нравилась, но время для разговора она выбрала неудачно. – Милая, прекрасная Изабель, уйди, пожалуйста. Момент неподходящий.

Изабель посмотрела на Магнуса, на Алека и снова на Магнуса:

– Не хочешь услышать новость? Камилла сбежала из Святилища. Мама требует немедленно прибыть в Институт и помочь отыскать вампирессу.

– Нет, – ответил Магнус. – Эту новость я слышать не желаю.

– Что я скажу? Плохо. Может, отвечать на вызов ты не обязан, но...

Магнус понял, что Изабель подразумевает под «но»: если маг не откликнется на вызов Конклава, его заподозрят в пособничестве Камилле. Магнусу такого даром не надо, к тому же Мариза придет в ярость и окончательно испортит магу отношения с Алеком. И все же...

– Камилла сбежала? – спросил Алек. – Еще никому не удавалось бежать из Святилища.

– Значит, – сказала Изабель, – она первая.

Алек сполз по спинке стула.

– Ступай, – разрешил он Магнусу. – Просто иди, дело срочное. Поговорить можем после.

– Магнус... – позвала Изабель. В её голосе смешались оттенки вины и настойчивость.

– Отлично. – Маг поднялся из-за стола и, нагнувшись к Алеку, произнес: – Запомни: ты для меня тоже не просто очередной любовник.

Алек зарделся:

– Даже так?

– Даже так, – ответил Магнус и отправился к выходу следом за Изабель.

Оказавшись на пустынной улице, Саймон привалился спиной к увитой плющом стене. Взглянув на небо, он увидел лишь темное бархатное полотно – сияние моста оттеняло звезды. Внезапно Саймон разозлился. Сейчас бы глотнуть холодного воздуха, прочистить мозги! Даже в тонкой рубашке вампир не мерз.

Постепенно, день за днем, теряя память о качествах человеческой жизни, Саймон забыл, каково это, мерзнуть, дрожать.

– Саймон?

Он будто врос в землю. Голос – тонкий, знакомый – ниточкой протянулся в холодном воздухе ночи. «Улыбочку», – последнее, что сказала... Нет, не может быть. Она умерла!

– Не отворачивайся, Саймон. – Ее голос звучал столь же тихо, как и при жизни. – Я рядом.

По спине пополз отвратительный холодок. Открыв глаза, Саймон медленно обернулся.

В кругу света под фонарем стояла Морин: длинное белое платье, прямые волосы отсвечивают желтым под лампой, кое-где на теле остались комья кладбищенской земли, на ногах белые тапочки. Лицо бледное-пребледное, на щеках – румяна, губы, словно маркером, накрашены ярко-розовой помадой.

Колени подогнулись, Саймон сполз на мостовую. Голова готова была разорваться.

Хихикнув по-девушечьи, Морин вышла из круга света. Приблизилась к Саймону, глядя на него свысока, удовлетворенно и насмешливо:

– Так и думала, что ты удивишься.

– Ты вампир. К-как? Я не крестил тебя. Не давал крови.

Морин покачала головой:

– Да, ты не давал. Правда, вампиром я стала благодаря тебе. Меня похитили прямо из спальни и на целый день посадили в клетку. Думали, я твоя подружка, и сказали, чтобы я не волновалась, ведь ты придешь. Ты не пришел...

– Я их не понял, – надломившимся голосом признался Саймон. – Понял бы – прибежал.

Морин откинула волосы за плечо, до боли напомнив Камиллу.

– Уже неважно, – сказала она тоненьким голоском. – На закате мне дали выбор: умереть или жить вечно – так, вампиром.

– И ты выбрала последнее?

– Не хотела умирать. – Морин вздохнула. – Теперь я навсегда останусь юной и красивой. Буду гулять ночами напролет, и домой возвращаться не надо. Она позаботится обо мне.

– О ком ты? Кто – она? Камилла? Морин, Камилла чокнутая, не слушай ее. – Саймон поднялся на ноги. – Я помогу тебе. Найду убежище, научу быть вампиром...

– О, Саймон. – Морин улыбнулась, обнажив ровный ряд белых зубок. – Ты сам не знаешь, как жить по-вампирски. Ты пил мою кровь против собственной воли, я же помню. Твои глаза вдруг стали черными, как у акулы, и ты укусил меня.

– Прости. Если только позволишь помочь...

– Идем со мной. Этим ты мне поможешь.

– Куда?

Морин оглядела пустую улицу. В полупрозрачном белом платье она походила на призрака. Ветер прибивал полы одежды к тонкому тельцу, однако Морин совершенно точно не ощущала холода.

– Ты избран, светлюб, теми, кто сделал меня такой. Теперь они знают, что ты отмечен Печатью, и ждут, когда ты придешь сам. Я вестник. – Морин по-птичьи склонила головку

набок. – Может, я для тебя ничего и не значу, но в следующий раз на моем месте окажется другой человек. Один из твоих любимых. Твоих друзей не оставят в покое. Либо ты упорствуешь до конца, и их истребят, либо ты сейчас отправишься со мной. Тогда и узнаешь, чего от тебя добиваются.

– А ты знаешь? Знаешь, чего от меня хотят?

Морин покачала головой. В рассеянном свете она выглядела практически прозрачной. Впрочем, и при жизни-то Саймон смотрел сквозь нее.

– Какая разница? – Морин протянула руку.

– Наверное, никакой, – ответил Саймон, беря ее ладонь.

– Пришли, – сказала Морин.

Она остановилась посреди тротуара и взглянула вверх на высотное здание из стекла и бетона, построенное в довоенном стиле. Впрочем, тут и там проглядывали современные черты: стеклопакеты, нетронутая патиной медная крыша, баннеры на фасаде с предложением: «РОСКОШНЫЕ АППАРТАМЕНТЫ ОТ \$750 000». Очевидно, в придачу к квартире здесь получают сад на крыше, фитнес-центр, бассейн с подогревом, швейцара... начиная с декабря. Сейчас здание окружали строительные леса, обвешанные табличками типа «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ» и «ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Морин быстро привыкала к вампиризму. Пробежав с Саймоном от «Айронворкс» по мосту Куинсборо, до самой Второй авеню, даже не заметила, что тапочки у нее истрепались, а дыхание вовсе не сбилось. Она блаженно взирала на фасад здания, и лицо у нее светилось в предвкушении чего-то важного.

– В дом ходу нет, – заметил очевидное Саймон. – Морин...

– Тс-sss... – Маленькой ручонкой Морин взялась за плакат на углу ближайших лесов и потянула. Гипсокартон отошел с мягким треском, на мостовую посыпались гвозди. Заглянув в проделанную дыру, Морин, довольная собой, широко улыбнулась.

Мимо проходил старик, выгуливающий пуделя в курточке с шотландским рисунком. Уставившись на странную пару, он посоветовал Саймону:

– Одел бы сестренку. Худющая-то какая, замерзнет в такую погоду!

Не успел Саймон ответить, как Морин обернулась. Обнажив клыки, она яростно прошипела:

– Он мне не брат!

Побледнев, старик подхватил пуделька на руки и бросился наутек.

Саймон покачал головой:

– Зачем сразу так-то?

Морин – совсем как Саймон, еще не привыкший к клыкам, – прокусила себе нижнюю губу. По подбородку потекли две тонкие струйки крови.

– Не указывай мне, – проворчала девочка, по-детски размазывая кровь тыльной стороной ладони. Убрав клыки и развернувшись к дыре, она позвала: – Идем.

Внутри Морин повела Саймона через импровизированную свалку: тут и там лежали сломанные инструменты, колотый кирпич, порванные полиэтиленовые мешки и баночки из-под колы. Приподняв подол платья и соорудив безразличную мину, Морин изящно перешагивала через мусор. Перепрыгнув через узкий желоб, она ступила на растрескавшиеся каменные ступени. Саймон не отставал.

Они поднялись к стеклянным дверям, за которыми начинался выложенный мрамором вестибюль. С потолка свисала массивная люстра; мертвые хрустальные сосульки не освещало ни капли света. В такой темноте человек не увидел бы ни зги, однако Саймон заприметил и мраморную стойку швейцара, и диванчик под зеркалом в золоченой раме, и ряд лифтов в противоположном конце вестибюля. Проводив до них Саймона, Морин нажала одну из кнопок вызова, и та – как ни странно – зажглась.

– Куда мы? – спросил Саймон.

Лифт прибыл, и Морин проводила Саймона в кабину, оформленную в золотых и красных тонах. На каждой стенке висело по матированному зеркалу.

– Наверх... – Ударив по кнопке последнего этажа, Морин хихикнула: – К Небесам.

* * *

– Ты Саймона не видела?

Изабель стояла, прислонившись к колонне и стараясь не захандрить. Она посмотрела на Джордана: нет, просто неприлично высокий! Шесть футов два дюйма – вот это был бы для него идеальный рост. На первый взгляд Джордан показался привлекательным: лохматый, зеленоглазый... а теперь Изабель знает, что он – бывший парень Майи. Значит, ему самое место в темном углу разума. Та м Изабель держит всех, с кем зажигать точно нельзя.

– Нет, не видела. Разве не ты следишь за ним?

– Он обещал вернуться минут сорок назад. Я-то думал, он в туалет отлучился.

– Фиговый из тебя телохранитель. Надо было вместе с Саймоном пойти.

– Пацаны, – в ужасе произнес Джордан, – парами в туалет не ходят.

Тяжело вздохнув, Изабель предупредила:

– Гомофобия тебя прикончит. Ладно, идем поищем Саймона.

Она искали, то углубляясь, то выходя из толпы гостей. Алек, киснувший за столиком и поигрывающий пустым бокалом, когда его спросили, ответил:

– Нет, не видел я Саймона. Может, потому что не искал?

– Так сдуйся и пошли с нами, – предложила Изабель. – Займешь себя полезным делом.

Пожав плечами, Алек присоединился к поискам. Компания разделилась: Алек пошел на второй этаж проверять подиумы, Джордан взял на себя террасу, а Изабель – главный зал. Она как раз решала, не глупо ли смотреть под столами, и тут подошла Майя.

– Все хорошо? – спросила волчица. Посмотрела сначала вверх, на Алека, потом на выходящего из зала Джордана. – Я поисковую операцию сразу узнаю. Что ищем? Пропал кто?

Изабель рассказала о Саймоне.

– Я с ним полчаса назад разговаривала.

– Джордан тоже, а после Саймон исчез. Его в последнее время убить пытаются...

Отставив бокал, Майя предложила:

– Я помогу искать.

– Ты не обязана. Саймон у тебя в черном списке.

– Не могу же я бросить его в беде, – ответила Майя таким тоном, будто Изабель – глупый ребенок. – Разве Джордана не приставили к нему стражем?

Изабель вскинула руки:

– Да, но знаешь, пацаны в туалет парами не ходят. Так Джордан отмазался.

– Дурак он, и отмазки у него дурацкие. – Сказав так, Майя пошла следом за Изабель.

Девушки прочесывали толпу, и в животе у Изабель росло неприятное пятнышко холода. Саймона в «Айронворкс» не найти. Когда вся компания вернулась в исходную точку, Изабель чувствовала себя так, будто залпом опорожнила ведро ледяной воды.

– Саймона здесь нет, – сказала она.

Выругавшись, Джордан виновато посмотрел на Майю:

– Прости.

– И не такое слышала. Что дальше будем делать? Звонить Саймону не пытались?

– Я оставил ему голосовое сообщение, – сказал Джордан.

– Куда он вообще мог пойти? – спросил Алек.

– Самый благоприятный вариант – Саймон вернулся на квартиру, – ответил Джордан. –

Самый худший – его достали покушеницы.

– Кто-кто? – ошеломленно переспросил Алек; Изабель, рассказав о бедах Саймона Майе, не нашла времени ввести в курс дела родного брата.

– Я еду домой, – предложил Джордан. – Хорошо, если застану Саймона. Если нет – будет, откуда продолжать поиски. Покушеницы знают, где он живет, они присылали угрозы. Может, и в этот раз подкинули записку? – пессимистично закончил он.

– Я с тобой, – моментально откликнулась Изабель.

– Не обязательно...

– Еще как обязательно. Это я пригласила Саймона на вечеринку, значит, отвечаю за него. И потом, праздник все равно скучный.

– Точно, – согласился Алек, довольный, что можно смотаться. – Я с вами. Нам стоит всем поехать. Клэри берем?

Изабель покачала головой:

– Это праздник ее матери. Было бы нечестно. Попробуем втроем разобраться.

– Втроем? – возмущенно откликнулась Майя.

– Ты тоже с нами? – спросил Джордан.

Изабель замерла, не зная, чего ожидать. Волчица слегка поджала губы и глянула на своего бывшего без ненависти, задумчиво.

– Ради Саймона, – объяснила она, предупреждая дальнейшие вопросы. – Погодите, я схожу за курткой.

* * *

Двери открылись, и Саймон увидел перед собой вихрь теней. Морин, хихикая, танцующей походкой скользнула во тьму. Саймон, вздохнув, вышел следом.

Они оказались в просторной, выложенной мрамором комнате. Свет не горел, однако в стене по левую руку имелись стеклянные двери. За ними лежала плоская крыша и вверху – черное ночное небо, усеянное тусклыми звездами.

Саймон проследовал за Морин на крышу. Ветер задувал с силой, и платье девочки трепетало, как мотылек, который пытается лететь против бури. Плакаты не обманули: сад на крыше и правда разбили со вкусом: покрытие из гладких шестиугольных плит, цветочные клумбы под стеклянными колпаками и по периметру фигурно подстриженные кусты в форме животных и чудищ. Тропинку окаймляли огоньки; со всех сторон высились жилые здания из стекла и стали, сияющие электрическим светом.

Тропинка упиралась в облицованные плиткой ступени, ведущие на широкую квадратную площадку. С трех сторон ее окружала высокая стена, та же, что огораживала весь сад. Место, явно предназначенное для общения жильцов: в середине бетонный блок, на котором в свое время установят гриль; по краям аккуратно подстриженные розовые кусты – в июне они расцветут, скроются под стеблями ползучих растений шпалеры. Владельцев квартир ждет роскошный отдых в шезлонге, с видом на мерцающую в лучах закатного солнца Ист-Ривер и световую мозаику распростертого внизу города.

С одной оговоркой. Плиточный пол уродовало изображение: намалеванный черной краской круг внутри большего круга. Меж двух замкнутых линий вились рунические письмена. Саймон, хоть и не принадлежал к нефилимам, мог узнать символы из Серой книги, повидал их достаточно. Эти же руны – грубые, страшные, словно проклятие на непонятном языке, – явно из другого сборника заклинаний.

В самом центре, на бетонном блоке, накрытый черной материей, возвышался крупный прямоугольный предмет. Судя по форме, гроб. Основание блока покрывало еще больше рун. Будь Саймон живой, кровь застыла бы у него в жилах.

Хлопнув в ладоши, Морин воскликнула:

– Ой, прелесть-то какая!

– Прелесть? – Саймон мельком глянул на загадочный предмет. – Морин, какого черта...

– Ты все же привела его, – прозвучал за спиной хорошо поставленный знакомый женский голос. На тропинке невеста откуда возникла брюнетка с короткой стрижкой. Высокая, стройная, в длинном черном пальто, перетянута в талии. Ни дать ни взять, роковая женщина из шпионских фильмов сороковых. – Благодарю, Морин, – продолжила дама. Черты лица у нее были жесткие и красивые; высокие скулы; глаза – большие, черные. – Ты хорошо постаралась, можешь идти. – Взглянув на Саймона, дама поприветствовала его: – Саймон Льюис, спасибо, что пришел.

На последней фразе Саймон вспомнил дамочку: она встретила его в переулке за баром «Альто».

– Вы... я вас помню. У меня ваша визитка. Продвигаете молодые группы. Да-а, всерьез за нас взялись. Видать, мы реально крутые.

– Довольно сарказма, он неуместен. – Глянув на Морин, дама более твердо повторила: – Можешь идти.

Морин пискнула и призраком метнулась к стеклянным дверям. Глядя, как она торопится к лифту, Саймон пожалел о ее уходе. Компания из Морин никакая, но без нее сделалось совсем одиноко. От дамочки исходила плотная аура темной силы, которую Саймон, опьяненный человеческой кровью, при первой встрече не почувствовал.

– Ты заставил меня попотеть, Саймон. – Ее голос прозвучал с другой стороны, и, развернувшись, Саймон застал дамочку возле бетонного постамента. Облака рваными полотнами проносились на фоне луны, отбрасывая на лицо незнакомки причудливые тени. Пришлось запрокинуть голову, чтобы не упустить ее из виду. – Сначала я думала, что поймать тебя будет легко. Ты всего лишь вампир, новообращенный. Пусть и светлюб, пусть ты и первый за последние сто лет. Видала я вашего брата. Да, – улыбнулась она в ответ на удивленный взгляд Саймона, – я старше, чем выгляжу.

– На вид вы очень старая.

Пропустив колкость мимо ушей, незнакомка продолжила:

– Я посылала за тобой лучших людей, и лишь один возвратился. Кормил меня бессвязным лепетом о гневном Господнем. Бестолковая скотина, пришлось избавиться от него и вступить в дело лично. Я посетила ваше бездарное представление и тогда же, поговорив с тобой, заметила Печать. Видишь ли, я знавала Каина и хорошо помню Метку.

– Вы знали Каина? – Саймон покачал головой. – Так я вам и поверил.

– Веришь, не веришь – мне без разницы. Я старше снов твоего рода, мальчик. Я ступала тропами Райского сада, я была женой Адама до Евы. За непокорность ему Бог изгнал меня из Эдема, а для Адама сотворил новую женщину, послушную, из ребра мужа. – Незнакомка слабо улыбнулась. – У меня много имен, однако можешь звать меня Лилит. Праматерь демонов.

Саймон, месяцами не знавший холода, вздрогнул. Он где-то слышал имя Лилит, и говорило оно о тьме, гнусных и непотребных вещах.

– Пришлось поломать голову, как быть с Печатью, – призналась Лилит. – Видишь ли, светлюб, ты мне нужен. Требуется твоя жизненная сила, кровь. Насильно забрать ее нельзя.

Лилит говорила так, будто слить кровь из Саймона – естественное, обыденное дело.

– Вы... пьете кровь? – спросил Саймон. Голова закружилась, он словно попал в странный

сон. Происходящее просто не могло быть явью!

Лилит рассмеялась:

– Демоны не питаются кровью, глупое дитя! Я не для себя беру твою жизнь.

Саймон покачал головой:

– В круг я не войду.

Демоница пожала плечами:

– Как хочешь. Только присмотришься для начала...

Она небрежно пошевелила пальцами – словно отодвигая легкий занавес, – и материя, под которой скрывался прямоугольный предмет, растаяла в воздухе.

С формой Саймон не ошибся: на постаменте стоял стеклянный гроб. В нем легко уместилось человеческое тело. Хрустальный гроб, как у Белоснежки. С той только разницей, что Саймон не в сказке, и внутри, в дымчатой жидкости, окруженный ореолом светлых волос, плавал голый по пояс Себастьян.

* * *

На двери сообщения не обнаружилось, и под ковриком тоже. В квартире ничего необычного не заметили. Алек остался внизу сторожить парадную дверь, Майя с Джорданом выпотрошили рюкзак Саймона; Изабель тем временем заглянула в его комнату: голые стены, матрас, скомканное в изножье белое одеяло и единственное окно с видом на авеню В.

Изабель слышала город – город, в котором выросла. С самого детства звуки Нью-Йорка окружали Изабель, и потому тишина Идриса казалась ей чуждой: ни воя сигнализаций, ни криков, ни сирен «скорых», ни музыки. Нью-Йорк даже в глухую ночь полнится ими. Однако здесь, в пустой комнатенке Саймона, привычные звуки навевали жуткое одиночество. Слушать их, лежа на полу и глядя в потолок, – это...

Постойте, а ведь собственной комнаты Саймона Изабель не видала. В ней, наверное, по стенам развешаны постеры, спортивные трофеи, всюду коробки с любимыми играми, музыкальные инструменты, книги – атрибуты нормальной жизни. Изабель никогда не напрашивалась в гости, да и Саймон не приглашал. При одной мысли о знакомстве с миссис Льюис Изабель пугалась. Ей неловко было думать обо всем, что подразумевало большую серьезность в отношениях. И вот сейчас, стоя на пороге комнаты Саймона, Изабель вдруг испытала приступ страха за бывшего парня – вместе с приступом сожаления.

Она уже хотела выйти из спальни, когда вдруг услышала приглушенные голоса из гостиной: говорила Майя, причем совершенно спокойно. Странно, ведь она так ненавидит Джордана.

– Ничего, только ключи, записки с результатами игры.

Выглянув из-за косяка, Изабель присмотрелась: Майя расстегивала кармашек на рюкзаке Саймона. Джордан – по другую сторону стойки – смотрел на нее. Смотрел на саму Майю, не на то, что она делает, как обычно влюбленные парни следят за каждым твоим жестом.

– Проверю бумажник, – сказала Майя.

Джордан, сменивший костюм на джинсы и кожанку, нахмурился:

– Странно, что Саймон его оставил. Можно взглянуть? – Он протянул руку.

Майя так резко подалась назад, что выронила бумажник.

– Я не хотел... – Джордан медленно отвел руку. – Прости.

Майя глубоко вздохнула:

– Послушай, Саймон все рассказал. О том, что ты не собирался меня обращать и что ты сам ничего не понимал. Я и сама помню, как все начиналось. Было так страшно.

Джордан медленно и аккуратно положил руки на стойку. Забавно следить за тем, как здоровяк вроде него пытается казаться маленьким и безобидным.

– Мне следовало остаться с тобой.

– Стражи не позволили бы. И давай признаем: ты не понимал, каково это – жить по-волчьи. Мы с тобой слепо ходили бы по кругу. Может, даже лучше, что ты не остался. Я бежала из дому и нашла помощь.

– Сначала я хотел, чтобы в стражи приняли и тебя, – прошептал Джордан. – Мы воссоединились бы. Потом я понял: эгоистично желать тебе заразиться ликантропией. Шансы были пятьдесят на пятьдесят, и я понадеялся, что ты – из везунчиков.

– Нет, не из них, – обыденным тоном ответила Майя. – Все эти годы я представляла тебя чудовищем, которое знает, на что идет, зачем кусает меня. Думала, ты отомстил мне за поцелуй с другим парнем. Я ненавидела тебя. Так легче, легче, когда есть, кого винить.

– Я и правда виноват. Виноват перед тобой.

Стараясь не смотреть на Джордана, Майя провела пальцами по крышке стойки:

– Виноват, но... в другом. Уже в другом.

Джордан свирепо дернул себя за волосы:

– Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал о содеянном. Я покусал тебя, обратив в волка, сделав тем, кто ты есть. Поднял на тебя руку. На единственного человека, которого любил больше всего на свете.

Глаза у Майи заблестели от слез.

– Не говори так. Не поможет, не надейся.

Громко кашлянув, Изабель вошла в гостиную:

– Ну, отыскиали что-нибудь?

Часто-часто заморгав, Майя отвернулась. Джордан, опустив руки, ответил:

– Ничего особенного. Вот, хотели проверить бумажник. – Джордан подобрал выроненное Майей портмоне. – Взгляни. – Бросил его Изабель.

Перехватив бумажник на лету, Изабель открыла его: школьный пропуск, удостоверение личности, заткнутый в кармашек для кредиток медиатор, десятидолларовая банкнота, талон на игральные кости и – что это? – визитка, небрежно спрятанная позади совместной фотографии Саймона и Клэри. (Такие делают в дешевых фотоматах.) Оба, и Клэри, и Саймон, на снимке улыбаются.

Вынув визитку, Изабель присмотрелась к ней: витиеватое абстрактное изображение гитары на фоне облаков, и внизу имя: «Сатрина Кендалл. Продвижение молодых групп». Дальше – телефон и адрес. Изабель нахмурилась. Сатрина, знакомое имя...

Изабель протянула визитку Джордану и Майе. (Оборотни старательно избегали взглядов друг друга.)

– Что скажете?

Не давая им ответить, в квартиру вошел Алек. Он хмурился:

– Нашли что-нибудь? Я полчаса проторчал снаружи, и ничего опасного. Разве что студент, блюющий на ступеньках крыльца.

– Взгляни. – Изабель протянула ему карточку. – Ничего подозрительного не замечаешь?

– Кроме того, что ни один продюсер не заинтересуется паршивой группой Льюиса? – сострил Алек, держа визитку двумя пальцами. – Сатрина? – прочел он, и между бровей у него залегли морщинки.

– Это имя тебе о чем-нибудь говорит? – спросила Майя. Голос у нее окреп, хотя с глаз еще не сошла краснота.

– Сатрина – одно из семнадцати имен Лилит, праматери демонов. Из-за нее магов называют

детьми Лилит. Она породила демонов, а те в свою очередь – расу волшебников.

– Ты держишь в памяти все семнадцать имен? – с сомнением спросил Джордан.

Холодно глянув на него, Алек ответил:

– Напомни, как тебя зовут?

– Алек, заткнись! – велела Изабель тоном, который позволяла себе только с братом. – Не у всех мозги удерживают скучные факты. Ты ведь и сам не вспомнишь остальные пятнадцать имен Лилит?

С выражением превосходства на лице Алек принялся перечислять:

– Сатрина, Лилит, Ита, Кали, Батна, Талто...

– Талто! – завопила Изабель. – Есть! Между ними связь!

Она быстро поведала о том, как Клэри нашла церковь Талто, и о мертвом ребенке-полудемоне в больнице «Бет-Израиль».

– Что ж ты сразу не сказала? – пожаловался Алек. – Талто – одно из имен Лилит. Ее всегда связывают с детьми. Лилит, первая жена Адама, покинула Эдем, потому что не хотела подчиняться ни мужу, ни Богу. Господь проклял ее за это: все ее дети рождаются мертвыми. По легенде, Лилит постоянно пыталась зачать и всякий раз терпела неудачу. Поклявшись отомстить Богу, она ослабляла и губила смертных чад. Можно сказать, она богиня демонов и мертвых младенцев.

– Как же она родила демонов? – спросила Майя.

– Лилит окропила собственной кровью землю Едома. Кровь была пропитана ненавистью к Богу и человечеству, и потому из ее капель рождались демоны. – Видя пристальные взгляды ребят, Алек пожал плечами. – Легенда, не более.

– Ни одна легенда не лжет, – напомнила Изабель. С самого детства она придерживалась такого принципа: всякая религия, всякая легенда или миф имеет смысл. – Сам знаешь, Алек.

– Знаю. Знаю и еще кое-что, – отдал он сестре визитку. – Телефон и адрес на карточке – фуфло. Совершенно точно не настоящие.

– Может, и так. – Изабель спрятала визитку в карман. – Но других зацепок нет.

* * *

Саймону оставалось пялиться на стеклянный гроб, на мертвое – определенно не живое – тело. Впрочем, будь Себастьян на все сто мертвый, то спустя два месяца после гибели выглядел бы иначе, куда хуже. Кожа у него была мраморно-белой, вместо одной из кистей рук – забинтованный обрубок. Никаких знаков, отметин. Себастьян словно спал: глаза закрыты, руки свободно лежат по бокам. Настораживало только то, что грудь его вздымалась и опускалась.

– Но, – заговорил Саймон, сам понимая, насколько глупую фразу произносит, – он мертв. Джейс его убил.

Лилит опустила бледную руку на крышку гроба:

– Джонатан. – Саймон вспомнил: так на самом деле зовут Лжесебастьяна. Это имя Лилит произнесла с какой-то необычайной мягкостью, словно пела ребенку колыбельную. – Правда, он прекрасен?

– Э-э... – протянул Саймон, с отвращением глядя на чудовище в гробу. На монстра, убившего девятилетнего Макса и Ходжа. Чуть не погубившего всех. – Не в моем вкусе.

– Таких, как Джонатан, больше нет. Он единственный из Охотников наполовину высший демон. Наша суть делает его очень могущественным.

– Он мертв, – повторил Саймон. Казалось, важно настаивать на этом факте (признавать

который Лилит, похоже, отказывалась).

Глядя на Себастьяна, демоница нахмурилась:

– Ты прав. Джейс Лайтвуд ударил его в спину, пронзив сердце.

– Откуда вы...

– Я была в Идрисе. Стоило Валентину распахнуть ворота в мир демонов, и я пришла. Не сражаться в глупой войне, просто из любопытства. Валентин потерял голову, стал чересчур спесив... – Лилит пожала плечами. – За что и поплатился. Небо сокрушило его. Я видела, как он принес жертву, как Ангел восстал и обратился против Валентина. Видела, что Разиил вернул. Я старейшая из демонов и знаю Старые законы. Жизнь за жизнь. Я помчалась за Джонатаном, однако человеческое в нем погибло моментально: сердце не билось, легкие не качали воздух. Одних Старых законов недостаточно. Я пыталась вернуть Джонатана, но он ушел безвозвратно. Получилось лишь сохранить его тело до сего дня.

Интересно, что будет, если Саймон побежит? Бросится с крыши? Никто их живущих не может навредить ему: Печать не позволит. Однако вряд ли она защитит от земного притяжения. Если каждая косточка в теле сломается... исцелится ли он? Сглотнув, Саймон заметил, что Лилит насмешливо на него смотрит.

– Разве не хочешь узнать, ради какого дня я сохранила Джонатана? – И, предупреждая догадки Саймона, демоница облокотилась на крышку гроба. – Полагаю, тебе известна легенда о появлении нефилимов? Когда Ангел Разиил смешал свою кровь с кровью людей и дал ее испить одному человеку, который после и сделался первым нефилимом?

– Слышал.

– Разиил создал новую расу. Джонатан знаменует собой сотворение еще одной расы. Как Джонатан Нефилим возглавил род Охотников, так Джонатан возглавит мой новый род.

– Вы создаете новую расу?.. – Саймон вскинул руки. – Знаете, если вам угодно сотворить новых существ при помощи трупа, валяйте. Мое участие не требуется.

– Джонатан мертв. Его надо вернуть. – Голос Лилит звучал холодно, бесстрастно. – Есть лишь один вид нежити, чья кровь дарует возможность, скажем так, воскрешать.

– Вампиры. Хотите, чтобы я обратил Себастьяна в вампира?

– Его зовут Джонатан! Да, в некотором смысле, ты прав. Укуси Джонатана, выпей его крови и дай взамен свою...

– Увольте.

– Уверен?

– Мир без Себастьяна, – Саймон намеренно употребил это имя, – гораздо лучше мира, в котором Себастьян жив. – В груди волной вздымался гнев. – Даже при моем согласии вернуть его не получится. Он мертв. Совсем-совсем мертвых вампиры не возвращают. Могли бы знать, если вы такая мудрая. Отошедшую душу в тело не поместить. К счастью.

Лилит перевела взгляд на Саймона:

– Ты, смотрию, ничего не знаешь. Клэри не рассказывала?

– Чего? – теряя терпение, спросил Саймон.

Лилит хихикнула:

– Око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь. Дабы предотвратить хаос, нужен порядок. Если Свет получает жизнь, то и Тьма берет свое.

– Я, – нарочито медленно произнес Саймон, – понятия не имею, о чем вы. И мне плевать. Вы, злодеи, достали со своими программами евгеники. Хватит, ухожу. Угрозы, попытки расправы только приветствуются. Посмотрим, что будет.

Взглянув на вампира, Лилит вновь хихикнула:

– Восстал Каин...^[28] Ты очень похож на того, чью Печать носишь. Те же упрямство и

безрассудство.

– Каин пошел против... – Саймон не договорил, не смог произнести: «...Против Бога». – Против меня – только вы.

Он развернулся, готовый покинуть крышу.

– На твоём месте я бы не поворачивалась ко мне спиной. – Почувств неладное, Саймон обернулся. – Думаешь, тебя нельзя уязвить? – усмехнулась Лилит. – Руки я на тебя и правда поднять не могу. Не дура, видела карающий небесный огонь... и гореть в нем желания не испытываю... Я не Валентин, не стремлюсь торговаться с тем, чего не понимаю. Я демон, и очень старый демон. Знаю человечество как облупленное и вижу его слабости: гордыня, жажда власти, зов плоти, жадность и стяжательство, любовь...

– Любовь – не слабость.

– Серьезно? – спросила демоница, глядя Саймону за спину холодным и острым, как сосулька, взглядом.

Вампир обернулся – не желая того, но понимая, что должен.

На выложенной плитняком тропинке стоял Джейс: черный костюм, белая сорочка. Перед ним – Клэри, в том же милом золотистом платье; длинные рыжие волосы выбились из узла и теперь ниспадали на плечи. Замерев, Клэри не смела разорвать объятий Джейса. С виду романтическая картина, и все бы хорошо, если бы Джейс не упирал Клэри в горло длинный нож с костяной рукояткой.

Ошеломленный, сбитый с толку, Саймон вытаращился на Джейса – на лице ни единой эмоции, взгляд совершенно пустой.

Чуть склонив голову, Джейс произнес:

– Я привел ее, госпожа Лилит. Как вы и просили.

Клэри еще никогда так не мерзла.

Даже когда выбиралась на берег озера Лин и сплевывала ядовитую воду, даже когда умер Джейс, Клэри не ощущала такого парализующего холода. Лежа рядом с мертвым Джейсом, Клэри чувствовала, как сердце горит гневом – гневом на отца.

Девушка превратилась в ледышку, с головы до пят.

Очнулась она в мраморном вестибюле неизвестного здания, под несветящей люстрой. Джейс нес Клэри на руках; чувствуя головокружение и вялость, она уткнулась лицом ему в шею.

– Что случилось? – прошептала она.

Джейс поднес Клэри к лифту и нажал кнопку вызова. Из шахты донесся скрежет – кабина пошла вниз. Где они?

– Ты упала в обморок.

– Что?.. – Клэри осеклась. Вспомнила, как Джейс держал ее, как жег руку пишущий стержень. Вспомнила неправильную, страшную руну. Помолчав немного, Клэри попросила: – Опустите меня.

Джейс поставил ее рядом с собой. При желании Клэри могла дотронуться до него, однако впервые с момента встречи не испытала такого желания. Она словно видела незнакомца: этот юноша внешне походил на Джейса, говорил, как он, и Клэри держал на руках точно так же, но глаза смотрели иначе. И на губах играла пугающая улыбка.

За спиной у Джейса открылись двери лифта. Клэри вспомнила, как в Институте она стояла у закрытой решетки, шепча: «Я люблю тебя». Сейчас позади Джейса словно распахнулся вход в темную пещеру. Клэри запустила руку в карман, надеясь найти там стило. Пусто.

– Ты меня вырубил, – сказала девушка. – Вырубил руной и принес сюда. Зачем?

Выражение лица Джейса оставалось пустым и бесстрастным.

– Пришлось. Выбора не было.

Клэри побежала к выходу, но Джейс обогнал ее. Он всегда был быстрее. Преградив путь, он вытянул руки вперед:

– Клэри, стой, не беги. Ради меня, прошу.

Она недоверчиво посмотрела на него. Голос Джейса – и в то же время не его. Те же интонации, нотки, только без жизни. Как она прежде не заметила? Ей-то показалось, что голос Джейса звучит устало, подавленно из-за стресса, а с ней на самом деле говорил не Джейс.

Желудок сделал сальто, и Клэри вновь метнулась к дверям. Джейс перехватил ее поперек талии и развернул к себе. Пытаясь отбиться, Клэри разорвала на нем сорочку.

И замерла. На груди, прямо над сердцем, у Джейса горела руна. Неизвестная, не черная, как у нефилимов. Темно-красная, цвета спекшейся крови. В линиях этой руны не читалось утонченности, присущей рунам Серой книги. Этот знак вился, в углах и острых линиях его было что-то зловещее.

Джейс оглядел себя и, как будто ничего не заметив, сказал:

– Все в порядке. Ты меня не поранила.

– Этот Знак... – Клэри осеклась. Джейс не знает о руне! – Отпусти меня, – попросила она и попятилась. – Не неволь, ты не обязан.

– Ошибаешься, – ответил он и снова потянулся к Клэри.

На сей раз она отбиваться не стала. Ну, убежит, и что дальше? Нельзя же оставить Джейса, бросить его. Он не ушел, его дух где-то там, заперт позади пустых глаз, кричит и просит о

помощи. Клэри должна остаться и выяснить, что происходит. Она позволила взять себя на руки и отнести в кабину лифта.

– Братья молчания заметят твое отсутствие, – предупредила Клэри, глядя, как одна за другой загораются кнопки с номерами пройденных этажей. – Они предупредят Конклав. Тебя будут искать...

– Я не боюсь Братьев молчания, потому что не был узником в Городе. Никто не ждал побега, моего ухода до утра не заметят.

– А если монахи пробудятся раньше?

– О, не беспокойся. Скорее заметят твое отсутствие на вечеринке. Впрочем, никто ничего поделать не сможет. Отследить тебя в этом здании нельзя, чары здесь не действуют. – Джейс убрал с лица Клэри волосы, и она замерла. – Верь мне. Никто за тобой не придет.

Они вышли из лифта, и Джейс достал нож:

– Я никогда не причиню тебе боли, сама знаешь. – С этими словами он острием откинул прядку с лица Клэри и прижал к ее горлу лезвие. Вывел на крышу, где ледяной ветер тут же впился в голые плечи и руки. Теплые руки Джейса касались Клэри, но не грели, не грело и тепло его груди. Ее нутро словно наполнилось острыми осколками льда.

Еще сильнее Клэри ощутила холод, когда увидела Саймона. Тот смотрел на нее большими темными глазами; на лице его, как на листке бумаги, читалось потрясение. Саймон взирая на Клэри и на Джейса как на что-то противоестественное – как на людей с лицами наизнанку, как на глобус, где нет материков, одна лишь вода.

Скользнув мимо женщины с бледным, утонченным и злобным лицом, взгляд Клэри уперся в прозрачный гроб на каменном пьедестале. Изнутри хрустального ящика исходило молочно-белое сияние, и Джонатан плавал не то в воде, не то в какой-то магической жидкости. Обычная Клэри закричала бы при виде мертвого брата, погруженного неизвестно во что, неподвижно лежащего внутри хрустального гроба, как Белоснежка. Однако эта – остолбеневшая – Клэри могла только смотреть на труп, потрясенно и без эмоций.

Губы красные, как кровь, кожа белая, как снег, волосы черные, как смоль. Частично описание совпадало: при первой встрече Себастьян и правда имел черные волосы, которые теперь стали бело-серебристыми и окружали его голову подобно водорослям-альбиносам. Они совсем как у отца, у родного отца. Кожа белая, словно составлена из светящихся кристалликов, и губы бесцветны, как и веки.

– Спасибо, Джейс, – сказала женщина, названная госпожой Лилит. – Славно сработано, а главное – быстро. Я ожидала трудностей с тобой, но беспокоилась понапрасну.

Клэри во все глаза уставилась на нее. Внешне женщина не казалась знакомой, однако ее голос... Где-то Клэри слышала его прежде. Она попробовала вырваться из объятий Джейса, отчего хватка сделалась только крепче. Лезвие ножа царапнуло кожу на шее. Случайность. Джейс – даже в таком состоянии – ни за что не обидел бы Клэри.

– Ты, – процедила она сквозь зубы. – Что ты сотворила с Джейсом?

– Дочь Валентина говорит... – Темноволосая улыбнулась. – Саймон? Будь добр, объясни.

Вампира, казалось, вот-вот вырвет.

– Понятия не имею, – чуть ли не задыхаясь, ответил он. – Поверь, я вас тут совсем не ждал.

– Братья молчания говорили, что всему виной демон, который залез в голову к Джейсу, – сказала Клэри. Саймона ее слова вогнали в еще больший ступор. Темноволосая просто взирая на Клэри глазами, похожими на плоские обсидиановые монеты. – Этот демон – ты, да? Зачем тебе Джейс? Чего ты хочешь от нас?

– «От вас»? – Лилит разразилась смехом. – Как будто ты важна для меня, дитя. В чем твоя роль? Ты – инструмент, от начала и до конца. Мне нужны эти юноши, и оба они тебя любят.

Джейсу Эрондейлу ты доверяешь больше остальных на свете, а светолуб за тебя отдаст жизнь. Может, тебе навредить нельзя, – обратилась Лилит к Саймону, – зато можно ей. Достанет ли тебе упрямства смотреть, как Джейс перережет ей горло? Или все же отдашь свою кровь?

Похожий на смерть во плоти, Саймон медленно покачал головой. Открыл рот, желая ответить, но его опередила Клэри:

– Саймон, нет! Не соглашайся! Джейс не причинит мне вреда!

Женщина обратила бездонные глаза в сторону Джейса:

– Порежь ее... чуть-чуть.

Плечи Джейса напряглись, совсем как тогда, в парке, когда он учил Клэри драться. Что-то холодное и горячее одновременно коснулось горла, и по шее на ключицу потекла теплая струйка.

Глаза у Саймона полезли на лоб.

Джейс порезал ее, все-таки причинил ей вред. Клэри вспомнила, как Джейс корчился от боли на полу спальни. «Снится, как ты приходишь ко мне, и мы... начинаем то, что не закончили сейчас. А потом я режу тебя, душу, колю, и ты умираешь, глядя на меня своими зелеными глазами. И твоя жизнь утекает у меня сквозь пальцы».

Клэри остолбенела, ведь это – Джейс! Он никогда не поднимет на нее руку! Клэри посмотрела на воротник платья – запачканный кровью, словно красной краской.

– Теперь видишь? – спросила женщина. – Джейс выполнит любой приказ. Не вини его, он полностью в моей власти. Неделями я рылась в его мыслях, смотрела его сны, изучала страхи, желания, совесть, устремления. Во сне Джейс принял мою Печать. Знак, пройдя сквозь кожу, впитался в его душу. Теперь она в моих руках. Джейс мой раб.

Вспомнились слова Братьев молчания: «Когда рождается Охотник, над ним свершается обряд: Братья молчания и Железные сестры накладывают на ребенка защитные чары».

«Все из-за меня», – подумала Клэри. Ведь это она привела Джейса в Город молчания и сохранила дело в тайне. Попроси она хоть у кого-нибудь помощи, за Джейсом присмотрели бы, да и ритуал, возможно, провели бы скорее. Лилит утратила бы доступ к мыслям Джейса.

Клэри сделалась противна самой себе.

Джейс стоял неподвижно как статуя, крепко прижимая Клэри к груди и держа нож у ее горла. Вздохнув, она почувствовала кожей холодное прикосновение лезвия. Как можно спокойнее Клэри произнесла:

– Ты управляешь Джейсом. Не понимаю только – зачем? Припугнуть меня можно и другими способами: они гораздо легче.

Лилит утомленно и нетерпеливо вздохнула:

– При помощи тебя я хочу заставить Саймона отдать кровь. Джейс нужен еще и в качестве противовеса. В магии следует соблюдать баланс, Кларисса. – Она указала на черный круг и магические символы, затем – на Джейса. – Он первый. Первый возвращенный, первая душа, восстановленная в этом мире во имя Света. Теперь Джонатан должен стать первой душой, приведенной обратно во имя Тьмы. Понимаешь, глупая девочка? Мы все нужны, мы на своем месте. Саймон умрет, Джейс будет жить, Джонатан возвратится, а ты начнешь процесс.

Голос демоницы сделался низким и напевным, и тогда Клэри с ужасом узнала его. Вспомнила видение: отец преклонил колена у пентаграммы, в центре которой сидит темноволосая женщина, из глазниц у нее торчат щупальца. Она сказала тогда: «Ребенок, в чьих жилах потечет моя кровь, силой своей превзойдет демонов, что обитают в бездне между мирами. Он станет могущественней Асмодея и шедим. Если обучить его должным образом, он сумеет все на свете. И предупреждаю: я вытравлю из него все человеческое, как яд лишает жизни кровь».

– Я знаю, кто ты, – едва разжимая губы, сказала Клэри. – Видела, как ты надрезала себе

запьястье и пролила кровь в чашу моего отца. Ангел Итуриил показал мне.

Взгляд Саймона заметался между Клэри и демоницей, в глазах которой мелькнуло удивление. А ведь ее не просто поразить.

– Мой отец называл тебя госпожой Едома, – продолжала Клэри. – Ты высший демон, твоя кровь сделала Джонатана... монстром. Если бы не ты...

– Верно, правду говоришь. Я дала кровь Валентину Моргенштерну. Он влил ихор в нерожденного сына, и вот результат. – Лилит ласково опустила руки на крышку гроба и как-то странно улыбнулась. – Можно даже сказать, что мать Джонатана – я.

* * *

– Говорил же, адрес – фуфло! – пробурчал Алек.

Изабель не обратила на его жалобы внимания. Едва переступив порог недостроенного дома, она почувствовала, как дрогнул рубиновый кулон. В нем словно проснулось крохотное сердце. Значит, в доме действует демоническая сила. Алек тоже заметил бы присутствие демона, если бы перестал думать о Магнусе и сосредоточился.

– Доставай ведьмин огонь, – велела Изабель. – Я свой дома забыла.

В ответ она удостоилась раздраженного взгляда. В темном вестибюле человеческий глаз не видел ни зги, зато оборотни – Джордан и Майя – ориентировались превосходно. Пока Джордан изучал мраморную стойку портье, Майя, прислонившись к противоположной стене, разглядывала кольца у себя на пальцах.

– Ведьмин огонь положено везде носить с собой, – напомнил Алек.

– Да-а? Ты сенсор принес? – огрызнулась Изабель. – Что-то не вижу. У меня хотя бы вот что есть. – Она похлопала ладонью по кулону. – В доме присутствует нечто демоническое.

Джордан резко обернулся:

– Здесь демоны?

– Точно не знаю. Один, может быть. Кулон вздрогнул и затих, – признала Изабель. – И слабого импульса хватает, надо обыскать здание. Слишком уж большое совпадение.

Вокруг нее разлился приглушенный свет – Алек достал ведьмин огонь. В сиянии магического камня лицо юноши казалось еще старше, оттенок глаз – насыщеннее.

– Идемте, – позвал Алек. – Обследуем этаж за этажом.

Он первым отправился в сторону лифта, за ним – Изабель, а после – Майя с Джорданом. Изабель нанесла на подошвы ботинок Руны Беззвучности, зато Майины каблуки цокали будь здоров. Нахмурившись, волчица сняла туфельки и остаток пути проделала босиком. Уже в кабине лифта Изабель заметила: на большом пальце левой ноги у Майи поблескивает золотое кольцо с бирюзовым камушком.

Джордан, заметив его, удивленно произнес:

– Я помню это кольцо. Сам покупал его тебе в...

– Заткнись, – велела Майя, ударив по кнопке закрытия дверей. Джордан умолк.

Они останавливались на каждом этаже, по большей части недостроенных: света нет, с потолка лианами свисает проводка, на окнах – фанерные щиты, на слабом ветру, словно призраки, кольшутся полиэтиленовые чехлы. Изабель постоянно держала руку на кулоне, но амулет молчал... до десятого этажа. Едва открылись двери лифта, как он вострепнулся, будто пойманная птичка.

– Здесь что-то есть, – прошептала Изабель.

Алек кивнул, Джордан открыл было рот, но Майя пихнула его локтем под ребра.

Выскользнув мимо брата из лифта, Изабель прошла в коридор. Рубиновый кулон бился в ладони, как потревоженное насекомое.

Алек за спиной прошептал: «Сандалфон», и вокруг Изабель разлилось сияние. В отличие от предыдущих этажей этот был более или менее достроен: стены облицованы гранитом, пол выложен гладкой черной плиткой. В конце коридора – груда стройматериалов и спутанных проводов, в противоположной стороне – сводчатый проход, за ним – манящая темная пустота.

Изабель оглянулась на товарищей: Алек, спрятав ведьмин огонь, освещал кабину лифта клинком серафима; в руке у Джордана поблескивал жуткий длинный нож, а Майя вроде собирала волосы на затылке. На самом деле она вынула острую, как бритва, шпильку. В глазах у волчицы загорелся злобный зеленоватый огонек, на пальцах выступили когти.

– За мной, – скомандовала Изабель. – По-тихому.

Бился прижатый к шее кулон, Изабель шла по коридору, словно подгоняемая тычками невидимого пальца. Остальных она не слышала, хоть и знала: они идут следом – по гранитным стенам ползли длинные тени. Горло перехватило, нервы натянулись, как всегда перед дракой. Предвкушение битвы Изабель любила меньше всего; потом оно завершится, и на волю вырвутся гнев и жестокость. Тогда все мысли займет бой, и только бой.

Войдя под арку, Изабель присмотрелась: мрамор, причудливый орнамент в виде завитков, не совсем вписывающийся в современный интерьер. Проходя дальше, Изабель задрала голову и чуть не вскрикнула: скалясь, на нее смотрело изображение горгульи. Скорчив рожицу, Изабель вошла в комнату.

Просторная, высокий потолок; в будущем здесь разместят полноценную квартиру-студию. Вместо стен – окна от пола до потолка, с видом на Ист-Ривер и Куинс; в темных водах реки отражаются кроваво-красное и темно-синее свечение рекламы пепси. Огни соседних зданий кажутся новогодними украшениями. Сама комната погружена во тьму и полна странных, бесформенных теней, расставленных с равным промежутком друг от друга. Изабель прищурилась: тени вроде не живые, больше похожи на детали угловатой мебели, но какой?..

– Алек, – тихо позвала Изабель. Кулон чуть не вырывался из оправы. Больно бил по шее.

Уговаривать брата не пришлось. Он подскочил к Изабель и поднял клинок над головой. Свет затопил комнату, и рука Изабель метнулась ко рту.

– Боже правый, – прошептала девушка. – Ангел мой, нет...

* * *

– Вы ему не мать, – надломившимся голосом возразил Саймон. Лилит даже не обернулась. Она по-прежнему гладила крышку гроба, в котором лежал Себастьян, тихий, бездыханный. Босой. – Его мать – другая женщина, она же мать Клэри, так что Себастьян... Джонатан с Клэри брат и сестра. Он не обрадуется, если вы причините ей вред.

Рассмеявшись, Лилит обернулась к вампиру:

– Смелая попытка, светолуб. Все не так, как ты думаешь. Я наблюдала, как рос мой сын. Порой навевалась к нему в обличье совы. Видела, какую ненависть питает к нему женщина, что подарила ему жизнь. Джонатану не за что любить Джослин Моргенштерн, и он не обязан считать сестрой Клариссу...

Взгляд ее темных глаз переместился с Саймона на Джейса и Клэри. Они почти не сдвинулись с места, Джейс по-прежнему сжимал девушку в смертельных объятиях. С виду он хранил невозмутимое спокойствие, однако Саймон знал, как быстро Джейс переходит в режим бойца.

– Джейс, – позвала Лилит. – Ступи в круг. Введи в него девушку.

Джейс послушно подвел Клэри к пределам магических линий. Едва они ступили внутрь круга, как руны вспыхнули красным огнем. На груди у Джейса, слева, над сердцем вспыхнул еще знак, такой яркий, что Саймон невольно зажмурился. Даже сквозь плотно закрытые веки вампир видел неровные, жесткие черты рисунка.

– Открой глаза, светолуб, – прикрикнула Лилит. – Время пришло. Ты отдаешь кровь или упорствуешь в отказе? Цену упрямства ты теперь знаешь.

Саймон посмотрел на Себастьяна... Не может быть! На груди у него мерцала руна-близнец той, что горела на груди Джейса. И пока Саймон глядел на нее, Знак совсем потух. Себастьян оставался бледен, неподвижен, бездыханен.

Мертв.

– Я не верну его, – сказал Саймон. – Он умер и не сможет пить мою кровь.

Зашипев сквозь зубы, Лилит вперила в Саймона полный ядовитого огня взгляд:

– Сначала укуси его. Ты светолуб, в твоих жилах течет кровь Ангела. Его эссенция в твоей крови, слезах, в слюне и секрете клыков. Кровь светолуба оживит Джонатана на время, дабы он смог пить и глотать. Укуси его и дай свою кровь.

Саймон ошарашенно уставился на Лилит:

– Т-то есть... я умею воскрешать мертвых?

– У светолуба есть такая сила. Но нет права ею пользоваться.

– Права?

Улыбнувшись, Лилит провела кончиком длинного красного ногтя по крышке гроба:

– Историю пишут победители. Между Светом и Тьмой не такая уж и великая разница. В конце концов, без Тьмы Свету было бы некого побеждать.

Саймон невыразительно смотрел на нее.

– Равновесие, – пояснила демоница. – Некоторые законы стары как мир, и один из них гласит: нельзя вернуть ушедшее. Душа мертвого принадлежит смерти, и если возвращаешь ее – плати свою цену.

– И вы хотите ее уплатить? Ради него? – Саймон указал на Себастьяна.

– Он и есть цена. – Запрокинув голову, Лилит рассмеялась, почти что по-человечески. – Когда Свет возвращает из юдоли теней душу, Тьма получает право вернуть еще одну. Я пользуюсь законным правом. Если не понимаешь, твоя подружка объяснит что да как.

Саймон посмотрел на Клэри – та лишь усилием воли не падала в обморок.

– Разиил, – еле слышно сказала Клэри. – Когда Джейс погиб...

– Джейс погиб? – голосом на октаву выше переспросил Саймон. Сам Джейс оставался спокоен и невозмутим, твердо держа нож в руке.

– Валентин пронзил его мечом, – чуть ли не шепотом продолжала Клэри. – Ангел уничтожил Валентина и сказал, что я могу просить о чем угодно. Я пожелала вернуть Джейса. – Глаза Клэри на ее маленьком лице казались просто огромными. – Джейс был мертв всего несколько минут... и вряд ли успел отойти...

– Успел, – выдохнула Лилит. – Я парила над местом схватки у реки и, когда мой сын пал, полетела вслед за Джейсом. Валентин убил его, принес в жертву, но Ангел не принял ее. Углядев шанс, я поспешила забрать из реки тело Джонатана. Сохранила его до сего момента. – Лилит с обожанием посмотрела на гроб. – Равновесие соблюдено. Око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь. Джейс – противовес. Покуда он жив, жить будет и Джонатан.

Саймон не мог отвести глаз от Клэри.

– Она... Про Ангела – это правда? – спросил он. – И ты молчала?

Как ни странно, ответил Джейс:

– Это был наш секрет.

И он прижался щекой к волосам Клэри.

Ее зеленые глаза загорелись, но сама девушка не шелохнулась.

– Вот видишь, светолуб, – сказала Лилит. – Я лишь забираю принадлежащее мне по праву. Закон гласит: возвратившийся первым должен присутствовать при воскрешении второго. Он здесь, – презрительным жестом указала она на Джейса. – Ты здесь. Все готово.

– Значит, Клэри тебе больше не нужна, – сказал Саймон. – Отпусти ее, пусть уйдет.

– Кларисса еще как нужна. Она стимул. Тебе, носитель Печати, я не могу вредить и угрожать. Зато могу вырезать твое сердце – вырезав жизнь из Клариссы. Поверь.

Вслед за Лилит Саймон перевел взгляд на Клэри.

Клэри. Бледная, почти синяя от холода. Зеленые глаза кажутся такими большими на белом лице. От ключицы к вырезу платья тянется подсыхающая струйка крови. Руки висят безвольно по бокам и чуть подрагивают.

Саймон видел, какой она стала и какой была в семь лет: тощие ручонки, веснушки и голубые пластмассовые заколки в волосах, которые Клэри носила до одиннадцати лет. Саймон вспомнил, как впервые заметил изменения в ней, как под мешковатой футболкой и джинсами начали проступать женские формы, как сам он терялся, не зная, разглядывать их или отвернуться. Вспомнил, как она смеялась и как быстрыми уверенными движениями карандаша выводила на страницах альбома образы: башни со шпилями, бегущие лошади, герои в ярких одеждах. Джослин говорила: «Я отпущу тебя в школу одну, только если Саймон тебя проводит». Вспомнил, как они переходили дорогу, держась за руки, и чувство невероятно важного поручения: беречь Клэри.

Саймон любил ее, и, наверное, какая-то часть его по-прежнему в нее влюблена, потому что первая любовь не ржавеет. Сейчас, впрочем, это неважно. Клэри – часть Саймона, всегда ею была и навсегда останется. Вот она качнула головой: мол, будь что будет, не соглашайся, не давай Лилит того, чего та требует.

Саймон ступил в круг, и по телу словно пробежал электрический разряд.

– Ладно, – сказал вампир. – Я готов.

– Нет! – закричала Клэри.

Саймон даже не обернулся, он смотрел на Лилит. Демоница, улыбаясь холодно и злорадно, провела над гробом левой рукой. Открыла его, словно консервную банку; крышка скрутилась, растаяла и потекла по гранитному пьедесталу, осыпалась на бетон крохотными осколками хрусталя.

Лилит потянулась к Себастьяну, над сердцем у него вспыхнула и погасла руна. Демоница сложила руки сына на груди, проявив неуместную нежность: искалеченную руку она поместила под здоровой. Убрала со лба мокрый локон и отступила, стряхивая с пальцев молочную жидкость:

– За дело, светолуб.

Глядя на обмякшее лицо Себастьяна, неподвижные веки и небьющуюся жилку на шее, Саймон вспомнил, как хотелось ему крови Морин. Как жаждал он вонзить клыки ей в горло и сосать соленую кровь. Но от одной мысли, что придется укусить труп, Саймона затошнило.

Даже не глядя на Клэри, он знал: она следит за ним. Клэри ахнула, когда Саймон нагнулся к Себастьяну.

Джейс и тот смотрел на вампира пустыми глазами. Ухватив мертвеца за холодные, сколькие плечи, подавив приступ тошноты, Саймон погрузил клыки в неживую плоть. И в рот ему хлынула черная, горькая, как яд, кровь демона.

Изабель медленно двигалась от одного каменного пьедестала к другому. Алек, подняв Сандалфон и озаряя комнату светом, шел за ней. Майя согнулась в углу: ее рвало. Джордан вроде как хотел предложить помощь, погладить Майю по спине и в то же время боялся получить отпор.

Трудно винить волчицу за слабость. Если бы не годы тренировок, Изабель сама лишилась бы ужина. Ничего подобного прежде она не видала: на пяти десятках постаментов стояли корзинки в форме яслей, и в каждой – по мертвому младенцу.

Надеясь отыскать хоть одного живого, Изабель обошла все пьедесталы. Без толку, дети умерли: серая кожа, личики в пятнах, бледные. Каждый ребенок был завернут в одеяльце, и, хотя в комнате стоял холод, вряд ли младенцы погибли от переохлаждения. Выяснить, что именно их погубило, Изабель в себе сил не нашла. Пускай Конклав разбирается.

К тому времени, как они достигли последнего пьедестала, Алек, обливаясь слезами, ругался вполголоса. Майя, встав, прислонилась к окну; Джордан передал ей носовой платок. Огни соседних зданий проходили сквозь темное стекло, как сверла алмазных дрелей.

– Из, – позвал Алек. – Кто мог сотворить подобное? Разве кому-то... пусть даже демону...

Он осекся. Изабель поняла, о ком вспомнил брат: о Максе, когда мелкий еще только родился. Изабель исполнилось девять, Алеку – одиннадцать, они вместе, зачарованные, с огромным любопытством наблюдали за этим восхитительным новым существом. Играли с его пальчиками, щекоча и смеясь, когда Макс корчил рожицы.

Сердце обливало кровью. Макс...

Идя вдоль яслей, превращенных в маленькие гробы, Изабель чувствовала, как ее переполняет ужас, как он давит. Рубин засветился резким светом, предупреждая о присутствии высшего демона.

Что там Клэри видела в морге «Бет-Израиль»? С виду нормального ребенка, у которого на пальцах когти. Черные и острые...

Наклонившись к одному из гробиков, Изабель очень осторожно, стараясь не задевать ребенка, раскрыла одеяльце и невольно ахнула. Обыкновенные пухлые запястья младенца – мягкие и гладкие – переходили в лапки, снабженные черными, словно обугленная кость, когтями. Изабель аж попятилась.

– Что там? – спросила Майя. Голос ее окреп, хотя вид оставался болезненным. Она приблизилась (Джордан, руки в брюки, не отставал) и спросила: – Что нашли?

– Ради Ангела. – Стоявший рядом Алек тоже заглянул в ясли. – Ребенок... совсем как тот, о котором говорила Клэри. Которого видела в морге.

Изабель медленно кивнула:

– Он не единственный. Кто-то пытался создать кучу... Себастьянов.

– Кому нужна армия ему подобных? – с неприкрытой ненавистью спросил Алек.

– Себастьян был силен и быстр, – с болью признала Изабель. Признала отличные качества юноши, убившего ее братишку и покушавшегося на нее саму. – Здесь, похоже, выводят расу сверхвоинов.

– И у них не получается. – В глазах Майи застыла глубокая печаль.

Краем уха Изабель уловила очень тихий, практический неслышный звук. Резко обернувшись, потянулась к обвитому вокруг пояса хлысту. В плотной тени у входа шевельнулось нечто – слегка, едва заметно, – и Охотница среагировала мгновенно. Метнулась к двери. По коридору несло пятнышко, кусочек большей тьмы. Разогнавшись, Изабель бросилась на него и

прижала к полу.

Не призрак. Существо под Изабель вполне по-человечески ойкнуло. Одетое в серую спортивку и кроссовки, оно казалось тоньше и ниже Изабель. В ключицу врезались острые локти, в грудь – колено. Охнув, Изабель откатилась чуть в сторону и нащупала хлыст. Серая фигура тем временем поднялась на ноги и хотела бежать дальше. Не вышло – кончик хлыста обвился вокруг лодыжки, и незнакомец упал.

Туго натянув «поводок», Изабель поднялась и вытащила из выреза платья стило. Ловким движением нарисовала на левой руке Руну Никс, и зрение мигом приспособилось к царящему вокруг мраку. Руна ночного видения залила коридор светом. Охотница стояла вглядываясь в таинственную фигуру: в сером беговом костюме и серых же кроссовках он, а точнее, она прижалась к стене. Незнакомка резким движением откинула капюшон, обнажив бритый налысо череп, острые скулы и большие темные глаза.

– Не дергайся, – велела Изабель, еще туже натягивая хлыст. Женщина вскрикнула от боли. – Забудь о победе.

Оскалившись, пленница ответила:

– Червь... неверящая... Я ничего тебе не скажу.

Спрятав стило в декольте, Изабель пригрозила:

– Вот дерну хорошенько за хлыст, и тебе оторвет ногу. – Скручивая на ходу оружие, она приблизилась к женщине и посмотрела на нее сверху вниз: – Что стало с детьми?

Женщина издала булькающий смех:

– Они слабые. Негодный материал.

– Негодный для чего? – Пленница не ответила, пришлось на нее прикрикнуть: – Не ответишь – останешься без ноги! Выбирай. Я с легким сердцем брошу тебя истекать кровью. Детоубийцам нет прощения.

Женщина по-змеиному зашипела:

– Навредишь мне, и Она сотрет тебя в порошок.

– Она?.. – Изабель тут же вспомнила: Талто – одно из имен Лилит, праматери демонов и богини мертвых детей. – Лилит? Ей поклоняетесь? Ради нее вы... совершили такое?!

– Изабель. – Сзади подошел Алек, неся горящий Сандалфон. – Что у тебя? Майя и Джордан проверяют, нет ли еще... младенцев. Похоже, все дети в большой комнате. Кто это?

– Она... не знаю даже, как ее назвать, – с отвращением произнесла Изабель. – Она из церкви Талто, поклоняется Лилит, ради которой и убивают детей.

– Мы не убиваем! – Женщина попыталась выпрямиться. – Не убиваем. Приносим жертвы. Дети не прошли испытания. В том не наша оплошность.

– Дай угадаю, – сказала Изабель. – Вы кололи беременным женщинам кровь демона, верный яд. Дети не пережили его воздействия и родились уродцами. Потом умерли.

Женщина всхлипнула. Совсем тихо, но Алек прищурился. Он отлично умел читать настроения.

– Твоего ребенка постигла та же участь. Как могла ты колоть ему кровь демона?

– Это не я. – Губы женщина задрожали. – Нам самим кололи кровь. Нам, матерям. Мы становились сильнее, быстрее, как и наши мужья. Затем пришла расплата, мы заболели. Становилось хуже и хуже: выпали волосы, ногти... – Она показала пальцы: ногти почернели или вовсе выпали. Кожу рук покрывали темные синяки. – Мы умираем, – с легкой радостью сообщила женщина. – Осталось всего несколько дней.

– Она заставляла вас принимать яд, – сказал Алек. – И вы все равно поклоняетесь ей?

– Ты не понимаешь, – хрипловато и мечтательно ответила женщина. – Меня подобрали на улице, я спала на вентиляционной решетке подземки – чтобы не замерзнуть. Лилит же дала мне

кров и семью. Быть при Ней – уже благо и безопасность. Обо мне еще никто никогда не заботился.

– Ты видела Лилит? – Изабель с трудом верила пленнице, потому что многое знала о культах демонопоклонников. Даже сделала для Ходжа доклад и получила за него высокий балл. Большинство сектантов поклоняется выдуманному демону, кое-кому удается вызвать слабых, низших демонов – те либо убивают культистов, либо довольствуются поклонением. Еще бы, тебе служат и обеспечивают, почти ничего не прося взамен. Упоминаний о культах высших демонов Изабель не встречала, как не слышала, чтобы сектанты воочию лицезрели покровителей. Не то чтобы Лилит, праматерь магов, – куда как менее сильных демонов. – Ты видела Лилит собственными глазами?

Полуопущенные веки женщины затрепетали.

– Во мне ее кровь. О да, я чувствую присутствие Госпожи. Она здесь, рядом.

Рука сама дернулась к кулону. С самого начала, как только Изабель вошла под крышу недостроенного дома, амулет пульсировал. Охотница списала его активность на кровь демона в трупах младенцев, однако присутствие Талто куда лучшее объяснение.

– Лилит здесь? Где она?

– Наверху, – сонно произнесла сектантка. – С ней мальчик-вампир, тот, что живет при свете. Госпожа дважды посылала за ним, и дважды мы терпели неудачу. Вампир защищен, и те, кто напал на него, погибли. Брат Адам уцелел и вернулся, доложил Госпоже о гневном Господе, о небесном огне. Госпожа Лилит пришла в ярость и убила брата Адама на месте. О, как ему повезло – умереть от Ее руки, какая удача! – Дыхание пленницы стало неровным. – Госпожа умна и хитра, изыскала способ призвать вампира...

Изабель выронила хлыст:

– Саймон... Лилит захватила Саймона. Для чего?

– «Пошедшие за ней не возвратятся более на путь живых», – выдохнула сектантка.

Изабель подняла хлыст.

– Хватит! – дрожащим голосом велела она. – Хватит ныть, говори: где он? Куда Лилит его забрала? Говори, где Саймон, или я...

– Изабель, – тяжело произнес Алек. – Из, бесполезно. Она умерла.

Изабель ошеломленно уставилась на сектантку, умершую, казалось, между вздохами: глаза распахнуты, черты лица обмякли; лысая, исхудавшая от голода, вся в синяках и точно не старше двадцати.

– Проклятие!

– Не понимаю, – сказал Алек. – Зачем высшему демону Саймон? Он вампир. Необычный, мощный вампир, но...

– Ради Каиновой печати, – растерянно ответила Изабель. – Дело, скорее всего, в Печати. – Она подошла к лифту и ударила по кнопке вызова. – Лилит – первая жена Адама, Каин – сын Адама, значит, Каинова печать такая же древняя, как и Лилит.

– Ты куда?

– Они наверху. Я обещаю каждый этаж, один за другим, пока не найду Саймона.

– Иззи, Лилит Саймону ничего не сделает, – хладнокровным тоном, за который Изабель так ненавидела брата, произнес Алек. – Понимаю, тебе страшно за Саймона, однако Печать его защитит. Даже от высшего демона. Ото всех.

– Тогда зачем он Талто? – взъерилась Изабель. – Уж точно не вещи из дневной химчистки забирать. Пораскинь мозгами, Алек...

Звуковой сигнал возвестил о прибытии лифта, и над дальней по коридору кабиной зажглась стрелочка. Изабель поспешила к открывающимся дверям, из которых хлынул свет... а вместе с

ним и поток людей в сером. Мужчины и женщины, лысые, тощие, в спортивках и кроссовках, вооруженные строительным мусором. У кого осколок стекла, у кого кусок арматуры или вовсе камень. Молчаливые, устрашающие, они как единый организм волной потекли навстречу Охотникам.

Над рекой клубились облака, несущие плотный туман. Происходящего на крыше он не скрывал, лишь окутывал все вокруг дымкой. Здания теперь казались столпами приглушенного света, сияние луны потускнело, и, спрятанная за облаками, она походила на гаснущую лампу. Осколки хрустального гроба поблескивали как ледышки, и Лилит окружало бледноватое свечение.

Клэри не могла больше смотреть, как Саймон пьет кровь Себастьяна. Видно же, ему противно... и он преодолевает отвращение ради нее, Клэри, и отчасти ради Джейса. Она знала: следующий этап ритуала – смерть Саймона. Вампир отдаст свою кровь и погибнет, как часто погибают обескровленные вампиры.

Саймон умрет, и Клэри потеряет его навсегда – по собственной вине.

Клэри чувствовала, как держат ее руки Джейса, как мягко и ровно бьется его сердце. Вспомнила ступени перед Залом Договоров, как шелестели опавшие листья, и как целовал ее Джейс. Тогда она тоже слышала биение сердца любимого, и стучало оно в унисон с ее собственным.

Джейс не ушел, он где-то здесь. Он как Себастьян, запертый в хрустальном гробу. Надо лишь дотянуться до него, вызвать.

Лилит пристально следила за тем, как Саймон пьет кровь. Позабыв о Клэри.

– Джейс, – прошептала она. – Я не могу смотреть...

Она прижалась к нему спиной, будто желая поуютнее устроиться в объятиях, и притворно поморщилась, когда нож коснулся шеи:

– Джейс, прошу, убери нож. Он тебе не нужен. Я ничего тебе не сделаю.

– Зачем...

– Не хочу смотреть на них. Хочу видеть твое лицо.

Джейс глубоко вдохнул, дрожь пробежала по его телу, как будто он боролся с чем-то внутри себя. Плавным быстрым движением, на какое способен лишь он, удерживая Клэри правой рукой, Джейс убрал нож за пояс.

В груди дрогнуло. Можно бежать! Нет, Джейс расслабился всего на мгновение – вот он опять держит Клэри обеими руками. Разворачивает ее к себе лицом.

Его пальцы прошли по спине, по дрожащим голым плечам.

Не видя больше Саймона и демоницы, Клэри, однако, чувствовала их присутствие, и по спине пробежали мурашки. Клэри посмотрела на Джейса, вгляделась в знакомые черты лица: в то, как падают на лицо пряди, в шрамы через скулу и висок, в ресницы чуть темнее волос, в глаза цвета бледно-желтого стекла... Вот в чем дело. Внешне Джейс прежний, только взгляд изменился, стал тусклым, невыразительным. Сквозь его глаза Клэри будто заглядывала в пустую комнату.

– Я боюсь, – сказала она.

Джейс погладил ее по плечу. По нервам пробежали искорки, и Клэри с отвращением поняла: тело еще помнит прикосновения любимого.

– Я не дам тебя в обиду, – пообещал Джейс.

Клэри посмотрела на него в упор. А ведь он верит в собственные слова. И неважно, что они расходятся с делом. Лилит отобрала ответственность за поступки и намерения.

– Ты ее не остановишь, – предупредила Клэри. – Она меня убьет, Джейс.

Он покачал головой:

– Нет, не убьет.

Подавив желание вскрикнуть, Клэри тихо и спокойно ответила:

– Я знаю, Джейс, ты здесь. Настоящий ты. – Она плотнее прижалась к нему. Пряжка ремня впивалась ей в талию. – Борись с ней...

Зря она это сказала. Джейс напрягся, в глазах у него полыхнула боль, агония загнанного животного. Миг – и она сменилась твердостью.

– Нельзя.

Видя страшное, пугающее выражение у него на лице, Клэри вздрогнула.

– Тебе холодно? – спросил он тоном настоящего Джейса, и горло Клэри болезненно сдавило спазмом.

Пусть холод и заботил ее меньше всего, Клэри кивнула:

– Можно я к тебе под куртку спрячусь?

Джейс кивнул, позволяя рукам Клэри обвиться вокруг его талии. Город погрузился в тишину, словно упрятанный в зловещую ледяную призму. Даже свет от соседних зданий исходил мертвенный и холодный.

Джейс дышал медленно и ровно. При каждом вдохе руна на груди у него пульсировала, разгоралась ярче. Какая же она отвратительная, будто пиявка, присосавшаяся к телу и вбирающая все, что есть хорошего, саму суть Джейса.

Люк говорил, что можно разрушить Знак: «Если исказить рисунок, его сила уменьшится или вовсе сойдет на нет. Порой во время боя противник пытается опалить или срезать с Охотника кожу. Именно чтобы лишить его Знаков».

Неотрывно глядя на Джейса, Клэри сказала себе: забудь обо всем, забудь о Саймоне и о ноже. Сейчас самое главное – то, что ты скажешь.

– Помнишь, что ты говорил мне в парке? – прошептала Клэри.

Джейс удивленно посмотрел на нее сверху вниз:

– Что?

– Ты перевел для меня одну фразу с итальянского: любовь – сильнее всего на свете, она самая могущественная сила в мире.

Тонкая морщинка залегла у Джейса на переносице.

– Я не...

– Еще как помнишь. – Аккуратнее, осторожней. Клэри никак не могла избавиться от напряжения в голосе. – Помнишь. Любовь – сильнее всего, как в Аду, так и на Небе. Значит, она выше могущества Лилит.

Безрезультатно. Джейс смотрел на Клэри как глухой. Говорить с ним было все равно что орать во чрево темного пустого тоннеля.

Джейс, Джейс! Ну отзовись же!

– Ты можешь защищать меня, повинуюсь Лилит, – не сдавалась Клэри. – Так лучше для всех.

Она сильнее вжалась в его грудь. Живот свело спазмом, радость мешалась с ужасом. Клэри обнимала одновременно и Джейса, и совершенно незнакомого человека. Но тело его отзывалось: сердцебиение ускорилося. Какие бы чары ни применила Лилит, он все еще желает Клэри.

– Я прошепчу тебе кое-что. – Клэри коснулась губами щеки Джейса. Вдохнула аромат его кожи, такой родной и знакомый. – Слушай.

Клэри призывно запрокинула голову. Когда Джейс нагнулся, она выхватила у него оружие из-за пояса и полоснула по груди. Он вскрикнул – не от боли, от удивления. На рубашке, из-под поврежденной руны, проступила кровь. Зажав рану, Джейс уставился на Клэри ошарашенным, полным искренней боли взглядом.

Лилит завопила. Саймон во все глаза уставился на Клэри. Тыльной стороной ладони он

утирал губы; на белую рубашку с подбородка капала черная кровь.

– Джейс! – пораженно взвизгнула демоница. – Держи ее, хватай... приказываю...

Джейс не стронулся с места. Посмотрел на Клэри, на Лилит. На свою окровавленную руку и снова на демоницу. Саймон попятился, и вдруг его согнуло пополам; он упал на колени. Отвернувшись от Джейса, Лилит приказала:

– Поднимайся, вампир! – Вернув себе самообладание, она приблизилась к Саймону: – Встань! Ты выпил кровь Джонатана, теперь отдай свою.

Попытавшись сесть, Саймон снова упал, и его вырвало. Кашляя, он плевался черной маслянистой жидкостью. Еще тогда, в Идрисе, кровь Себастьяна показалась ему похожей на яд. Лилит отвела ногу, желая ударить Саймона, и тут ее отбросила назад неведомая сила. В ночном воздухе над крышей разнесся крик. Не слова – клекот, похожий на совиный, полный чистейшей ненависти и гнева. Человек на такой неспособен. В уши Клэри будто вонзились острые осколки стекла.

– Оставь Саймона! – закричала девушка. – Ему плохо, разве не видишь? Ему плохо!

И тут же пожалела. Лилит медленно обернулась, глядя на Джейса холодно и повелительно.

– Я предупреждала, Джейс Эрондейл, – звенящим голосом произнесла демоница. – Не выпускай девчонку из круга. Забери у нее оружие.

Клэри забыла, что сжимает в руке нож. Она замерзла, пальцы занемели, но гнев – злоба на Лилит, на все – придала сил и вернула руке гибкость. Клэри бросила нож под ноги Джейсу. Тот непонимающе уставился на клинок.

Лилит утратила человеческий облик; губы превратились в тонкую красную линию, глаза почернели.

– Джейс Эрондейл, ты слышал меня, и ты мне подчиняешься.

– Подбери, – сказала Клэри Джейсу. – И убей – меня или ее! Выбор за тобой.

Джейс медленно поднял оружие.

* * *

Алек – с Сандалфоном в одной руке и хативарой^[29] в другой – успел положить шестерых.

За свою жизнь он перебил множество демонов, однако сражение с сектантами пугало сильнее. Они нападали вместе, сплоченно, подобно жуткому серому приливу – жуткому, потому что двигались последователи культа молча, с необыкновенной силой и скоростью. И они совсем не боялись смерти. Алек и Изабель криками вели им отступать, но служители Лилит продолжали атаки безмолвной ордой, бросаясь на Охотников в самоубийственном безумии, как лемминги бросаются со скалы. Нефилимы пятились к большой комнате с пьедесталами, и на крики выбежали Джордан с Майей. Джордан – в обличье волка, Майя – как человек, выпустив когти.

Сектанты будто не заметили их появления – все перли и перли, падая один за другим под ударами стали и когтей. Хлыст Изабель рассекал воздух и плоть, разбрызгивая тонкие фонтанчики крови. Майя, ослепленная яростью, вошла во вкус – вокруг нее лежал уже добрый десяток поверженных сектантов. Ее когтистые руки по самые запястья обагрились кровью.

Вот один сектант кинулся на Алека, выставив вперед руки. Капюшон не давал разглядеть его лица, Алек не понял, мужчина это или женщина. Он просто вонзил противнику в грудь Сандалфон, и тот издал хрипловатый крик боли. Мужчина. Хватаясь за грудь, он упал; края дыры на толстовке занялись пламенем. Не в силах смотреть, что клинок серафимов творит с людьми, Алек отвернулся.

Спину полоснула резкая, жгучая боль. Позади Алека сжимал в руках зазубренный кусок арматуры еще один культист: без капюшона, мужчина, такой худой, что скулы чуть не протыкали кожу. Зашипев, служитель Лилит вновь атаковал. Отпрыгнув, Алек ударом ноги с разворота выбил оружие из рук противника. Тот попятился и, чуть не споткнувшись о труп товарища, бежал.

Секунду Алек колебался. Культист уже почти достиг двери. Надо его догнать, иначе предупредит остальных или приведет подкрепление. Но Алек устал, его вымотали убийства людей. Они, может, и одержимы, может, и не люди больше, вот только от этого не легче. Алека уже начинало подташнивать.

Что бы сказал Магнус? Известно что. Алек прежде бился с существами вроде сектантов Талто – все человеческое из них высосал демон-покровитель, оставив жаждущую крови оболочку, которая медленно умирала в агонии. Таких не спасти, не вылечить и не вернуть. Алек слышал голос Магнуса, как если бы маг стоял рядом: «Убивая их, ты даруешь им подлинное милосердие».

Заткнув за пояс хативару, Алек побежал за культистом – вылетел сквозь дверь в пустой коридор. Открылись двери дальнего лифта, и звоночек прозвучал в тишине тревожным сигналом. Из коридора в разные стороны вело несколько дверей; мысленно пожав плечами, Алек выбрал одну наугад.

Он оказался в лабиринте небольших комнат, едва заставленных мебелью: наспех возведенные стены из гипсокартона, из дыр вываливаются пучки разноцветных проводов. Клинок серафимов отбрасывал неровный световой рисунок. Уловив движение, Алек прыгнул на звук и, опуская Сандалфон, заметил красные глазки и серую шерсть. Маленькое тельце юркнуло в дыру у плинтуса. Алек скривился. Вот вам и Нью-Йорк, даже в совсем новом доме обитают крысы.

Наконец он вышел в просторную комнату – меньше, чем помещение с пьедесталами, но повместительнее предыдущих – и наткнулся на стену из окон, местами закрытых картоном.

В одном из углов, возле открытого трубопровода, пошевелилась тень, и Алек осторожно двинулся к ней. Может, глаза его подводят? Нет, в углу явно человек: сгорбленный, в темных одеждах. Руна ночного видения чуть ожгла кожу; прищурившись, Алек подошел поближе к... стройной женщине, босой, прикованной к трубе. Она подняла голову, и в бледном свете, льющемся через окно, блеснули белокурые локоны.

– Александр? – не веря собственным глазам, произнесла женщина. – Александр Лайтвуд? Камилла.

* * *

– Джейс. – Голос Лилит прозвучал как удар хлыста по голой коже. Клэри вздрогнула. – Приказываю...

Джейс отвел руку – Клэри сжалась, крепя дух, – и метнул нож в Лилит. Пролетев через крышу, клинок вонзился демонице в грудь. Лилит потеряла равновесие, поскользнулась на плитке. Ругаясь на неизвестном наречии, она вновь обрела равновесие и выдернула нож. Шипя, оружие – наполовину съеденное едкой кровью – упало на площадку.

Вихрем развернувшись к Клэри, демоница спросила:

– Что ты с ним сделала? Что?! – Еще миг назад просто черные, глаза у нее полезли из орбит и превратились в маленьких змей. Вскрикнув, Клэри чуть не споткнулась о низкую живую изгородь. Именно такой она видела Талто в воспоминаниях Игуриила: змеи вместо глаз, грубый

голос, отдающийся эхом. Демоница наступала...

Дорогу ей преградил Джейс, прежний, настоящий. Он будто пылал огнем праведного гнева, как Разиил в ту злополучную ночь у берега Лин. Свет клинка серафимов белым огнем отражался в золотистых глазах; из прорехи в рубашке капала кровь. И смотрел Джейс на Лилит, как смотрели бы ангелы в день восстания из ада.

– Михаил, – произнес Джейс, и клинок засветился ярче. То ли от гнева Джейса, то ли от заключенной в имени архангела силы. Ослепленная на мгновение, Клэри отвернулась и заметила Саймона. Тот, скорчившись, лежал подле гроба.

Сердце сжалось от боли. Что, если кровь Себастьяна отравила Саймона? Печать не защитит от яда, потому как Саймон добровольно принял его. Ради нее, Клэри. О, Саймон...

– А-а... Михаил. – Смеясь, Лилит наступала. – Воевода Божьей рати. Я знавала его.

Джейс поднял клинок над головой, такой яркий, что, наверное, весь город видел его свет, лучом прожектора пронзающий небо.

– Не подходи, – велел Джейс.

Как ни странно, демоница остановилась.

– Михаил поверг моего возлюбленного демона Самаэля, – призналась Лилит. – Отчего, Охотник, ваши ангелы столь холодны и беспощадны? Почему карают всех, кто не подчиняется им?

– Не думал, что ты у нас поборница свободной воли, – ответил Джейс. Услышав сарказм в его голосе, Клэри окончательно убедилась: он вернулся. – Может, мы тогда свалим с крыши? Я, Клэри, Саймон? Что скажешь, демоница? Ты больше не управляешь мной, я не обижу Клэри, и Саймон тебе не подчинится. Все кончено. Что до этого куска гнилого мяса, который ты пытаешься воскресить... советую избавиться. Он не вернется, да и срок годности истек. Скоро запашок появится.

Лилит перекосило. Она сплюнула Джейсу под ноги, и слюна – сгусток черного пламени – обратилась змеей. Гад, раззявив пасть, пополз к Джейсу, но тот раздавил его и кинулся на демоницу. Клинок полыхнул белым светом... и прошел мимо. За мгновение до удара Лилит тенью растаяла в воздухе и воплотилась за спиной у Джейса. Лениво ударила его в грудь раскрытой ладонью, и нефилима отбросило назад.

Выронив Михаил, Джейс ударился о бортик крыши с такой силой, что стена пошла трещинами. Падение оглушило его.

Ахнув, Клэри бросилась подбирать клинок. Лилит опередила ее – схватив девушку тонкими ледяными руками, отшвырнула в сторону, прямиком в живую изгородь. Клэри сильно оцарапалась о ветки и порвала платье. Встала и увидела, как Лилит рывком поднимает Джейса на ноги.

Демоница оскалилась, обнажив черные, блестящие, словно металл, зубы.

– Хорошо, что ты стоишь, юный нефилим. Хочу убить тебя, глядя в глаза, а не ударить в спину, так как ты – мое чадо.

Джейс провел по лицу рукавом, и ткань пропиталась кровью из длинного пореза на щеке.

– Он тебе не чадо, не сын. Ты для него просто донор. Праматерь магов... – Отвернувшись, он сплюнул кровью. – Ты вообще никому не мать.

Змей в глазницах Лилит свело судорогой. Выбравшись из кустов, Клэри заметила: у каждого из гадов по два собственных, горящих красным, глаза. Борясь с тошнотой, Охотница смотрела, как змеи скользят взглядом по телу Джейса.

– Разрезать мою руну надвое. Как грубо, – сплюнула Лилит.

– Зато эффективно.

– Тебе не победить меня, Джейс Эрондейл. Может, ты и величайший из нефилимов этого

мира, но я – не просто высший демон.

– Тогда сражайся. Я и оружие тебе дам. Себе возьму клинок серафимов. Один на один, посмотрим, кто кого.

Лилит медленно покачала головой, ее волосы разметались подобно черному дыму.

– Я старейшая из демонов, я не мужчина. У меня нет гордости, не подловишь. Плевать мне на единоборство, это слабость твоего пола. Я – женщина, для меня все средства хороши, если хочу добиться желаемого.

Демоница презрительно отшвырнула Джейса. Вернув себе равновесие, он поспешил подобрать мерцающий Михаил.

В ту же секунду с поднятых ладоней Лилит сорвались две полупрозрачные тени. Джейс и тот поразился, когда они, приземлившись, обрели плотную форму рычащих собак: поджарых, с мерцающими красными глазами, чем-то похожих на доберманов-пинчеров.

– Гончие ада, – выдохнул Джейс. – Клэри...

Не успел он договорить, как один из псов прыгнул на него с диким воем, широко раскрыв зубастую, как у акулы, пасть. Вторая псина атаковала Клэри.

* * *

– Камилла. – Голова у Алека пошла кругом. – Ты здесь откуда?

Глупость сморозил. Алек чуть не хлопнул себя по лбу. Не хватало еще предстать дебилом в глазах бывшей девушки Магнуса.

– Это все Лилит, – тихим, дрожащим голосом ответила вампиресса. – Ее служители ворвались в Святилище. Оно ведь не защищено от вторжения людей... и нелюдей. Культисты разорвали мои оковы и принесли меня сюда. – Она побряцала цепями, которыми ее приковали к трубе. – Обращались со мной как с животным.

Присев, Алек заглянул Камилле в глаза. Синяков не заметил, и правильно: следы побоев заживают на вампирах чересчур быстро. Зато волосы слева покрывала корка запекшейся крови.

– Предположим, я тебе верю, – сказал Алек. – Что нужно от тебя Лилит? Она вроде не особенно интересуется вампирами.

– Знаешь, за что Конклав арестовал меня? Должен был слышать.

– Ты убила трех нефилимов. Магнус сказал, ты якобы совершала преступления по приказу... Лилит?

– Если скажу, отпустишь? – Нижняя губа вампирессы дрожала. Камилла смотрела на Алека умоляющим взглядом больших зеленых глаз. Черт, красивая! Наверное, точно так она смотрела когда-то на Магнуса. Вот бы ее встряхнуть.

– Мог бы, – ответил Алек, поразившись холодности в собственном голосе. – Выбор у тебя невелик. Я оставлю тебя на милость Лилит и уйду. Какая мне разница, что с тобой станет?

– Большая, – низким голосом произнесла Камилла. – Магнус тебя любит. Он не полюбил бы человека, способного бросить кого-то в беде.

– Он и тебя любил.

Вампиресса задумчиво улыбнулась:

– Наш Магнус учится на своих ошибках.

– Послушай, – предложил Алек, раскачиваясь на каблуках. – Открой мне правду, и я тебя освобожу. Потом отправишься к Конклаву, они гарантируют лучшее отношение, чем Лилит.

Глянув на цепи, Камилла ответила:

– Конклав заковал меня, Лилит заковала. Так какая между ними разница?

– Выбор за тобой. Либо веришь мне, либо Лилит, – сказал Алек, отлично понимая, что блефует.

Выждав несколько напряженных секунд, вампиресса ответила:

– Что ж, ладно. Если Магнус верит тебе, тогда и я доверюсь. – Она гордо вскинула голову, пытаясь сохранить остатки достоинства. – Лилит пришла ко мне – не я к ней, заметь! – и предложила сделку. Обещала помочь свергнуть Рафаэля Сантьяго – в обмен на услугу.

– Убить нефилимов?

– Лилит нуждалась в их крови. Впрыскивала кровь нефилимов и демонов матерям, пыталась повторить эксперименты Валентина. Ничего не вышло. Дети родились уродами и вскоре умерли. – Заметив отвращение во взгляде Алека, вампиресса поспешила оправдаться: – Мне не говорили, для чего нужна кровь нефилимов. Я не святая, но и невинных не убиваю.

– И тем не менее на сделку согласилась. Могла бы отказаться.

Камилла устало улыбнулась:

– До моих лет дожить можно, лишь если умеешь вовремя заключить верный союз. Не только с теми, кто силен, но с теми, кому веришь, – и тогда обретешь силу. Отвергни я предложение Лилит, она бы меня убила. Демоны по природе своей не очень-то доверчивы, и Лилит решила бы, что я, даже пообещав молчать, выдам Конклаву ее планы на убийство нефилимов. Лилит для меня куда опаснее твоих родичей, потому я и согласилась.

– Согласилась убивать наших?

– Членов Круга. Они изводили мой род, да и твой, кстати, тоже.

– А Саймон Льюис? Он здесь при чем?

– Союзник-светолуб никому не помешает. – Камилла пожала плечами. – О Каиновой печати я узнала из своих источников: кое-кто из прихвостней Рафаэля по-прежнему мне верен. Из нежити немногие знают о Печати, и потому Саймон невероятно выгодный партнер.

– Лилит он нужен по той же причине?

Глаза Камиллы округлились. На бледном лице проступили темные жилки, словно узор из трещинок на фарфоре. От голода вампиры дичают, потом лишаются сознания. Чем старше кровосос, тем дольше может протянуть. Интересно, как долго не питалась Камилла?

– О чем ты? – спросила вампиресса.

– Она призвала Саймона, они оба где-то здесь, в здании.

Секунду помолчав, Камилла разразилась смехом:

– Вот ведь ирония. Лилит не говорила мне про светолуба, и я не говорила о нем ей. В итоге же выходит, что мы оба хотели его заполучить. Лилит Саймон нужен ради крови светолуба: в ней и нежить, и нефилим. Саймон очень пригодится. Лилит планирует обряд крови.

– Она не сможет ему навредить, – в замешательстве проговорил Алек. – Каинова печать...

– Демоница найдет выход. Она же Лилит, Александр. Праматерь магов, давно живет на свете.

Алек встал:

– Тогда пойду выясню, что она затеяла.

Бряцая цепями, вампиресса попыталась встать на колени:

– Т-ты... обещал освободить меня.

Обернувшись, Алек произнес:

– Нет, я обещал выдать тебя Конклаву.

– Оставишь меня здесь, и ничто не помешает Лилит добраться до меня раньше нефилимов. – Камилла напряженно откинула с лица волосы. – Прошу, Александр. Умоляю.

– Кто такой Уилл? – невольно спросил Алек и ужаснулся.

– Уилл? – Непонимание на лице Камиллы быстро сменилось изумлением. – Ты подслушал

нашу с Магнусом беседу?

– Частично. – Алек осторожно выдохнул. – Уилл мертв? Магнус говорит, с тех пор минуло много времени.

– Знаю, что тревожит тебя, юный нефилим. – Голос Камиллы сделался мягким, мелодичным. Позади нее, в окна, Алек видел огни пролетающего над городом самолета. – Первоначальное счастье прошло. Ты думал о настоящем моменте, позабыв о будущем, и вот понял: ты состаришься и умрешь, а Магнус будет жить дальше. Вы состаритесь не вместе, порознь.

Алек представил себе пассажиров в самолете, как они смотрят на город, словно на россыпь мерцающих алмазов. Сам он никогда не летал самолетами и потому не мог вообразить, что чувствует пассажир: одиночество? отстраненность? оторванность от мира?

– Ты не знаешь наперед, – ответил Алек вампирессе. – Не знаешь, как мы состаримся.

Она снисходительно улыбнулась:

– Пока ты красив, но каким станешь через двадцать лет? Через сорок? Пятьдесят? Будет ли Магнус по-прежнему любить твои синие глаза, когда они поблекнут? Твою нежную кожу, когда время прочертит в ней глубокие борозды? Твои руки, когда они сморщатся и ослабнут? Твои волосы, когда они поседеют?..

– Заткнись. – Алек устыдился того, как надтреснуто прозвучал его голос. – Заткнись, поняла? Слышать ничего не желаю.

– Твоя жизнь может пойти иным путем. – Подавшись вперед, вампиресса посмотрела на него блестящими глазами. – Что, если я скажу: стареть вовсе не обязательно? Не надо умирать?

– Вампиром я становиться не желаю! – гневно воскликнул Алек. – Даже не думай предлагать. И под страхом смерти не соглашусь.

На долю секунды Камилла скривилась. Овладев собой, она ответила:

– Я не то имела в виду. Просто может быть иной путь для вас двоих не расставаться.

Алек сглотнул. Во рту сильно пересохло.

– Говори.

Подняв закованные в цепи руки, Камилла напомнила:

– Освободи для начала.

– Нет, сперва секрет.

Вампиресса покачала головой:

– Не дождешься. – Выражение ее лица и голос сделались тверды как мрамор. – Кроме свободы, ты ничего предложить не можешь. Я – могу, но просто так не отдам.

Застыв в нерешительности, Алек вспомнил предупреждение: «Камилла – умелый интриган и опытный манипулятор».

Магнус, Магнус... Что же ты о другом не предупредил? Однажды Алек проснется и поймет: он уходит туда, куда Магнус за ним не последует. Ведь они изначально разные. Бессмертные не клянутся в любви до гроба.

Он сделал шаг навстречу Камилле, еще один. Взмахнул клинком и со всей силы ударил по цепи. Освобожденная, Камилла с победным видом подняла руки.

– Алек. – У входа стояла Изабель: хлыст, руки, платье – все в крови. – Ты что здесь делаешь?

– Я... так... – Алека захлестнула волна стыда и ужаса. Он бессознательно шагнул в сторону, пытаясь загородить Камиллу, не дать сестре увидеть ее.

– Все мертвы, – мрачно сообщила Изабель. – Сектанты. Мы всех положили. Идем, пора искать Саймона... – Она прищурилась: – Ты в порядке? Какой-то ты бледный?

– Я освободил ее, – буркнул Алек. – Не надо было, просто...

– Кого освободил? – Изабель шагнула в комнату, и на платье отразились огни города, сделав

ее похожей на призрака. – Алек, ты что несешь?

Под смущенным взглядом сестры Алек обернулся и... не увидел никого. Труба на месте, кусок цепи, чуть потревоженный слой пыли – и все. Камилла сбежала.

* * *

Клэри едва успела выставить перед собой руки. Гончая, будто ядро из костей и мяса, окутанное зловонным дыханием ада, свалила ее с ног. Джейс рассказывал, как лучше всего защититься в падении, однако уроки вылетели из головы. Локти ожгло болью. Миг – и пес придавил ее лапами, покачивает уродливым, шишковатым хвостом, на кончике которого шипы, как на средневековой палице. Из бочкообразной груди пса донеслось мощное рычание, аж кости завибрировали.

– Держи, не отпускай! – приказала псу Лилит. – Дернется – перегрызи горло!

Она выкрикнула приказы второй гончей – та боролась с Джейсом. Сцепившись, они, как живая мешанина из зубов, когтей, рук, ног и лап, катались по крыше. Шипастый хвост хлестал по воздуху и плитам. Через боль Клэри повернула голову и увидела, как демоница направляется к хрустальному гробу. Саймон по-прежнему лежал не шевелясь. Себастьян плавал в гробу, как утопленник. Молочная жидкость потемнела от его крови.

Пес наклонился к лицу Клэри и зарычал, от этого звука по телу прошла волна страха – и гнева. Гнева на Лилит, на себя. Ведь Клэри – Сумеречный охотник. Одно дело, если ты слыхом не слыхивала о нефилимах и тебя валит захудалый демон, и совсем другое – когда ты тренированный Охотник. Надо собраться.

В парке Джейс поучал: за оружие сойдет любой предмет. Своим весом адский пес грозил продавить грудину. Девушка, изобразив удушье, потянулась к горлу. Пес угрожающе зарычал, и Клэри сорвала цепочку с кольцом, хлестнула ею по глазам гончей. Визгнув, тварь отскочила, давая шанс Клэри подняться. Кольцо откатилось в сторону, цепочка выпала из руки. Глядя, как готовится к прыжку пес с окровавленной мордой, Клэри хотела быстренько подобрать цепочку. Пес прыгнул...

Вспоров ночную тьму, в дюймах от лица Клэри вспыхнул серебристый клинок. Голова собаки отделилась от туловища. Взыв на прощание и растворившись в воздухе, пес оставил после себя черную опалину на плитке да вонь, присущую демонам.

Чьи-то руки бережно подняли Клэри. Джейс. Сунув клинок серафимов за пояс, он держал ее... и смотрел странным взглядом: надежда, потрясение, любовь, тоска и гнев – все смешалось в нем. Рубашка на Джейсе порвалась в нескольких местах, покраснела. Куртка куда-то пропала, волосы пропитались потом и кровью. Некоторое время парень и девушка взирали друг на друга – Клэри чувствовала, как сильно сжал он ей запястья, – а потом заговорили одновременно.

– Ты... – начала было она.

– Клэри... – Не разжимая хватки, Джейс вытолкнул ее за пределы круга. На тропинку, ведущую к лифтам. – Уходи! Беги!

– Джейс...

Он судорожно вздохнул.

– Прощу, уходи, – отпустил он ее. Достал клинок серафимов и развернулся к кругу.

* * *

– Встань, – прорычала Лилит. – Поднимайся.

Кто-то потряс за плечо, и голова взорвалась болью.

Саймон вынырнул из темноты, открыл глаза и увидел над собой ночное небо, звезды, белое лицо Лилит. При виде змей вместо глаз вампир моментально вскочил на ноги.

Его тут же вырвало, и Саймон чуть не бухнулся на колени, закрыв глаза, чтобы не тошнило так сильно. Прорычав его имя, Лилит взяла вампира за руку и повела. Во рту ощущался горький вкус блевотины и черной крови. Отрава растекалась по жилам, отнимая силы, жизнь. Заставляя дрожать всем телом. Череп будто весил сотню фунтов. Головокружение то отступало, то накатывало снова.

Холодные пальцы отпустили руку Саймона. Открыв глаза, он увидел перед собой хрустальный гроб. Себастьян так и плавал в потемневшей молочной жидкости: лицо спокойное, жилка на шее не бьется, сбоку у горла две темные дырочки.

«Отдай ему свою кровь, – прозвучал в черепе гулкий голос Лилит. – Быстро».

Саймон насилу поднял взгляд. Перед глазами плыло; сквозь туман и темноту он попытался разглядеть Клэри и Джейса.

«Клыками разорви запястье, – торопила демоница. – Напои Джонатана своей кровью. Исцели его».

Поднеся руку ко рту, Саймон подумал: исцелить? Нет, воскрешение – это нечто большее. Может, Лилит говорит про оторванную руку? Надеется, что она отрастет?

Клыки никак не желали обнажаться. Саймона тошнило, какая тут еда! Он чуть не рассмеялся безумным смехом...

– Не могу, – задыхаясь, произнес он. – Не получается.

– Лилит! – взрезал ночь голос Джейса.

Зашипев, демоница обернулась. Саймон медленно опустил руку и попытался сфокусировать взгляд. Сначала он увидел размытое пятно света, пляшущее в воздухе. Вот оно оформилось в клинок серафимов в левой руке у Джейса. Его Саймон видел четко, как далекий образ, выписанный на черном фоне: куртки нет, рубашка в крови, волосы спутаны, взгляд тверд и сосредоточен. Джейс больше не походил на зомби или застрявшего в кошмаре лунатика.

– Где она? – спросила Лилит. Змеи у нее в глазницах судорожно извивались. – Где девчонка?

Клэри. Саймон поискал ее взглядом в тумане вокруг Джейса. Мало-помалу зрение прояснялось. На плитках пятна крови, отпечатки лап, на ветках живой изгороди – клочья шелка. Сердце сжалось. Саймон быстро посмотрел на Джейса: нефилим зол, очень зол, но не сломлен, как если бы с Клэри что-то случилось. Так где же она?

– Она не при делах, – ответил Джейс. – Говоришь, мне не убить тебя, демоница? Я отвечаю: запросто. Проверим, кто прав?

Лилит размытой тенью перенеслась на ступеньки, вот она была подле Саймона и вот уже стоит над Джейсом. Ударила наотмашь рукой – Джейс поднырнул и с разворота рассек ей плечо. Из раны хлынул фонтан ониксовой крови. Вскрикнув, Лилит хотела поймать клинок: свела руки. Ладони ударились друг о друга с громоподобным звуком – все тщетно. Джейс отскочил, размахивая перед собой оружием, и оно мерцало, будто дразня демоницу.

Любой другой нефилим на месте Джейса давно бы погиб. Камилла говорила: «Божественному нельзя противиться». Нефилимы – люди, хоть в них и течет ангельская кровь, но Лилит – больше чем просто демон.

Саймона пронзила боль. Он с удивлением заметил, как обнажились и вспороли нижнюю губу клыки. Боль, вкус крови словно пробудили вампира. Он начал медленно подниматься с колен, неотрывно глядя на Лилит. Демоница не замечает его, она полностью занята Джейсом. Вот она, рывнув, атаковала. Противники носились по крыше, словно два мотылька – быстрые,

неуловимые. Даже вампирское зрение Саймона не позволяло засечь всех движений, когда Джейс и Лилит метались между тропинок, перескакивая через кусты. Лилит приперла Джейса к низкому бортику солнечных часов, знаки на циферблате которого отливали золотом. Рук Джейса Саймон уже не видел, они размылись, а демоницу словно окутывал световой кокон. Любого другого клинок Михаил давно порезал бы на лоскуты – Лилит же перетекала черной водой, дымом с места на место. Бился Джейс без устали, и все же Саймон чувствовал в нем подступающее отчаяние.

Свершилось. Лилит перехватила жестокий выпад – ее пальцы оплелись вокруг клинка – и дернула. Падая на плитки, капли ее крови превращались в крохотных обсидиановых змей. Гады спешно уползали в кусты.

Взявшись за клинок обеими руками, Лилит приподняла его и, злобно усмехаясь, переломила надвое. Кровь подобно смоле стекала по ее худым запястьям. Отделенный от основной части кусок Михаила рассыпался белесым прахом. Тот, что остался в руке у Джейса замерцал, как присыпанный пеплом костер.

Лилит улыбнулась:

– Бедный маленький Михаил. Он всегда был слаб.

Джейс тяжело дышал, сжав кулаки. Пропитанная потом челка липла ко лбу.

– Может, перестанешь хвастаться? «Я знала Михаила», «Я знала Самаэля», – передразнил он демоницу. – Архангел Гавриил тебе прическу делал? Ты как из банды, где у всех библейские имена.

Джейс показывал отвагу. Думает, что Лилит убьет его. Потому так храбр, запальчив. Таким он хочет уйти, без страха, не упав на колени. Настоящим воином. Сумеречным охотником. Его песнь смерти – это шутки и колкости, притворная наглость; во взгляде – заносчивость. Почему Саймон прежде этого не замечал?

– Лилит, – словно проклятие, произнес Джейс. – Я читал про тебя еще в школе. Ты проклята Небом, бесплодна. Роди хоть тысячу детей, и все они умрут. Вот в чем дело, да?

Талто невозмутимо сжимала сияющий темным светом клинок:

– Поосторожнее, маленький Охотник.

– А то что? Убьешь меня? – На порезы Джейс внимания не обращал. – Валяй!

Нет. Колени подогнулись. Саймон упал, не успев сделать и шага. Глубоко вдохнул. Как хорошо. Хоть вампирам кислород и не нужен, все равно помогает. Ухватившись за пьедестал, Саймон поднял себя на ноги. В затылке пульсировало.

Не успеть, времени не хватит: Лилит только и надо, что пронзить Джейса зазубренным клинком. Чего тянет? Смотрит на Джейса, не шевельнется.

В глазах нефилима сверкнул огонек понимания; губы расслабились.

– Ты не убьешь меня, – повышая голос, заметил он. – Сама говорила: я – противовес. Единственное, что держит его, – ткнул пальцем в сторону Себастьяна, – на этом свете. Умру я – умрет и он. – Джейс отступил на шаг. – Могу ведь и с крыши сигануть. Убьюсь, и всему конец.

Лилит задержалась. Мотнула головой из стороны в сторону. Змеи в глазах извивались, будто ища направление ветра.

– Где она? Девчонка, где она?

Усмехаясь, Джейс утер с лица кровь и пот. Из разбитой губы на подбородок стекала карминовая струйка.

– Забудь. Стоило тебе отвлечься, и я отослал Клэри подальше. Вниз, где безопасно.

– Лжешь, – прорычала демоница.

Джейс отступил еще на пару шагов. Бортик совсем рядом. Джейс многое выдержит, но падение с сорокаэтажного здания вряд ли переживет.

– Забываешь, нефилим, – произнесла Лилит, – что я видела твою смерть, видела, как Валентин рыдал над твоим телом. И когда Ангел спросил Клариссу, чего она желает больше всего на свете, она выбрала тебя. Решила, будто вы единственные, кому сойдет с рук возвращение любимого с того света. Вы оба так думали. Дурачки. – Лилит сплюнула. – Вы любите друг друга – все это замечают с первого взгляда – столь сильно, что ваше чувство может как сжечь мир дотла, так и возродить его из пепла во всем блеске и славе. Нет, Кларисса никогда тебя не оставит. Особенно если ты в беде. – Запрокинув голову, она выпростала руку и сжала пальцы, как когти. – Она там.

Раздался крик, и живая изгородь с одной стороны расступилась. Как ни цеплялась Клэри ногтями за плитку, оставляя кровавые дорожки, неудержимая сила вытащила ее из кустов.

– Нет! – вскрикнул Джейс и замер на полушаге.

Клэри повисла в воздухе перед Лилит: босая, платье разодрано чуть не в клочья, золотистый цвет скрылся под пятнами крови и грязи, одна бретелька порвалась и болтается; волосы окончательно растрепались, глаза смотрят на Лилит с испепеляющей ненавистью.

– Сука, – выругалась Клэри.

Лицо Джейса превратилось в маску ужаса. Ведь он верил собственным словам, хвастая, будто Клэри ушла, будто она в безопасности. Лилит перехитрила его и сейчас торжествует, ее глаза-змеи радостно извиваются. Демоница повела в воздухе руками, и Клэри завертело, как марионетку. Дернула пальцами, и по Клэри, рассекая платье и кожу, прошла тонкая серебристая молния. Девушка вскрикнула, хватаясь за рану. На плитку алым дождем упали кровавые капли.

– Клэри. – Джейс вихрем развернулся к Лилит. – Твоя взяла. – Побледневший, он сжал кулаки, так что побелели костяшки. – Ты победила,пусти Клэри, и бери меня... и Саймона. Мы сдаемся...

– Сдаетесь? – Каким-то образом Лилит стала еще страшнее: змеи по-прежнему извивались у нее в глазницах, зато кожа натянулась и сияла, рот расширился, нос почти исчез. – У вас выбора нет. Вы меня жутко разозлили. Все вы. Подчинились бы сразу – может, я отпустила бы вас. Теперь и сожалеть поздно.

Отпустив пьедестал, Саймон пошатнулся. Так, стоять. Теперь вперед, шаг за шагом. Казалось, он не ногами передвигает, а перетаскивает с места на место мешки с мокрым песком. Каждый раз тело отзывалось болью. Надо сосредоточиться на ходьбе, не думать о муках.

– Убить тебя не убью, – сказала Лилит, – но Клариссу могу пытать до предела. Пока не утратит рассудок. У тебя на глазах. Есть вещи страшнее смерти, Охотник.

Демоница вновь дернула пальцами, и серебристая молния еще больше рассекла кожу Клэри. Девушка дернулась, но не закричала. Зажав рот ладонями, она скорчилась, будто так надеясь защититься от пытки.

Чуть не бросившись на Лилит, Джейс в последнюю секунду заметил Саймона – их взгляды встретились. На мгновение время остановилось: Клэри так и висела в воздухе, Лилит занесла руку, готовясь обрушить новый удар, еще жестче, сильнее; Джейс побледнел от боли и злости, однако в потемневших глазах нефилима Саймон прочел понимание.

Джейс замер.

Мир поплыл, размываясь. Саймон прыгнул вперед, понимая две вещи. Первое: ему не успеть, рука Лилит уже наносит удар, и в воздухе у ее пальцев раскручивается серебристая нить. И второе: вампиры способны двигаться ошеломительно быстро. Саймон почувствовал, как рвутся мышцы ног и спины, как трещат кости ступней и лодыжек...

Он вскочил между Клэри и демоницей в самый последний момент. Длинная серебристая нить бритвой рассекла грудь и лицо. В глазах полыхнуло от боли, и сам воздух рассыпался

подобно мерцающим конфетти. Ночь пронзил потрясенный крик:

– Саймон!

Клэри.

Замерев, Лилит посмотрела на Саймона, на Клэри – по-прежнему висящую в воздухе, – на свою опустевшую руку. Сделала долгий, неровный вдох.

– Отмстится всемеро, – только и успела произнести она.

Тьму над крышей разорвало нестерпимое сияние. Саймону вспомнилось, как сгорают под лупой муравьи. С неба, пронзив Лилит, обрушился огненный луч. Демоница превратилась в пылающий белый силуэт: рот распахнут в немом крике, волосы завились миллионом зажженных нитей накала. Силуэт демоницы приобрел оттенок белого золота... и распался. Под ноги Саймону, красиво и ужасающе одновременно, просыпались кристаллики соли.

Невообразимо яркое сияние, видимое даже сквозь опущенные веки, погасло. Удивительно долго длилась темнота, которую нарушали всполохи серого света вперемешку с тенями. В спину ударило что-то твердое и холодное, по телу прошлась волна боли. Где-то рядом прозвучали голоса, и от них голова чуть не раскололась. Кто-то нежно прикоснулся к шее.

Все тело пульсировало.

Глубоко и не спеша вдохнув, Клэри чуть приоткрыла глаза. Огляделась, стараясь не делать резких движений. Сад на крыше никуда не исчез, а в спину, оказывается, уперлась одна из плиток дорожки. Едва демоница погибла, Клэри упала: вся в синяках и порезах, босиком, колени стерты, платье иссечено магической плетью.

Саймон опустился на колени и перепуганно посмотрел на Клэри. На лбу у него светилась белым Каинова печать.

– Пульс ровный. Хотя постой, ты же знаешь исцеляющие руны. Не стой, действуй...

– Без стило? Лилит заставила выбросить, перестраховалась. Демоница думала, что Клэри, очнувшись, умыкнет у меня стержень. – Голос низок и напряжен; Джейс скрывает боль и тревогу. Он опустился на колени с другой стороны; лицо его скрыла тень. – Отнесешь ее вниз? В Институте ей...

– Мне еще и нести ее?! – Саймон говорил с искренним изумлением, но Клэри не обиделась – его можно понять.

– Мне она не позволит до себя дотронуться. – Джейс вскочил на ноги, будто его распирало от жажды действия. – Если бы ты...

Голос его надломился. Джейс посмотрел на то место, где совсем недавно стояла Лилит. Театрально вздохнув, Саймон положил руки на плечи Клэри.

Открыв глаза окончательно, она взглянула на Саймона – тот промолчал. Самой Клэри больно было видеть знакомое лицо и то, как сияет, подобно звезде, нанесенная ею Метка.

Выводя Знак на лбу у Саймона – тогда, в Идрисе, – Клэри сознавала: она совершает поступок настолько масштабный, невероятный, что последствий его представить невозможно. И в то же время, увидев, как Печать горит белым светом, а Лилит – высший демон, ровесник человечества – превращается в соль, Клэри подумала: «Что же я натворила?»

– Со мной все хорошо. – Через боль Клэри приподнялась на содранных локтях. – Сама пойду.

При звуке ее голоса Джейс обернулся. Какой ужас: весь в синяках и в крови, на щеке царапина, нижняя губа распухла, одежда в прорехах. Таким израненным Клэри Джейса ни разу не видела. Ну конечно же стило нет, вот он и не может себя подлечить.

Даже Клэри, которой ничего не стоило прочесть настроение по глазам Джейса, видела сейчас пустоту. Джейс изменился в лице, лишь когда заметил царапину на шее Клэри – порез все еще болел, – и поспешил отвернуться.

Отмахнувшись от предложенной помощи, Клэри попыталась встать на ноги. Лодыжку пронзила жгучая боль, и девушка вскрикнула. Закусив губу, она напредила себе: нефилимы не кричат от боли, переносят ее стоически. Так что никаких слез.

– Лодыжка, – сказала Клэри. – Потянула, наверное. Или сломала.

Глянув на Саймона, Джейс вновь попросил:

– Понеси ее.

На сей раз Саймон не стал дожидаться отказов и просто поднял Клэри на руки – та крепко

ухватила его за шею. Джейс первым пошел к куполу, к ведущим внутрь дома стеклянным дверям. Саймон нес Клэри бережно, словно хрупкий фарфор. Клэри и забыла, какую силу даровал ему вампиризм. Правда, Саймон, чуть печально подумала она, утратил свой запах. То есть от него пахло мылом и дешевым лосьоном после бритья (совсем не нужным вампиру), любимой жвачкой со вкусом корицы. Волосы пахли привычным шампунем, вот только сам Саймон больше не пах. Кожа его на ощупь стала холодной. Клэри очень жалела об этом, еще крепче ухватив друга за шею; кончики пальцев у нее посинели, тело начало неметь.

Джейс плечом открыл дверь, пропуская Саймона в помещение, где – слава богу! – оказалось хоть немного теплее. Клэри никак не могла привыкнуть к тому, что Саймон не дышит: грудь его не вздымалась, не опадала. Зато он чуть бился током; видно, это остатки небесного электричества, огня, который обрушился на Лилит. Клэри спросила бы Саймона, как он себя чувствует, но боялась нарушить тишину, порожденную молчанием Джейса.

Джейс уже хотел нажать кнопку вызова лифта, когда двери сами собой открылись. Из кабины вылетела Изабель – за ней хвостом кометы вился хлыст. Следом шел Алек, и, когда его сестра, увидев Джейса, Клэри и Саймона, остановилась, он ударился ей в спину. При других обстоятельствах Клэри бы рассмеялась.

– Какого... – ахнула Изабель, вся в порезах; изящное красное платье разорвано в районе колен, черные волосы растрепались и перепачканы кровью. Алек выглядел немногим лучше, плюс один рукав у него был порван (плоть под ним не пострадала). – Как вы здесь оказались?

Джейс, Клэри и Саймон уставились на нее, словно контуженные. Наконец Джейс обрел дар речи.

– Могу задать тот же вопрос, – сухо произнес он.

– Я не... Мы думали, что ты и Клэри на вечеринке. – Такой растерянной Изабель не часто увидишь. – Мы пришли искать Саймона.

Грудь вампира слегка приподнялась – так нормальные люди вздыхают от облегчения.

– Правда? – спросил он.

– Ну, я... – Изабель зарделась.

– Джейс? – раздался командный голос Алека. Бросив изумленный взгляд на Клэри и Саймона, сын Лайтвудов переключился на Джейса. Может, влюбленность и прошла – если вообще имела место, – но Джейс и Алек оставались братьями по оружию. – Ты здесь откуда? Во имя Ангела, что с тобой случилось?

Джейс уставился на Алека как на чужого. Он будто пребывал в кошмаре и приглядывался к незнакомой обстановке. Не удивленно или восхищенно, а настороженно.

– Мне нужно твое стило, – сказал он наконец надтреснутым голосом.

Сбитый с толку, Алек потянулся к поясу:

– Да, конечно. – Он отдал Джейсу стержень. – Если надо нанести Иратце...

– Да не мне, – ответил Джейс. – Ей, – указал на Клэри. – Ей в первую очередь. – Взгляды Джейса и Алека – золото и синева – встретились. – Прошу, Алек. – Грубые нотки исчезли из его голоса столь же быстро, как и появилась. – Ради меня, помоги ей.

Он отошел к стеклянным дверям. Встал перед ними, смотря то ли на сад, то ли на свое отражение.

Проводив Джейса взглядом, Алек со стило наизготовку приблизился к Саймону и Клэри. Жестом велел Саймону опустить Клэри на пол, что вампир и проделал, бережно, позволив приятельнице привалиться к стене. Когда Саймон отошел, Алек опустился перед Клэри на колено и, заметив жуткие порезы на руках и животе, смущенно спросил:

– Кто это с тобой так?

– Это... – Клэри беспомощно посмотрела в спину Джейсу. Его лицо, покрытое синяками,

белым пятном отражалось в стекле. Перед рубашки темнел от крови. – Долго рассказывать.

– Почему нас не позвали? – обидчиво спросила Изабель. – Не предупредили, что идете сюда? Хотя бы огненное сообщение отправили. Знаете ведь: мы поможем, если надо.

– Некогда было, – ответил Саймон. – Я и сам не знал, что Джейс и Клэри придут сюда. Думал, у меня одного неприятности. Не хотел вас втягивать.

– В-втягивать? – запинаясь, переспросила Изабель. – Ты...

В следующий миг она, к всеобщему – и своему собственному – удивлению, бросилась Саймону на шею. Пойманный врасплох, он слегка покачулся и, опомнившись, сам обнял девушку, при этом едва не запутался в хлысте. Опустил подбородок прямо на ее темную макушку. Изабель что-то шептала – похоже, корила Саймона.

У Алека брови полезли на лоб. Впрочем, он промолчал и, загородив Клэри обзор, наклонился к ней. Начал рисовать руну. Клэри дернулась от жгучей боли.

– Да-да, неприятно, – сказал Алек. – Тебя бы Магнусу показать. А Джейс? Сильно ранен?

– Не знаю. – Клэри покачала головой. – Он меня к себе не подпускает.

Взяв ее за подбородок, Алек осмотрел лицо Клэри. Нанес легким движением руки еще одну ирратце на шее, прямо под челюстью.

– Что же он такого ужасного совершил?

Клэри зыркнула на него в ответ:

– С чего ты взял, что он вообще что-то совершил?

Убрав руку с ее подбородка, Алек сказал:

– Я его знаю. Он любит наказывать себя за проступки. И тебя к себе не подпускает, потому что хочет наказать себя.

– Он меня видеть не хочет, – воскликнула Клэри. Фу, слабачка!

– Кроме тебя, ему больше никого и ничего не надо, – поразительно нежно произнес Алек. Присев на корточки, он откинул со лба длинные темные локоны. За последнее время он сильно изменился. Стал увереннее и гораздо добрее к окружающим. Добрее, чем к себе самому когда-то. – Ну, так как вы здесь оказались? Мы даже не заметили, как вы с Саймоном ушли с праздника...

– Они и не уходили, – ответил за Клэри Саймон. Они с Изабель больше не обнимались. – Я пришел сюда один. То есть не совсем один, меня... вызвали.

Клэри кивнула:

– Правда. Саймон ушел без нас. Я и не ждала встретить его, когда Джейс привел меня сюда.

– Тебя привел Джейс? – удивилась Изабель. – Джейс, ты знал про Лилит и церковь Талто? Почему не поделился с нами?

Не отходя от стеклянных дверей, он сухо ответил:

– Да как-то не сообразил.

Алек и Изабель перевели взгляд с приемного брата на Клэри, будто ожидая объяснений его странным выходкам.

– Джейс не сам действовал, – покачала она головой. – Им... управляли. Лилит.

– Он был одержим? – У Изабель глаза полезли на лоб. Пальцы машинально стиснули рукоять хлыста.

Джейс присоединился к компании. Одернув рубашку, показал остатки демонической руны.

– Вот, – все так же сухо произнес он. – Руна Лилит. Через нее демоница мной управляла.

Глубоко потрясенный, Алек покачал головой:

– Джейс, обычно действие подобных рун может нарушить лишь убийство самого демона.

Лилит – одна из самых могущественных...

– Лилит мертва, – вмешалась Клэри. – Саймон убил ее. Каинова печать помогла.

Лайтвуды дружно устали на Саймона.

– Теперь вы, двое, объяснитесь, – перешел в защиту вампир. – Как сюда попали?

– За тобой пришли, – ответила Изабель. – Нашли визитку Лилит. В квартиру нас впустил Джордан, он сейчас внизу, с Майей. – Она вздрогнула. – Вы не поверите, чем здесь Лилит занималась... такой ужас...

Алек вскинул руки:

– Так, тихо, все. Притормозили. Сначала объясним, что было с нами, потом очередь Саймона и Клэри.

Рассказ занял меньше времени, чем ожидала Клэри. Изабель до того оживленно размахивала руками, что она испугалась, как бы хлыстом не отсекло кому-нибудь конечность. Улучив момент, Алек вышел на крышу и отправил Конклаву огненное сообщение с просьбой о помощи. Джейс молча пропустил его туда и обратно. Он молчал, даже когда Клэри и Саймон дошли в рассказе до того места, где Разиил вернул его с того света. Стоило же Клэри упомянуть, будто Лилит – «мать» Себастьяна и берегла его в хрустальном гробу, как Изабель вмешалась:

– Себастьян?! – Она злобно ударила хлыстом по полу, расколов мрамор. – Здесь? Живой? – Она посмотрела на Джейса. Тот безучастно стоял, привалившись к дверям, скрестив руки на груди. – Он умер у меня на глазах. Джейс ударил Себастьяна в спину, и тот упал в воду. И вы говорите, что он где-то здесь? Живой!

– Нет, не так, – поспешил успокоить ее Саймон. – Здесь его тело, не живое, не мертвое. Лилит не успела завершить ритуал.

Он положил руку ей на плечо, но Изабель, смертельно бледная, стряхнула ее:

– Ни жив, ни мертв? Значит, точно не мертв. Сейчас выйду и покрошу его на тысячу кусочков.

Она развернулась к дверям на крышу.

– Из! – Саймон снова положил руку ей на плечо. – Иззи, не надо.

– Это еще почему? – Она негодуя посмотрела на вампира. – Назови хоть одну причину, почему я не могу порезать его на конфетти.

Взгляд Саймона заметался по комнате и остановился на Джейсе. Вампир ждал, что нефилим вмешается, скажет что-нибудь от себя, но тот даже не пошевелился.

– Иззи, – снова заговорил Саймон, – принцип ритуала ты поняла, так? Джейса вернули, и это дало Лилит право воскресить Себастьяна. Джейс был нужен живой, в качестве... как она говорила?

– В качестве противовеса, – подсказала Клэри.

– Метка у Джейса на груди, знак Лилит. – Саймон рассеянно ткнул себя в грудь. – У Себастьяна точно такая. Когда Джейс вошел в круг, оба Знака вспыхнули одновременно.

Покручивая хлыстом у бедра и прикусив нижнюю губу. Изабель нетерпеливо спросила:

– Ну и?..

– По-моему, демоница связала Джейса и Себастьяна. Умри Джейс, Себастьян не ожил бы. Если порезать Себастьяна на кусочки...

– Может пострадать Джейс, – невольно закончила Клэри. – Господи. Иззи, нельзя убивать Себастьяна.

– И что теперь, жить его оставить?!

– Хочешь – режь, – ответил Джейс. – Я разрешаю.

– Заткнись, – урезонил его Алек. – Хватит обесценивать свою жизнь. Из, а ты чем слушаешь? Себастьян не живет.

– Он не мертв. Не мертв до конца.

– Нужен совет Конклава. Отнесем Себастьяна к Братьям молчания, те разорвут связь с

Джейсом, и вот тогда удовлетворишь жажду крови. Он сын Валентина, к тому же убийца. Почти у всех кто-то погиб в битве при Аликанте: либо родственник, либо знакомый. Думаешь, они пощадят Себастьяна? Живьем на куски разорвут.

Изабель пристально посмотрела на брата. У нее на глазах набухли и потекли по щекам, смывая грязь и кровь, слезы.

– Терпеть ненавижу, когда ты прав.

Притянув сестру к себе, Алек поцеловал ее в макушку:

– Знаю.

Стиснув его руку, Изабель отстранилась:

– Ладно, Себастьяна не трону. Но оставаться с ним поблизости я не могу. Спустимся и подождем Конклав в вестибюле. Еще надо найти Майю и Джордана, они нас потеряли, наверное.

Саймон откашлялся.

– Кто-то должен приглядеть за... ну, вы поняли. Я останусь, пожалуй.

– Нет, – возразил Джейс. – Иди вниз. То, что Себастьян уцелел, – моя вина, надо было сразу добить его. Что до прочего...

Он не закончил фразу, но Клэри все поняла. Вспомнила, как он шептал ей в темном коридоре Института: «*Mea culpa, mea maxima culpa*» («Моя вина, моя величайшая вина»).

Изабель нажала кнопку вызова лифта, и из шахты донеслось тихое гудение. Нахмурившись, Изабель предложила:

– Алек, может, присмотришь за Джейсом?

– Помощь мне не нужна, – отозвался Джейс. – Делать все равно нечего, справлюсь.

Тихий звонок известил о прибытии лифта. Вскинув руки, Изабель сказала:

– Прекрасно, ты победил. Дуйся тут один, если хочешь. – С этими словами она вошла в лифт. Алек и Саймон – за ней следом.

Перед тем как войти в кабину, Клэри оглянулась. Джейс стоял лицом к дверям на крышу, и в них было видно его отражение: губы сжаты в бледную линию, глаза потемнели.

Глядя, как закрываются двери кабины, Клэри пожелала: вот бы Джейс посмотрел на нее. И тут сильные руки толкнули ее в спину. Чуть не упав, она обернулась: Алек напоследок проказливо ухмыльнулся и пожал плечами: мол, что поделаешь... Лифт закрылся у нее перед самым носом.

Клэри осталась наедине с Джейсом.

* * *

Комната наполнилась мертвецами: трупы, все в толстовках с капюшоном, лежали кто распростершись, кто скорчившись, а кто привалившись к стене. Отойдя к окну, тяжело дыша, Майя не могла верить собственным глазам. Она билась на равнине Брослин и думала, что прошла самое страшное сражение. Но сегодня она пережила нечто похуже. Кровь сектантов – человеческая, из ран вытекал не иxor. Да еще дети: крохотные младенцы, похожие на кукол, сложившие на груди когтистые ручонки...

Майя посмотрела на руки. Убрала когти, и кровь с них потекла на ладони и запястья. Босые ноги тоже испачкались в крови; вдоль плеча тянулась длинная царапина, которая уже начала заживать. Завтра от нее не останется и следа, синяки сойдут за день. В свое время брат Майи, Даниель, научился побивать ее так, что синяков не оставалось вовсе.

– Майя. – Через недоделанную дверь, пригибаясь под свисающими проводами, вошел

Джордан. Обходя мертвецов, он направился к Майе: – Ты как?

Вечно заботливый Джордан. У Майи аж в животе защекотало.

– Где Изабель и Алек?

Джордан покачал головой. Его зацепило не так сильно – помогли толстая кожаная куртка, джинсы и крепкие ботинки. Только на щеке имелась царапина; засохшая кровь пятнала светло-каштановые волосы и клинок ножа.

– Весь этаж обыскал, не видел их. В соседних комнатах валяется еще несколько тел. Эти, наверное...

Внезапно ночь вспыхнула, как клинок серафимов. За окнами побелело, и комнату затопил свет. Майе показалось, будто весь мир охватило пламя. Джордан кинулся к ней, исчезая во вспышке. Майя закричала и, машинально подавшись назад, стукнулась головой о стекло. Ладонями закрыла глаза...

Потом свет погас, и Майя опустила руки. Все вокруг вращалось. Слепо потянувшись вперед, она наткнулась на Джордана. Обняла его, как обнимала, когда он приходил забрать ее из дому. А он в ответ прижал Майю к себе, запустив пальцы в кудряшки.

Когда-то худой и узкоплечий, Джордан заматерел. Вжимаясь в его мускулистую грудь, Майя будто держалась за спасительный гранитный столп посреди песчаной бури. В груди его билось сердце, сильная рука неспешно и размеренно гладила по голове, так успокаивающе и... знакомо.

– Майя... все хорошо...

Она поцеловала его. Джордан сильно переменился, но вкус его губ остался прежним. На секунду опешив, Джордан напрягся и после, расслабившись, стал поглаживать Майю по спине. Она вспомнила первый с ним поцелуй. Майя тогда отдала Джордану свои сережки, а он, кладя украшение в бардачок машины, выронил их – так тряслись руки. Джордан извинялся и извинялся, пока Майя не заткнула ему рот поцелуем. Такого милого парня она еще не встречала.

Потом его укусили, и все пошло под откос.

Тяжело дыша и нетвердо стоя на ногах, Майя отстранилась. Джордан тут же отпустил ее. Он смотрел на Майю затуманенным взглядом, приоткрыв рот.

За спиной у него, в окне, Майя ожидала увидеть сметенный город, белую пустыню, однако Нью-Йорк стоял как и прежде, светясь ночными огнями. Шумели на дороге машины.

– Надо идти, – сказала Майя. – Поищем остальных.

– Майя, – произнес Джордан. – Зачем ты поцеловала меня?

– Не знаю. Как думаешь, на лифтах поедem?

– Майя...

– Не знаю, Джордан, – повторила девушка. – Точно скажу одно: мне страшно, и я волнуюсь за друзей. Надо уходить. Все?

Джордан кивнул. Сказать он хотел многое, но решил промолчать, за что Майя была ему благодарна. Смахнув с головы штукатурку, Джордан снова кивнул:

– Все. Идем.

* * *

В молчании, закрыв глаза, Джейс уперся лбом в стеклянные двери. Интересно, он хоть знает, что Клэри здесь, на одном с ним этаже? Она успела только шагнуть к нему, как вдруг Джейс толкнул двери и вышел.

Какое-то время Клэри тупо смотрела ему вслед. Может, вызвать лифт и присоединиться к остальным в вестибюле? Подождать Конклав? Если Джейс не хочет разговаривать – ладно. И

если Алек прав и Джейс наказывает сам себя, то лучше отойти в сторону, пока он не перебесится.

Клэри развернулась к лифту и хотела нажать кнопку вызова... Ну нет. Она разозлилась, в глазах полыхнул огонек гнева. Нечего Джейсу вести себя таким образом. С кем-то другим – пожалуйста, сколько влезет, но только не с Клэри. Джейс обязан ей большим. Они оба друг другу обязаны.

Клэри быстрым шагом направилась к террасе. Лодыжка все еще побаливала, но Руны Иратце исправно делали свое дело: Клэри почти забыла о прочих ранах. Толкнув двери, она вышла на крышу и поморщилась, едва голые стопы коснулись холодных плит.

Джейса увидела сразу: он опустился на колени у пьедестала, посреди пятен крови, ихора и крупиц соли. При виде Клэри он встал и обернулся. В руках у него поблескивало... кольцо Моргенштернов на цепочке.

Подул ветер, и на лоб Джейсу упала темно-золотистая прядка. Смахнув ее, он сказал:

– Вспомнил про колечко...

Как ни странно, говорил он своим обычным тоном.

– Ты из-за него остался? Из-за кольца?

Джейс дернул за цепочку так, что кольцо взлетело и упало ему на ладонь:

– Я к нему привязался. Понимаю, глупо, но...

– Мог бы сразу сказать. Разрешил бы Алеку...

– Мне среди вас не место, – оборвал ее Джейс. – После всего что я натворил, я не заслуживаю Рун Иратце, лечения, объятий, утешений, чего бы там друзья ни приготовили. Лучше побуду с ним. – Он мотнул головой в сторону Себастьяна в гробу. – И уж тем более я не заслужил твоего общества.

– Ты не подумал, чего заслуживаю я? – Клэри скрестила руки на груди. – Может, мне положен шанс с тобой поговорить?

Джейс уставился на Клэри. Разделяющие их несколько футов казались непреодолимой бездной.

– Я думал, ты на меня и смотреть-то не захочешь, не то что разговаривать.

– Джейс, ты действовал не по своей воле.

Он молчал в нерешительности. Они с Клэри будто оказались в сердце алмазной паутины – таким черным стало небо и так ярко горели окна окружающих зданий.

– Тогда почему я все помню? Одержимые не знают, что творил вселившийся в них демон. Я же ничего не забыл. – Джейс пошел к стене сада.

Клэри поторопилась следом, довольная, что гроб остается вне поля зрения.

– Джейс!

Он обернулся. У него за спиной город светился как сторожевые башни Аликанте.

– Память тебе оставила Лилит, – чуть запыхавшись, произнесла Клэри. – Она хотела пытать тебя, как и Саймона. Чтобы ты видел, как калечишь любимых.

– Я и видел, – низким голосом подтвердил Джейс. – Одна часть меня оставалась где-то в стороне, умоляя остановиться другую – ту, что спокойно совершала злодеяния. Она ни о чем не тревожилась, полагая, будто действует правильно. Наверное, так и Валентин убеждал себя в собственной правоте. – Джейс отвернулся. – Нечего тебе со мной делать. Уходи.

Клэри упрямо подошла ближе. Зябко обхватив себя руками, она задрожала. Джейс неохотно посмотрел на нее:

– Клэри...

– Не тебе решать, куда и когда мне идти.

– Знаю, – неровным голосом ответил Джейс. – Я всегда знал, какая ты. Угораздило же

влюбиться в девчонку, еще более упертую, чем я сам.

Секунду Клэри молчала. При звуках слова «влюбиться» ее сердце сжалось.

– То, что ты говорил на террасе «Айронворкс», – полушепотом спросила Клэри, – это правда?

Золотистый блеск в глазах Джейса чуть погас.

– А что я говорил?

«Что любишь меня», – чуть не ответила Клэри. Однако... произнес ли те слова Джейс? Нет, он признался не напрямую. И потом, они любят друг друга. Клэри знает об этом так же точно, как то, что ее зовут Клэри.

– Ты спрашивал: стану ли я тебя любить, если ты уподобишься Себастьяну? Или Валентину?

– Ты ответила: это буду не я. Ошиблась, – горько заметил он. – То, что я натворил сегодня...

Клэри шагнула ближе. Джейс напрягся, но не отступил. Взяв его за перед рубашки, Клэри наклонилась и очень четко прошептала:

– Это был не ты.

– Своей маме скажешь и Люку, когда спросят, откуда вот это. – Он нежно коснулся ее ключицы. Рана зажила, однако кожу и ткань платья все еще пятнала кровь.

– Скажу, – пообещала Клэри. – Скажу, что сама во всем виновата.

Джейс вытаращился на нее:

– Нельзя лгать.

– Я и не собираюсь. Ты погиб, и я вернула тебя с того света. Нарушила равновесие, дала Лилит зеленый свет и позволила начать обряд. Ведь могла же попросить Разиила о чем угодно, а выбрала тебя. – Клэри еще крепче ухватила за рубашку Джейса. Пальцы побелели от холода и напряжения. – И выбрала бы снова. Я люблю тебя, Джейс Вэйланд, Эрондейл, Лайтвуд... да кем бы ты ни был! Наплевать. Люблю тебя и всегда буду любить. Тут ничего не исправить.

Жуткая боль отразилась у него на лице, и сердце Клэри сжалось. Он поднес теплые ладони к ее щекам.

– Помнишь, я говорил, – очень мягко произнес Джейс, – что не знаю, есть на свете Бог или нет, но уверен, что мы предоставлены сами себе? Что есть такая вещь, как вера, которой я не заслуживаю? А потом появилась ты, и все стало с ног на голову. Помнишь отрывок из Данте, я цитировал его в парке: «L'amor che move il sole e l'altre stelle»?

Уголки губ Клэри слегка приподнялись.

– Я так и не выучила итальянский.

– Строки из самой последней песни «Рая»: «Но страсть и волю мне уже стремил, как если колесу дан ровный ход, любовь, что движет солнце и светила»^[30]. Этими словами Данте хотел объяснить принцип веры. Показать ее всемогущей любовью. Может, я и богохульствую, такова моя любовь к тебе. Ты вошла в мою жизнь, и для меня родилась одна точная, непреложная истина: я люблю тебя, и ты любишь меня.

Джейс смотрел на Клэри, однако взгляд его был прикован к чему-то далекому.

– Потом стали сниться кошмары. Я решил, что недостоин тебя. Недостоин испытывать абсолютное счастье. Его, конечно, никто не заслуживает, но после сегодняшнего...

– Прекрати. – Выпустив рубашку, Клэри положила ладони Джейсу на грудь. Его сердце колотилось, щеки покрылись румянцем, и не просто от холода. – Что бы ни случилось сегодня, это не ты ранил меня, не ты затащил на крышу. Я абсолютно и бесповоротно уверена: ты хороший. Ничто не убедит меня в обратном.

Джейс глубоко и судорожно вздохнул:

– Даже не знаю, чем я заслужить подобное.

– Не надо ничего заслуживать. Я в тебя и так верю. Верю в нас с тобой.

Джейс запустил пальцы ей в волосы. Дыхание вырывалось изо рта белым паром.

– Как мне тебя не хватало. – Джейс нежно поцеловал Клэри. Не страстно и неудержимо, как совсем недавно, а мягко и плавно.

Клэри зажмурилась, и мир завертелся юлой. Девушка, привстав на носочки, обняла Джейса. Его пальцы скользнули вниз по ее спине. Задрожав, Клэри прижалась к нему. У обоих губы на вкус были как кровь, пепел и соль. Ну и пусть! Мир вокруг, город и его огни – все сошлось в них двоих, пылающем сердце застывшей Вселенной.

Первым отстранился Джейс – прервал поцелуй неохотно. Спустя миг Клэри поняла почему. Снизу донеслись звук автомобильных клаксонов и визг шин.

– Конклав, – смиренно произнес Джейс. Было приятно услышать его хриловатый голос. И его, и ее лицо пылало румянцем. – Приехали.

Держа любимого за руку, Клэри глянула вниз через край бордюра: у лесов остановилось несколько длинных черных машин, наружу посыпались люди в боевой форме. С такой высоты Клэри узнала только Маризу. Вот к зданию подлетел грузовичок Люка, из которого выскочила Джослин. Свою мать Клэри узнает по манере двигаться и с еще большего расстояния.

– Мама, – повернулась к Джейсу Клэри. – Лучше спуститься. Нельзя ей подниматься сюда и видеть... его.

Она мотнула головой в сторону хрустального гроба.

Убрав локоны с лица Клэри, Джейс произнес:

– Не хочу выпускать тебя из виду.

– Тогда спускаемся вместе.

– Нет, за гробом надо присматривать. – Он вложил в ладонь Клэри кольцо Моргенштернов. Цепочка скользнула с его руки, словно ручеек жидкого металла. Когда Клэри сорвала с себя украшение, застежка погнулась, однако Джейс успел выправить замочек. – Прощу, возьми.

Глянув на кольцо и цепочку, Клэри неуверенно посмотрела на Джейса:

– Хотела бы я знать, что оно для тебя значит.

Джейс слегка пожал плечами:

– Я десять лет носил его, и оно впитало какую-то часть меня. С кольцом я доверяю тебе свое прошлое и секреты. К тому же... – Он слегка коснулся одной из выгравированных на кольце звезд. – «Любовь, что движет солнца и светила» – должно быть, это значение нашего герба.

Клэри надела цепочку на шею, и кольцо легло точно в ямочку между ключиц, словно кусочек головоломки, вставший на законное место. На мгновение взгляды Клэри и Джейса пересеклись, и такое напряжение было в них, такая страсть... Клэри смотрела на Джейса, стараясь удержать в уме его образ: спутанные золотистые волосы, тени от ресниц, кольца густого золотого оттенка у самых зрачков.

– Я вернусь. – Клэри сжала руку Джейса. – Минут через пять.

– Беги, – сказал он, отпуская ее руку.

Отойдя от Джейса, Клэри опять начала мерзнуть. У самых дверей она обернулась, но не сумела разглядеть Джейса на фоне нью-йоркского ночного небосвода. Значит, любовь, что движет солнца и светила? Тут вспомнились слова Лилит: «Вы любите друг друга – все это замечают с первого взгляда – столь сильно, что ваше чувство может как сжечь мир дотла, так и возродить его из пепла во всем блеске и славе». Клэри вздрогнула, и вовсе не от холода. Она снова поискала взглядом Джейса и не нашла его среди теней. Тогда Клэри развернулась и открыла двери.

Алек отправился наверх искать Джордана и Майю. Оставшись наедине, Саймон и Изабель присели на зеленый диванчик в вестибюле. Алек оставил им ведьмин огонь, и магический светильник в руке Изабель озарял помещение призрачным сиянием, отражаясь крохотными танцующими искорками в «сосульках» люстры.

Изабель почти ничего не говорила. Опустив голову, она смотрела на ведьмин огонь, зажатый в тонких и мозолистых, как у брата, пальцах. Саймон только сейчас заметил на правой руке у Изабель серебряное кольцо: рисунок в виде языков пламени по ободку и буква «Л» в центре. Почти такое же – с рисунком в виде звезд – носит на шее Клэри.

– Фамильный перстень Лайтвудов, – сказала Изабель, проследив за взглядом Саймона. – У каждой семьи есть герб. На нашем изображен факел.

«Тебе идет», – подумал Саймон. Иззи и правда девушка-огонь, особенно в пламенно-красном платье... и если вспомнить, как часто и быстро меняется ее настроение. На верхнем этаже Саймон испугался, как бы Изабель не задушила его в объятиях, забывшись и костеря его на чем свет стоит. Теперь она сидела, глядя в пустоту, недоступная, будто звезда. И как прикажете себя с ней вести?

«Ты без ума от своих друзей Охотников, – говорила Камилла. – Как сокол – от хозяина, который держит его слепым, на привязи».

– Там наверху, – неуверенно произнес Саймон, глядя, как Изабель наматывает на палец темную прядку, – ты сказала, что пришла не за Клэри и Джейсом, а за мной. Это правда?

Убрав прядку за ухо, Изабель посмотрела на Саймона.

– Конечно правда, – возмутилась она. – Саймон, на тебя охотились, Камилла бежала, и вот ты сам испарился... – Изабель осеклась. – Джордан отвечал за тебя и поэтому кипешил.

– Искать меня здесь додумался он?

Изабель долго смотрела на него бездонными черными глазами.

– Это я заметила, что ты пропал, и это я хотела тебя отыскать.

Саймон откашлялся. Странно, почему-то голова кружится.

– Зачем? Ты ненавидишь меня.

Зря напомнил. Тряхнув головой, Изабель отсела от Саймона подальше:

– Ох, Саймон, ну и дубина же ты.

– Из. – Он нерешительно коснулся ее запястья. Изабель руки не одернула, напротив, подняла на Саймона взгляд. – В Святилище Камилла сказала, будто нефилимы никогда ничего не сделают для нежити, будто вы меня только используете. А ты пришла за мной. Пришла. За мной.

– Естественно, – глухо ответила Изабель. – Как подумаю, что с тобой случится несчастье...

Саймон наклонился к ней, заглянул в темные глаза, в которых отражались искорки света. Ощутил тепло ее дыхания. Впервые с того момента, как Саймон стал вампиром, он чувствовал тепло – как электрический разряд, пробегающий между ним и Изабель.

Раздался звонок, и открылись двери лифта: в вестибюль вышли Алек, Майя и Джордан. Стоило Алеку бросить на Саймона с Изабель подозрительный взгляд, как вампир с девушкой отсели друг от друга. Тут же распахнулись парадные двери, и вестибюль наполнился нефилимами. Мариза и Кадир налетели на Изабель, стали трясти ее за плечи и требовать объяснений. Чувствуя себя забытым, Саймон поднялся, отошел в сторонку... и его чуть не сшиб Магнус. Колдун спешил со всех ног к Алеку. В Святилище он предупреждал: «Пройдет сто лет, двести, и в конце концов останемся мы с тобой. Только мы с тобой и останемся». Жутко одинокий, Саймон прислонился к стене в тщетной надежде, что его и впредь никто не заметит.

Алек только и успел поднять взгляд, когда на него буквально налетел Магнус. Проводя пальцами по лицу юноши, словно бы ощупывая синяки и царапины, маг сбивчиво шептал:

– Зачем... зачем ты ушел? Не сказал ничего... не предупредил... Я бы помог...

– Прекрати! – Алек отстранился.

Магнус будто опомнился и обычным сухим тоном произнес:

– Прости. Не надо было покидать праздник, лучше бы я остался с тобой. Просто Камилла бежала, никто не знает куда. А навести следящие чары на вампира невозможно... – Маг пожал плечами.

Алек поспешил отделаться от всплывшего в памяти образа Камиллы: прикованной к трубе и яростно глядящей на юного нефилима.

– Ничего, – сказал Алек. – Забудь о ней. Знаю, ты хотел помочь, и потому не злюсь на тебя за уход с праздника.

– Но злился. Не притворяйся, знаю, что злился. Я убежал и бросил тебя в опасности лишь потому, что ты на меня обиделся...

– Я Сумеречный охотник, Магнус, это мой долг. Дело не в тебе. В следующий раз влюбляйся в страхового агента или...

– Александр, следующего раза не будет. – Он наклонился к Алеку и заглянул в его синие глаза.

Сердце Алека забилось чаще.

– Почему? – спросил он. – Ты вечен, в отличие от других.

– Знаю, сам говорил. Но, Александр...

– Не зови меня так. Александром меня называют родители. Кстати, очень мило с твоей стороны признать столь фаталистично мою смертность: мол, все умирает, ля-ля-тополя... А теперь подумай: что у меня в душе творится? Обычные пары смеют надеяться состариться вместе, прожить долгую жизнь и умереть в один день. У нас такой надежды нет. Я даже не знаю, чего ты хочешь.

Чего он ждал в ответ от Магнуса. Гнева? Шуток? Магнус произнес упавшим и чуть надломившимся голосом:

– Алекс, Алек. Прости, если позволил думать, будто я смирился с твоей будущей смертью. Я пробовал, пытался себя заставить... представлял тебя через пятьдесят, шестьдесят лет... и как я отпускаю тебя. И все же – сейчас я это отчетливо понимаю – и тогда не буду готов потерять тебя. – Он нежно приложил ладони к щекам Алека. – Совсем не готов.

– Что же нам делать?

Пожав плечами, маг улыбнулся. Взъерошенный, с блестящими кошачьими глазами, он походил сейчас на проказливого подростка.

– То же, что и всем остальным, – сказал Магнус. – Как ты сказал, надеяться.

* * *

Алек с Магнусом слились в поцелуе, и Саймон уже совсем растерялся, не зная, куда деть глаза. Определенно, парочка в углу не хочет, чтобы их видели в столь интимный момент. Впрочем, куда бы Саймон ни взглянул, всюду натыкался на недружелюбные лица нефилимов. А ведь он помогал им арестовать Камиллу! Одно дело Изабель, которая приняла его и заботится о нем, и другое – Охотники в целом. Саймон будто слышал их мысли: «Вампир, нежить, враг». К облегчению Саймона, распахнулись парадные двери, и в вестибюль буквально влетела Джослин, по-прежнему в синем праздничном платье. За ней, чуть приотстав, бежал Люк.

– Саймон! – позвала Джослин, едва завидев друга дочери. Поспешила к нему и – ничего себе! – крепко обняла. – Саймон, где Клэри? Она...

Саймон открыл рот, однако ни слова произнести не сумел. Как объяснить ей – именно ей! – что невероятное зло Лилит, мертвые младенцы и кровь демоницы – все служило одной цели: создать тварей наподобие мертвого сына Джослин? Того, который и сейчас лежит в гробу на вершине здания, где остались Клэри с Джейсом?

Нельзя ей ничего рассказывать. Саймон посмотрел на Люка, в его синие глаза, полные ожидания.

Нефилимы стопились вокруг Изабель – та, похоже, пересказывала события ночи.

– Я... – беспомощно произнес Саймон, и тут открылись двери лифта. В вестибюль вошла Клэри: босая, в изодранном, окровавленном платье, покрытая уже бледнеющими синяками и с такой счастливой улыбкой на лице.

– Мам! – воскликнула она, и Джослин бросилась к дочери, заключила ее в объятия.

Клэри из-за плеча матери улыбнулась Саймону. Оглядевшись, вампир заметил: Алек и Магнус все еще целуются, Майя с Джорданом куда-то пропали, а вокруг Изабель испуганно и удивленно охают и ахают нефилимы. Изабель, наверное, жутко довольна. Любит бывать в центре внимания. Неважно, по какому поводу.

Кто-то положил ему на плечо руку:

– Ты как, Саймон?

Люк. Выглядел вожак оборотней, как всегда, уверенно, авторитетно. Как тот, на кого всегда можно положиться. На лице – ни следа разочарования от сорванного праздника.

Отец Саймона умер так давно, что парень его не помнил. Ребекка иногда рассказывала: мол, отец носил бороду, всегда помогал ей строить башенки из кирпичиков конструктора. И Саймон, и Клэри росли без отцов, воспитывались сильными женщинами – это объединяло их, роднило и связывало.

Так Саймону думалось. На поверку правдой оказалось одно: хотя мать Саймона временами и приводила в семью мужчин, замену отцу он видел только в Люке. И Клэри тоже. И стая всегда ждала от него мудрого водительства. Для холостяка, который так и не обзавелся отпрысками, Люк заботился об очень уж многих детишках.

– Сам не знаю, – честно ответил Саймон, как родному отцу. – По-моему, не очень хорошо.

Люк развернул его лицом к себе:

– Ты весь в крови. Полагаю, она не твоя, ведь у тебя есть... – Он пальцем ткнул в Каинову печать. – И тем не менее, – мягким голосом произнес оборотень, – даже покрытый кровью и с Печатью на лбу, ты все еще Саймон. Расскажи, что здесь случилось.

– Ты прав, кровь не моя. Однако история долгая. – Запрокинув голову, Саймон посмотрел Люку в лицо. Интересно, Саймон еще вырастет, хотя бы на пару дюймов? Чтобы смотреть в глаза Люку, не говоря уже о Джейсе, прямо? Нет, он навсегда застрял в своих пяти футах и десяти дюймах. – Люк, как ты думаешь, можно ли совершить – непреднамеренно – нечто настолько плохое, что потом не очистишься? И никто тебя не простит?

Люк долго смотрел на Саймона в полном молчании.

– Подумай о тех, кого любишь, Саймон. Любишь по-настоящему. За что ты мог бы перестать их любить?

Перед мысленным взором замелькали один за другим образы: Клэри оборачивается и улыбается; сестра щекочет маленького Саймона; мать лежит, уснув, на кушетке, накрытая пледом; Иззи...

Саймон поспешил прогнать эти мысли. Клэри не сделала ему ничего дурного, да и никто другой не причинил Саймону ничего настолько плохого, за что пришлось бы умолять о

прощении. Клэри и та простила Джослин за украденные воспоминания. Джейс... этот сам не простит себя за совершенное сегодня на крыше, пусть даже совершенное не по своей воле. Джордан, так и не простив себя за укус Майи, нашел силы жить дальше и вступил в ряды Волчьих стражей, теперь помогает другим.

– Я напал на человека, – признался Саймон и тут же захотел проглотить собственные слова. Сейчас Люк, наверное, ужаснется.

– Этот... человек выжил? – спросил Люк. – Не умер после укуса?

– Я... – Как объяснить ситуацию с Морин? Лилит прогнала ее, и нефилимы вряд ли заметили бедняжку. – Я не убивал ее.

Люк сдержанно кивнул.

– Знаешь, как становятся вожаками волчьей стаи? Надо убить действующего лидера. Я такое проделывал дважды. Вот, шрамы остались. – Он приоткрыл ворот рубашки, показав Саймону края жирных белых рубцов. Грудь Люку явно вспороли когтями. – Второе убийство я совершил из расчета, хладнокровно и продуманно. Хотел стать вожаком, вот и все. – Он пожал плечами. – Ты вампир, и твоя природа – пить кровь. Ты очень долго сдерживался, способен жить под солнцем, гордишься тем, что похож на нормального парня. Однако не забывай, кто ты есть на самом деле. Как я не забываю о своей сущности. Чем отчаяннее пытаешься ее перебороть, тем жестче она управляет тобой. Не спорь с ней. Никто из тех, кто по-настоящему тебя любит, от тебя не отвернется.

– Моя мама... – хрипло произнес Саймон.

– Клэри говорила. Рассказала, что ты живешь у Джордана Кайла. Послушай, миссис Льюис смирится, ведь ты по-прежнему ее сын. И Амапис смирилась с моим Обращением. Хочешь, поговорю с твоей мамой?

Саймон покачал головой. Люк нравится ее матери, и если она узнает, что он – оборотень, ситуация только усложнится.

Люк словно прочел мысли Саймона и кивнул:

– Если что, моя гостиная в твоём распоряжении. Уверен, и Клэри обрадуется, если ты переночуешь сегодня у нас. Завтра поговорим, как быть с твоей мамой.

Ссутулившись, Саймон посмотрел на Изабель, на ее поблескивающий хлыст, мерцающий кулон, на то, как оживленно девушка жестикулирует во время рассказа. Изабель, которая ничего не боится. Саймон вспомнил, как попятилась от него мать, какой ужас стоял у нее в глазах. До сего дня Саймон гнал этот образ из головы, однако пришла пора остановиться, перестать убегать и прятаться.

– Нет, спасибо, – сказал Саймон. – Ночевать в гостях я не буду. Сегодня... иду домой.

* * *

Оставшись один, Джейс смотрел на город, на разделяющую Бруклин и Манхэттен черно-серебристую змею Ист-Ривер. Губы и руки все еще хранили тепло от прикосновения к Клэри, но ледяной ветер с реки быстро его остужал. Холод ножом проходил сквозь тонкую ткань рубашки.

Сделав глубокий вдох, Джейс медленно выпустил воздух. Он ждал, что вот-вот за спиной раздастся звоночек, откроются двери лифта и на крышу хлынет поток Сумеречных охотников. Поначалу Джейса пожалеют. После – когда узнают, что произошло, – от него отшатнутся, начнут переглядываться за спиной. Еще бы, в него вселился демон, и не просто демон, а высший! Лилит! Джейс выступил против Конклава, угрожая другому Охотнику.

Что с ним сделает Джослин! Люк-то ладно, поймет и простит, но мать Клэри... Джейс так

и не осмелился сказать открыто и честно: «Я люблю вашу дочь сильнее всего на свете и никогда не причиню ей зла». Джослин посмотрела бы на него зелеными глазами – такими же, как у дочери, – и спросила бы о том, в чем Джейс никак не уверен.

«Я ни капли не похож на Валентина».

Разве?

Казалось, это прошептал сам ледяной ветер – одному Джейсу. «Ты не знал мать, отца. Сиротой отдал сердце Валентину. Сделал его частью себя, от которой не избавишься так запросто, ножом ее не вырежешь».

В левой руке похолодело. Опустив взгляд, Джейс пораженно увидел отцовский кинжал. Съеденный кровью Лилит, клинок восстановился и многообещающе посверкивал. В груди растекся холодок. Сколько раз Джейс, задыхаясь, в поту просыпался от кошмара, в котором он этим самым кинжалом убивает Клэри!

Лилит мертва, все кончено. Джейс хотел убрать оружие за пояс – рука не послушалась. Грудь ожгло, и Джейс увидел, что порез, рассекающий руну, затянулся. Метка демоницы сияла красным огнем.

Джейс бросил попытки убрать оружие за пояс. Костяшки побелели, запястье свело от напряжения – он пытался развернуть кинжал острием к груди. На теле нет Иратце, почему же рана затянулась так быстро? Вот бы ее снова исказить, перерезать. Она ослабнет, хотя бы на время...

Рука не слушалась, жалась к боку. Тело само по себе развернулось в сторону пьедестала с гробом.

Хрустальный ящик осветился туманным зеленоватым сиянием. Похожее на свет ведьминогго огня, оно резало глаз. Джейс хотел отступить – ноги не подчинились. По спине потекла струйка ледяного пота, и в голове прозвучал голос:

«Иди ко мне».

Голос Себастьяна.

«Думал, со смертью Лилит ты освободишься? Укус вампира пробудил меня, и кровь демоницы в моих жилах сломает твою волю. Иди ко мне».

Как Джейс ни упирался каблуками в плиты, ноги несли его вперед. Даже когда он откинулся назад, его все равно вело в сторону гроба. Ритуальный круг на пьедестале зажегся зеленым огнем, и хрустальный гроб как будто ответил ему вспышкой изумрудного света. В следующее мгновение Джейс уже стоял над телом Себастьяна.

Он до боли прикусил нижнюю губу – не сработало, морок не развеялся. Ощущая привкус собственной крови, Джейс смотрел на плавающего, будто утопленник, в млечной жидкости Себастьяна: волосы – как белесые водоросли, веки синие, губы сжаты в упрямую линию, как у отца. «Он тиною затянут, и станет плоть его песком, кораллом кости станут»^[31]. Джейс словно взирал на юного Валентина.

Руки сами собой пошли вверх. Острие кинжала вонзилось в пересечение линий жизни и любви на правой ладони.

Издалека донеслась речь – слова, что слетали с губ самого Джейса. Слова на неизвестном языке. Ритуальное заклинание. Разум кричал, тщетно силясь остановить тело. Узкий порез начал кровоточить. Как ни старался Джейс убрать руку – не получалось, суставы словно залило цементом. И вот первые капли крови упали Себастьяну на лицо.

Открылись глаза – не отцовские. Абсолютно черные, как у демона, что назывался матерью Себастьяна. В них, как в темных зеркалах, Джейс увидел отражение собственного лица: перекошенное, чужое; с губ слетают слова бессвязным потоком дегтярной реки.

Натекло еще больше крови. Млечная жидкость в гробу стала алой, и Себастьян, расплескав

ее, сел. Взглянул на Джейса.

«Вторая часть обряда, – произнес голос в голове у Джейса. – Конец близок».

Вода сбегала по телу Себастьяна, словно ручейки слез. Волосы – совершенно бесцветные – липли ко лбу. Он вытянул руку в сторону Джейса, и Джейс направил кинжал на Себастьяна. Тот провел ладонью по лезвию, порезав ее до крови. Выбив оружие, схватил нефилима за руку.

Этого Джейс не ожидал. Он не мог пошевелиться, не мог разорвать ледяную хватку, пальцы Себастьяна словно отлили из металла. Вверх по жилам устремился пронзительный холод. Джейс содрогнулся. Все тело охватили конвульсии, как будто его выворачивало наизнанку. Джейс хотел закричать... И крик застыл в глотке, стоило посмотреть на сцепленные руки: стекая по пальцам, кровь изящным рубиновым кружевом обвивала запястья. Мерцающая в электрическом свете города, она больше не напоминала жидкость. Она живыми алыми проводами опутывала обе руки.

Джейса охватил странный покой, умиротворенность. Нью-Йорк не стало, и он перенесся на вершину горы. Под ногами лежал целый мир – покорный и готовый отдаться. Огни из электрических превратились в сияние тысяч алмазов, и оно ласкало Джейса, как бы говоря: «Все хорошо, все правильно. Так хотел бы отец».

Перед мысленным взором возник образ Клэри: ее бледное лицо, растрепанные рыжие волосы, губы складываются в слова: «Я вернусь. Минут через пять».

Потом, заглушая голос любимой, прозвучал другой. Образ ее – с мольбой в глазах – начал таять во мгле. Пропадать, как пропала Эвридика, стоило Орфею обернуться к ней напоследок. Клэри еще успела протянуть к Джейсу белые руки, и тут ее скрыла тьма.

В голове звучал знакомый, некогда отвратительный, а ныне почему-то приятный голос. Голос Себастьяна. Он словно тек по жилам вместе с кровью, кровью, которую огненной цепью передал в пожатии Себастьян.

«Теперь мы с тобой одно целое, братишка».

Мы едины.

Выражаю признательность

Как всегда львиную долю поддержки оказала семья, без родных эта книга не состоялась бы. Спасибо моему мужу Джошу, маме и папе, Джиму Хиллу и Кейт Коннор. Спасибо семье Эсонов; Мелани, Джонатану и Хэлен Льюис; Флоренсу и Джойс. Эта книга больше остальных является плодом напряженного коллективного труда, и потому огромное спасибо: Делии Шерман, Холли Блэк, Саре Рис Бреннан, Жюстин Ларбалестье, Элке Клоук, Робин Вассерман и особенно Морин Джонсон – за то, что дала имя одной из героинь.

Спасибо Уэйну Миллеру – за помощь с фразами на латыни; Марджи Лонгориа – за поддержку от «Project Book Babe» (Майкл Гарза, владелец магазина «Биг эппл» назван в честь ее сына, Майкла Элизео Джо Гарза). Бесконечную благодарность выражаю моему агенту Барри Голдблатту, моему издателю Карен Войтыла и Эмили Фейбр – за правки, внесенные, когда истекли все мыслимые и немыслимые сроки. Спасибо Клиффу Нилсону и Расселу Гордону – за прекрасные обложки, а также командам «Simon and Schuster» и «Walker Books» – благодаря им магия свершилась. И в заключение спасибо моим кошкам Лину и Люси, которые лишь срыгнули на мою рукопись.

Книга «Город падших ангелов» написана при помощи программы «Scrivener», в Сан-Мигель-де-Альенде, что в Мексике.

---

notes

Примечания

Ведь мы с тобой два тома одной книги? (фр.). – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Граф Чокула – фирменный знак, вампир, пожирающий шоколадные хлопья.

Бытие, 4:13.

Бытие, 32:30.

«She'll Be Coming 'Round the Mountain», американская песня в стиле фолк. Происходит от негритянского спиричуэла «When the Chariot Comes» («Когда приедет колесница»), в котором поется о Втором пришествии Иисуса Христа.

Бытие, 4:10.

Бытие, 4:15.

Благословен ты, Господь, внимающий молитве (др. – евр.).

«...Любовь, что движет солнце и светила» (Данте Алигьери, «Божественная комедия», пер. М. Лозинского).

Летвей – родственный муай-тай бирманский рукопашный бой.

Томой (силат-томой) – родственный муай-тай малазийский рукопашный бой.

Крав мага́ – современная израильская система приемов рукопашного боя.

Бытие, 4:12.

Упанишады – индийские религиозные трактаты, записанные в прозаической и стихотворной форме.

Греческое блюдо, нечто вроде шаурмы.

Послание апостола Павла к римлянам, 12:19.

Желатиновый куб (англ. Gelatinous Cube), – монстр из вселенной игры «Dungeons & Dragons».

«The Bronx is up, and the Battery's down» – слова из песни Фрэнка Синатры «New York, New York».

Популярная детская считалка, относящаяся к примете: сколько сорок увидишь, такое событие тебя и ждет.

У. Шекспир, «Гамлет, принц Датский», акт II, сцена 2 (пер. М. Лозинского).

Наги – в индийской мифологии оборотни-змеи.

Кицунэ – в японской мифологии оборотень-лисица.

Селки (шелки, селчи или роанэ) – в шотландской и ирландской мифологии оборотни-тюлени.

«Strawberry Shortcake» – персонаж популярной линии игрушек.

Модильяни, Амедео (1884—1920), итальянский художник и скульптор-экспрессионист.

Песня песней Соломона, 8:6.

Уоллес Стивенс, «Воскресное утро».

«...Восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Бытие, 4:8).

Хативара (яп.), короткое клинковое оружие для пробивания панцирей.

Данте Алигьери, «Божественная комедия» (пер. М. Лозинского).

У. Шекспир, «Буря», акт I, сцена 2 (пер. М. Лозинского).